

ЦИКЛЫ ВЛАСТИ (1922–1980).....	259
Глава 1. Сталин.....	260
§1. Международное положение социализма в 20-е годы.....	260
§2. Первые годы нэпа.....	276
§3. Ликвидация нэпа и установление единовластия.....	311
§4. Тридцать седьмой год.....	344
§5. Вторая мировая война.....	389
Глава 2. Эпилог или завязка.....	433
§6. Хрущевский ренессанс.....	433
§7. Движение за права человека.....	487

ЦИКЛЫ ВЛАСТИ (1922–1980)

Глава 1.

Сталин

§ 1. Международное положение социализма в 20-е годы

Планы мировой революции; последствия Версальского мира; возникновение национал-социализма в Германии; победа итальянского фашизма; парламентское решение социальных проблем за счет техники; второй, третий и “двух-с-половинный” Интернационалы; великий кризис и национал-социалистическая революция в Германии; диспропорция между силами власти и силами людей.

Для большевиков на съездах, конференциях, митингах самым главным и животрепещущим был вопрос “о международном положении”. И это понятно: они рассматривали свои деяния как первый акт мировой революции. Ленин, например, приветствуя отказ каких-то народностей Кавказа от арабского алфавита, заменяемого на латиницу, – видел в этом первый шаг в грядущем переходе **всей России** на латинский алфавит. Другие, планируя на съездах название социалистическому государству, возникшему на территории Российской империи, находили, что РСФСР – неудачное название, ибо выпячивает **российский** характер этого государственного образования; предлагали назвать “Восточно-европейские социалистические

республики”. Третьи готовили и осуществляли германскую и иные революции¹. Четвертые в голодный год отправляли из Одессы в Неаполь 600 тысяч пудов хлеба (и не их вина, что он сгнил по дороге) для поддержания революции. Все они сознавали себя “гарнизонам социалистической крепости”, обязанным при первой же возможности выйти и освободить западных рабочих от гнета капиталистов. При этом сознавали – и сознают:

Неужели трудно понять, что **долг** партии, скрывшей от врага свое решение, **обязывает** при публичных выступлениях не только вину, но и почин сваливать на противника. Только дети могли бы не понять этого.

И посему внутри России раздувался миф, будто все империалисты мира точат зубы и ножи против Республики Советов². Сознывая себя врагами всему окружающему миру, убеждали население в том, что, де, весь окружающий мир враждебен им и населению. Тогда стал закладываться миф о военной интервенции, о непрестанной готовности других государств (иной раз даже не имеющих общей границы с РСФСР) нападать, воевать, разрушать, вредить. “Пусть британцев орда снаряжает суда, угрожая Руси кандалами! Никогда, никогда, никогда, никогда коммунары не будут рабами!”

Миф этот налагался на привычную схему православного сознания отъединенности, противопоставленности высшей русской ценности всем европейским ценностям (см. §1 кн. 1), а потому очень широко и глубоко без всякого внутреннего сопротивления укоренился в народе. И когда сейчас говоришь кому бы то ни было из людей, не изучающих специально историю, что США вовсе не собираются нападать и завоевывать СССР, что ФРГ не собиралась нападать на Чехословакию в 1968, – натыкаешься на стену недоверия, непонимания, неприятия. Но об этом позже, а сейчас выясним, как обстояло дело в мире в те годы.

Мировая война кончилась. Благородные замыслы президента Вильсона, его идеалистические намерения устроить

¹ Совершенно аналогично этому кастристы, взяв власть на Кубе и не очень понимая, что теперь с властью этой делать, стали затевать грандиозные планы “освобождения всего латиноамериканского континента”.

² Одна из первых брошюр: Л.Троцкий “Фронтов нет – опасность есть”, изд. Высшего Военного Редакционного Совета, М., 1992, 47 страниц, 2 карты, 100000 экземпляров.

послевоенный мир по совести и по справедливости – рухнули перед жадностью французов и изоляционизмом Сената США. Конечно, понять французов можно: выход России из войны причинил им дополнительные тяготы; отказ советского правительства платить царские долги ударил почти по всем налогоплательщикам; окончание войны вовсе не принесло немедленного счастья, а, напротив, породило уйму проблем, о которых никто не задумывался прежде, и субъективно жить стало труднее. Поэтому Франция жаждала хоть урвать с побежденной Германии побольше контрибуций, а в залог контрибуций нахватать земель и промышленных предприятий. Каковы бы ни были причины, результаты оказались плачевны. Никакого справедливого устройства послевоенного мира не было создано. Даже предоставление национальной независимости народам, ранее входившим в состав Германии и Австрии, оказалось испорченным. Например, чехов и словаков объединили в одном государстве, а это дважды – в 1938/39 и 1968/69 – приводило к тому, что словаки отдавали и чешскую и словацкую свободу в добычу иноземному оккупанту. Более того, уничтожение Австро-Венгерской империи уничтожило единственный барьер, который с начала XVIII века препятствовал продвижению России на Балканы. И хотя в те годы Красная армия была еще слаба воспользоваться этим, не прошло и четверти века, как Советская Армия стала прочной ногой и в Праге, и в Софии.

Побежденные страны были ограблены вчистую. Всякая хозяйственная жизнь в Германии замерла. Инфляция, банкротства, толпы безработных. На этой почве оживилось социалистическое движение. Германская социал-демократическая партия, Коммунистическая партия Германии, Национал-социалистическая немецкая рабочая партия – вот три основных партии социализма, которые вступили в соревнование на политической арене Германии. Первые две объединяются общим **интернационалистическим духом** и наличием в их среде большого числа евреев (например, в КПП до 45%). Последние две объединяются общей антипарламентарной направленностью, не только неуважением к основным демократическим свободам, но намерением их растоптать как нечто мешающее экономическому и духовному счастью рабочего класса. Все они объединяются антикапиталистической пропагандой, хотя иной раз расходятся в терминологии: там, где СДПГ и КПП употребляют слова

“империалистические хищники”, НСНРП пишет “мировая плутократия” (от греческого “плутос” – “богатство” и “кратия” – “власть”). Это расхождение объясняется тем, что СДПГ и КПГ ведут свою родословную от общего предка – Маркса, а НСНРП, естественно, не признает еврея и его терминологии. Впрочем, только очень тонкий специалист по унюхиванию партийных оттенков различит немарксистский душок в гимне штурмовиков:

Мы – войско свастики и держим высоко красные знамена. Немецкому рабочему прокладываем мы путь к свободе. (Wir sind die Heer vom Hakenkreutz. Hebt hoch die rote Fahnen. Den deutschen Arbeiter wollen wir den Weg zur Freiheit bahnen), –

или в программном положении национал-социализма:

Построение общенародного бесклассового общества.

Разумеется, как и КПГ, НСНРП была вызывающе антицерковной и антиаристократической партией. Национал-социализм давал цельное вероучение, которое не могло сожительствовать ни с каким другим, тем более таким мягкотелым, как христианство, с его “не убий” и “возлюби ближнего своего”. Как в свое время Савва Морозов снабжал деньгами с.-д., так и в Германии 20-х годов находились капиталистические магнаты, которые щедро финансировали нацистов (недовольство сиюминутной политикой правительства плюс логика “враг моего врага – мне друг”). Когда позже Гитлер, придя к власти, выставил пинком из Германии этих плутократов, они горько плакались, вроде Тиссена, который так и озаглавил свои мемуары: “Я платил Гитлеру” (а он, де, отнял мои заводы и изгнал меня из Германии, неблагодарный!). На всем протяжении 20-х годов национал-социалисты являлись резко антиправительственной партией, подвергались суровым репрессиям, частым арестам и т.п. Гитлер, например, писал свой главный труд, сидя в тюрьме; Геринг избавился от тюрьмы только удачной симуляцией сумасшествия; хозяева частных предприятий отказывались принимать на работу рабочих – членов НСНРП и т.п. Впрочем, к характеристике национал-социализма я еще вернусь. Покамест мне достаточно только добавить, что русские эмигранты (Тимашов, Сорокин) читали в Гарвардском университете лекции о родстве большевизма и национал-социализма уже в конце 20-х годов.

Гораздо более заметный в 20-е годы брат большевизма объявился в Италии. По причинам, в анализ которых входить неуместно, после мировой войны Италия, хотя и победительница, оказалась очень неустроенной и неспокойной. В ней бушевали анархисты, социалисты (из которых выделялись в самостоятельную партию коммунисты, но выбор Москвою вождей для КПИ оказался персонально неудачным, так что коммунисты не внесли заметного вклада в движение 1918-1923) и – “фашисты”. В переводе на русский язык следовало бы написать “союзники”. Аналогично тому, как в России в 1885-1905 чуть ли не всякая организация именовалась “союз”, так и у итальянцев обиходным был термин “фашио” (*fascio di combattimenti*). К лету 1922 все фашио объединились под руководством старого социалистического деятеля, одного из прежних вождей социалистической партии Италии – Муссолини. Цель была – взятие власти фашистами как истинными представителями итальянских рабочих, а тактика – организация при партии специальных боевых отрядов, которые избивали противников, держали в страхе власти, ограждали от покушения своих вождей. Местные муниципальные власти то ли не осмеливались распустить эти боевые (штурмовые) отряды, то ли надеялись, что фашисты успешно справятся с анархистами, которые рисовались большей опасностью, то ли по иным причинам (из которых нельзя исключать и простой подкуп) не преследовали явно хулиганских выходов фашистских вооруженных сил. Направляемое умудренным политическим стратегом Муссолини и непрепятствуемое законными властями фашистское движение результативало октябрьским походом на Рим в 1922, когда начиная с Милана все города Италии склонялись перед “duce” (вождем), и в заключение которого король “повелел” Муссолини создать правительство по своему усмотрению.

На XII съезде большевистской партии, отчитываясь от имени Российского представительства в Исполкоме Коминтерна, Бухарин откровенно признавал:

Фашистские организации растут в настоящее время повсеместно. В Италии фашистская партия стала правящей и государственной партией. В Германии имеется громадное количество всевозможных конспиративных организаций, наиболее крупными из которых являются баварская организация “Национальных социалистов” во главе с Гитлером, и организация Оргеша¹... Характерным

¹ Сокращенное название Организации Георга Эшериха.

для методов фашистской борьбы является то, что они больше, чем какая бы то ни было партия, усвоили себе и применяют на практике опыт русской революции. Если их рассматривать с точки зрения техники их политических приемов, то это – полное применение большевистской тактики и специально русского большевизма, в смысле быстрого собирания сил, энергичного действия очень крепко сколоченной военной организации, в смысле определенной системы бросания своих сил, “учраспредов”, мобилизаций и т.п. и беспощадного уничтожения противника, когда это нужно и когда это вызывается обстоятельствами.

Далее Бухарин отмечает, что фашисты уничтожают в первую очередь основные организующие силы общества, дабы получить аморфную массу населения, заставить людей расплыться, обрезая все организующие нити, которыми скопление людей превращается в общество и придается ему известная организационная спайка; но говорит это Бухарин в своей наукообразной и марксистсковидной терминологии. Узнав о победе Муссолини, Ленин направил гневное письмо итальянским коммунистам: “Как вы, дескать, проглядели такого вождя! Да вам, олухам, вокруг него следовало сгруппироваться!!!”; оно не вошло и в V издание собрания сочинений, опубликовано Лоррио, когда тот порвал с коммунистами и вышел из ИККМ.

Придя к власти и уладив свои внутренние дела, Муссолини немедленно признал Советскую Россию и установил с ней дипломатические отношения; Италия была первая крупная держава, которая официально признала СССР. Уже позднее СССР был признан Англией и другими парламентарными странами.

Фашизм как идеологическая доктрина исходит из признания социализма высшей и наилучшей формой общественного существования. Как политическая практика итальянский фашизм признавал, что он еще не достиг сияющих вершин социализма, а вынужден делать некоторые уступки враждебным силам, полностью уничтожить которые он пока не может; приходилось терпеть номинально короля, хотя с ним никто не считался; пришлось заключить конкордат с Папой Римским, ибо большинство населения Италии – католики, хотя фашизм отрицал религию; “настоящий социализм” был провозглашен Муссолини только после того, как его самого уже свергли в 1943, но ему удалось бежать на занятую немцами территорию, где он провозгласил социалистическую “республику Сало”, уже не ограниченную приспособленчеством к грустным реальностям жизни. Реальным развитием в рамках социалисти-

ческого мышления в фашистской идеологии было учение о соотношении классов. Дофашистские социалисты провозглашали высшей ценностью интересы рабочего класса. Победу социализма неразрывно связывали с уничтожением класса, противостоящего рабочему классу, т.е. класса капиталистов. Уничтожение понималось по-разному, не стану сейчас на этом задерживаться. Это порождало и теоретические трудности, и трудности практические. Теоретически делалось неясным: как рабочий класс, который в системе марксистской терминологии мыслится как класс, торгующий своей рабочей силой и при этом обкрадываемый капиталистами, будет существовать, когда он никому не сможет продать свою рабочую силу, когда исчезнет **рынок труда**. С этим связаны, например, бесконечные споры советских марксистов, есть ли в социалистическом хозяйстве прибавочная стоимость, и т.п. Практически же опыт русской социалистической революции показал, что истребление буржуазии, ликвидация капиталистов будь то как **класса**, будь то как **личностей**, – чревато расстройством хозяйства, нескончаемой гражданской войной. Муссолини, учёвший, как правильно подметил Бухарин, опыт большевистской революции, решил начать прямо с того места, к которому большевики пришли после трагического эксперимента непосредственного введения социализма, – с нэпа. Но в отличие от большевиков, которые рассматривали нэп как отступление, Муссолини (точнее, его идеолог Рокко и другие) идеологически оправдал сохранение капиталистов в социалистическом государстве, прибегнув к такой конструкции – Государство должно быть надклассовым. Фашизм создает **корпоративное государство**, куда входят корпорация рабочих и корпорация предпринимателей. Третье и решающее место принадлежит представителям **государства**, которое обладает абсолютной ценностью (характерно, что из различных итальянских терминов, обозначающих “государство” – “стато”, “имперо” – Муссолини предпочитал пользоваться **имперо**. Если для марксизма экономика первична и люди вторичны, являясь лишь пересечениями производственных отношений, то для Муссолини государство – первично, а индивидуумы вторичны, являясь лишь агентами государственной власти. Конечно же, прав Бухарин, Муссолини не сам до этого додумался, но зато сформулировал он четко. И еще надо сказать спасибо старому с.-р. Магеровскому,

который в 1917 примкнул к левым с.-р. и потому поддержал Октябрь, 6 июля 1918 примкнул к вооруженной демонстрации, а в 1929 написал и издал в СССР книгу “Фашистское государство”, где весьма недвусмысленно провел параллели.

Итак, государственная власть выступает арбитром и неприменным третейским судьей в конфликтах между трудом и капиталом. Прямое разрешение конфликтов между трудом и капиталом без обращения к государству воспрещается. Поэтому, например, забастовки были в фашистской Италии запрещены. (Полезно сравнить с этим дискуссии на одном из съездов Советов. Принимается советская конституция. Кто-то из меньшевиков или из рабочей оппозиции вносит предложение закрепить в конституции право рабочих на забастовки. Встает Луначарский и начинает: государство у нас рабочее. Поэтому бессмысленно специально оговаривать право рабочих на забастовку: ведь это такое же естественное право рабочих, как право дышать. Не пишем же мы в конституции, что трудящиеся имеют право на дыхание, по той же причине не к чему удлинять конституцию и вставлять в нее очевидное право на забастовки. В конституции оно не отражено.) По тем же причинам запрещены были локауты.

Следующая существеннейшая часть фашистской идеологии – это антипарламентаризм. Парламентская форма управления, как и всякие либеральные свободы слова, собраний, печати и т.п., провозглашаются вредными для государства, имеющими корни в **индивидуалистской доктрине**, а потому в эру **коллективизма** лишь порождающими болезненные социальные явления. Управление должно быть авторитарным, т.е. беспрекословным. Партий быть не должно. Хотя за фашистской партией было сохранено название **партия**, но оно являлось такой же данью традиции, как “партия” в названии КПСС. Ничего похожего на “партию” в западном или дофашистском понимании, конечно, не было. Власть исходит от Большого Фашистского Совета, который делегирует ее своим представителям в тех или иных партийных, государственных или иных органах.

Пожалуй, отличительной особенностью итальянского фашизма была его бескровность сравнительно с русским или германским. Фашисты охотно избивали своих противников или поили их касторкой, но редко убивали. Они не ликвидировали целые большие группы своего населения: ни буржу-

азию, ни интеллигенцию, ни евреев. Ни ВЧК, ни гестапо в Италии не были созданы, ОВРА выполняла иные функции. Лица, симпатизирующие фашизму, или вообще антилиберально настроенные, любят повторять фразы: “Зато при Муссолини поезда в Италии ходили точно по расписанию” и “Зато при Муссолини резко уменьшилась преступность и он уничтожил сицилийскую мафию”. Итак, социализм, хотя и в неожиданной для Коминтерна форме, прорвался на юг Европы и бурно кипел в Германии. В Польше у власти находилась ППС, т.е. социалистическая партия; там было много еврейских погромов. Логика простая: евреи управляют Советской Россией (что в те годы было недалеко от истины; Ленин говаривал: “Что такое русский умник? Либо еврей, либо с примесью еврейской крови”, а русские для него были “нацией обломовых”), именно евреи приветствовали Красную армию в 1920, когда та рвалась завоевать Польшу, а потому их надо бить в целях спасения государственной независимости.

Социал-демократы пришли к власти в Австрии. Они подверглись ожесточенным нападкам большевиков, потому что отказались сотрудничать со своими коммунистами и “вели клеветническую кампанию против СССР”. Они провели в жизнь целый ряд социальных преобразований, старательно совмещая их с парламентарно-либеральными принципами. Насколько я понимаю, внутренняя жизнь Австрии была стабилизирована, и для нее главной проблемой была возможность воссоединиться всем немцам в единой Германии, возможность, которую ультимативно пресек Верховный Совет Антанты в 1919.

Больше, пожалуй, нигде социализм не победил в государственном плане. Тем не менее, штаб мировой революции Коммунистический Интернационал и его мозг – Исполком Коминтерна – не вполне строили на песке свои расчеты близкой победы социализма во всем мире. Дело в том, что социалистические настроения были распространены довольно широко. Наименее острую форму они приобретали в тех странах с хорошо развитым парламентарным строем, где у законодательной власти существует способ получать неискаженную информацию о настроениях страны, т.е. где есть независимая пресса. Там законодатели, пусть неохотно, кривясь, из личных корыстных побуждений, но шли на необходимейшие уступки и удовлетворяли наиболее острые требования трудящихся, коль скоро эти требования оказывались реально исполнимыми.

(Например, в Германии существовала полная свобода прессы и четко функционирующая парламентская система с большим разделением властей, но просто не было никаких экономических возможностей удовлетворить требования рабочего класса.) Требования же трудящейся части населения, которая обеспечивала себе существование продажей своего труда – рабочих рук, умений, знаний, – сводились в основном к тому, о чем писали еще Сен-Симон и Фурье: к введению некоторой формы общественной страховки на случай, когда продать свой труд невозможно (либо по причине собственной болезни или старости, либо по причине отсутствия общественного спроса на этот вид труда из-за промышленного или торгового кризиса или смены технологических процессов). К ограничению прав работодателей над работающими. И это постепенно было проделано во Франции и Англии. Огромный вклад в улучшение условий труда и повышение благосостояния рабочих без подрыва национальной экономики внесла М.О.Т. – Международная организация труда, созданная при Лиге Наций.

В парламентских странах социалистические преобразования вводились в основном социалистическими и социал-демократическими партиями. Эти партии объединялись – по принципам федерации с очень слабой централизацией – в Интернационал, называемый Вторым Интернационалом. II Интернационал возник как объединение марксистски-марксообразно настроенных социалистов в 1889. Он претендовал на роль I Интернационала – международное объединение всех рабочих и социалистических партий и течений, но начал свое функционирование с недопущения в свои ряды анархистов. В 1914 фактически II Интернационал распался. После окончания войны часть его прежних деятелей оказалась коммунистами; они создали в 1919 III Интернационал, “Коминтерн”, построенный сугубо по-военному. Большая часть прежних социалистов восстановила II Интернационал, подчеркнуто – в противовес большевикам – соблюдая общелиберальные (или как не точно выражаются, “общедемократические”) принципы, стремясь превратить II Интернационал в орган **совещательный**, влиятельный в силу своего **нравственного и теоретического авторитета**, а не приказно-исполнительный орган, опирающийся на мощь Красной армии, и т.п. Естественно, что большевики рассматривали II Интернационал как “Желтый интернационал”, как скопище приказчиков буржуазии, социал-пре-

дателей. В первую очередь, следуя дореволюционной стратегии большевиков, они обрушивались не на буржуазию и не на правительства, а на социал-соглашателей.

Из среды социалистов выделились отдельные лица (Мартов, Штейнберг, Карелин), которые, как дореволюционные межрайонцы, жаждали единства рабочего движения, хотели объединить II и III Интернационалы. С этой целью они создали II $\frac{1}{2}$ Интернационал, занявший промежуточную позицию по почти всем вопросам и добивавшийся выяснения и согласования противоречий между коммунистами и социалистами. Наиболее логичные и честные высказывания делались сторонниками “двух-с-половинного Интернационала”, ибо они не были связаны ни условиями парламентского лавирования, как деятели II Интернационала, ни жаждой удержать власть при страхе ее лишиться. В чистом виде коммунистическая доктрина могла бы изучаться по писаниям II $\frac{1}{2}$ Интернационала. Разумеется, как и всякая группа теоретиков, не позволяющих себе прибегать к эксплуатации предрассудков и отсталости, этот Интернационал оказался нежизненным и через несколько лет распался. На ход внедрения социалистических преобразований ни в России, ни в западных странах он влияния не оказал.

Еще были интернациональные объединения анархистов, но их деятельность совсем не имеет отношения к моей теме. Ведь моя тема – Россия, и если я упоминаю о “международной ситуации”, то лишь в той мере, в какой международное положение оказалось значимым или могло оказаться значимым для хода событий в СССР. Именно поэтому я, например, не изучаю **причин** возникновения фашизма в Италии и т.п. На ход событий в СССР оказал влияние факт победы фашизма в Италии, значит, про этот факт следует упомянуть. Наличие молодежных штурмовых отрядов повлияло на характер деятельности комсомола (все комсомольцы получили право ношения оружия и направлялись ударной силой в деревню)¹ – значит, упомянуть о них стоит. Но причины и подробности –

¹ Тема для диссертации: история и назначение т.н. Частей Особого Назначения – ЧОН. Это вооруженные силы, подчинявшиеся только **партийным** органам, а не ревкомам, не реввоенсоветам, как обычные вооруженные силы. Поэтому их можно предполагать созданными в противовес Троцкому. ЧОН не подчинялись также и ВЧК, которая имела свои особые воинские части. В какой мере отразился итальянский опыт партийных вооруженных сил на создании ЧОН? Или наоборот? Штурмовые отряды в Германии юридически имели точно тот же статус, но созданы позже.

за пределами исследования. Впрочем, если читатель недоволен мною, я предлагаю ему самому дописать этот параграф.

Помимо парламентарного строя, удовлетворению требования страхования способствовала все возрастающая роль техники. Все большая часть создаваемого национального дохода обуславливалась лучшей организацией труда, использованием электричества, использованием научных достижений вообще. Поэтому и отдельно взятый капиталист и общество в целом могли безболезненно для хода производства отчислять на пособия по безработице, на пенсии, на обязательные оплачиваемые отпуска, на повышение зарплаты, наконец, – все большие и большие суммы. Подобно тому, как почти во всех странах во избежание волнений горожан хлеб продается потребителю ниже себестоимости, по такой цене, по которой крестьяне отказались бы его выращивать, подобно этому наемные рабочие стали получать зарплату выше реальной стоимости своего труда. В первом случае разницу оплачивает налогоплательщик, а во втором – она идет за счет бескорыстных ученых, которые открывают законы природы и публикуют их во всеобщее сведение из любви к истине, а не за деньги.

После экономической неурядицы первых послевоенных лет в 1923-1927 годах разворачивалось экономическое оживление, восстанавливались торговые связи, перекраивались вновь поделенные колонии, интенсивно внедрялись технические усовершенствования. Поэтому созданные в предвоенные и послевоенные годы революционные всемирные организации (из которых крупнейшая была “ИРМ” – “Индустриальные рабочие мира”) не находили почвы для агитации и сходили со сцены. “Штаб мировой революции” – ИККИ – находился в состоянии уныния и беспрестанных споров. Тыкались в Индию, Китай, но там шла своя жизнь, и искусственная московская пропаганда если и давала успех, то плоды Москве не доставались, а чаще вообще все затеи лопались. США крутыми (и не всегда справедливыми – дело Сакко и Ванцетти) мерами избавились от анархистов, и никакие социалистические учения не находили в них отклика.

В конце десятилетия разразился неслыханный, жесточайший промышленно-торговый кризис в США и во всем мире. Может быть, если бы к этому моменту мозговой центр коммунизма не был ослаблен внутренними распрями и исключениями из компартий практически всех сторонников ориентации

на раздувание мировой социалистической революции, коммунизму и удалось бы завоевать еще страну-другую¹. Однако, этого не случилось, и хотя СССР активно готовился к войне в 1931, но в конце концов на нее не решился. Причины – позже. Из мирового кризиса позиции социализма в мире вышли более крепкими, нежели были прежде: в США и Германии капитализм был поколеблен. В США восторжествовал т.н. “Новый курс” Рузвельта, который отказывался от неограниченно-свободной игры экономических институций, а вносил некоторые элементы государственного регулирования экономики, т.е. ставил экономическую, финансовую, профсоюзную и иные власти в некоторую зависимость от властей законодательной и исполнительной. Принятых мер оказалось достаточно, чтобы вот уже сорок лет в США не случилось ни одного кризиса; впрочем, и во всем мире великий кризис 1928-33 годов был последним.

Этот же последний экономический кризис дал победу в Германии социализму: к власти пришел Гитлер. До 1933 над национал-социалистами в Европе смеялись – почти буквально теми же словами, что летом 1917 в России смеялись над большевиками. Смеялись, позабыв “не касающуюся” Европы историю. Как и Муссолини, Гитлер учел опыт большевистской революции и сразу начал с нэпа, т.е. не стал разрушать экономику созданием “рабочих советов” и т.п., а административным порядком вынуждал промышленников – под угрозой закрытия или национализации предприятий – выполнять все директивы государственной власти касательно хозяйственных, производственных и торговых вопросов. С безработицей в Германии было покончено, началось быстрое развитие экономики. Первое мая стало государственным праздником. Были учреждены ясли и т.п. Как известно, национал-социализм имел две специфические черты: во-первых, он стремился восстановить величие Германии, ограбленной Версальским миром, а во-вторых, профессионально эксплуатируя отсталость немецкого рабочего движения, Гитлер в качестве объекта натравливания, мишени побоев для своих штурмовых отрядов избрал еврейство. Сначала – только “еврейскую плутократию”, а позже – всю еврейскую расу. Переход от гонений на иудейское вероиспове-

¹ В этой связи показательны упреки, с которыми обратился вожь итальянской компартии Грамши к Сталину в середине 20-х годов: какие бы ошибки ни совершал Троцкий, рвать с ним ни в коем случае не следовало, ибо он, дескать, “незаменимый вожь революции”.

дание к гонениям против еврейской крови – принципиально новое, ранее неслыханное; сейчас, впрочем, уже вполне усвоенное и кажущееся естественным. Именно поэтому сотрудничество между коммунистами и нацистами было на ранней стадии невозможным¹. После прихода Гитлера к власти все партии были распущены, парламент (рейхстаг) занялся бурными овациями и единодушным одобрением политики вождей, профсоюзы – вполне по Троцкому – были огосударствлены². Все власти, все общественные институты были подчинены неограниченной власти партийного руководства – рейхсфюреров и гауляйтеров. Индивидуум был смят и подчинен тотальной воле коллектива, вещаемой из репродукторов. В отличие от Ленина и Троцкого, Гитлер стремился не развязывать гражданской войны, он берег арийскую кровь, и за все 12 лет его господства, несмотря на репрессии против церкви, аристократии, офицерства и др., число внутренних жертв в Германии было меньше, нежели за годы гражданской войны в России. В частности, лицам немецкой крови, хотя бы бывшим членам компартии, был обеспечен свободный прием в национал-социалистическую партию; 42% коммунистов воспользовались этим и вступили в НСНРП.

Несмотря на родственные и почти неотличимые по сути режимы, Италия, СССР и Германия находились в натянутых отношениях, что объяснялось дипломатическими и случайными причинами. Но об этом позже.

Следует отметить одну особенность этого периода. Технические средства так возросли за полвека со времен народников, что сейчас власть обладала дешевыми средствами, делавшими ее практически неуязвимой для индивидуумов, недовольных этой властью. Если прежде вооруженность правительственной власти лишь незначительно, и во всяком случае не качественно, превосходила вооруженность и возможности группы отважных лиц, численно равной кабинету министров, то в 20-е годы вооруженность и возможности десятка лиц из правительства в тысячи, если не в сотни тысяч раз, превосходили вооруженность и возможности десятка лиц, не причастных к государственному аппарату. Эта общая тенденция тех-

¹ Хотя, впрочем, в транспортной забастовке в Берлине в 1931 ко всеобщему изумлению германские коммунисты и нацисты выступили единым фронтом, как и в вотуме недоверия правительству Польши (1932).

² Вождь нацистских профсоюзов Лей покончил с собой, когда ему в 1946 вручили обвинительный акт в Нюрнберге.

нического прогресса в парламентарно-либеральных странах нейтрализовалась сложной системой зависимости исполнительной власти от общества и его институций; наличием в обществе не только легальной и материальной возможности к образованию ассоциаций, но реализацией этих возможностей. В странах, где деятельность правительства не контролировалась прессой и где все материальные гарантии независимости лиц и ассоциаций были отняты в пользу исполнительной власти, – эта тенденция приводила к резкому возрастанию веса правительства и к духовной капитуляции индивидуума перед властью – человек отчетливо осознавал свое бессилие. Бессилие, которого не бывало в XIX веке. Забегая почти на полвека вперед, скажем, что именно это техническое могущество правительства породило в демократических странах эпидемию террористических актов против рядовых граждан, против первого попавшегося: эти жертвы берутся “взамен” трудно доступных министров. По-видимому, самое надежное средство для ликвидации такого терроризма – христианское: правительство и его чиновники должны отказаться от охраны себя какими бы то ни было техническими средствами. Например, премьер-министр Великобритании – приехать в Ольстер безо всякой охраны и ходить по католическим кварталам в одиночку... Тогда, удовлетворившись убийством “виновников”, террористы перестанут бросать бомбы в кафе с невинными.

Раз уж мы забежали вперед, отметим еще одно роковое последствие технологической революции. Упомянутое спасение капитализма после великого кризиса в своей экономической части базировалось на революции, произведенной Фордом в 1910-16 годах. Его фирма выпускала автомобили – дорогостоящие, в малом числе, едва ли не по индивидуальному заказу каждая машина. И все равно рынок сбыта их сужался, грозил кризис перепроизводства. Тогда Форд пошел на резкое сокращение продажной цены, сделав тем самым автомобиль доступным широким массам (так что произведение цены на объем производства не уменьшилось, а это и есть доход), развил массовое производство (дешевое по себестоимости, немыслимое при работе на индивидуальный заказ) и не только спас автомобилестроение, но указал путь, по которому пошла вся американская, а потом и европейская экономика. Сразу оказалась обеспечена высокая занятость, приличная зарплата и наличие у потребителей дешевых предметов комфорта. Индустриализм в его капиталистической форме

был спасен и социалистическая доктрина лишилась экономической почвы.

Однако, как выяснилось через полвека, при этом способе функционирования экономики затрачивается гораздо больше природных ресурсов и производится гораздо больше отходов, загрязняющих планету, нежели во все предшествовавшие века. Больше даже, чем планета может выдержать. Реалистический прогноз говорит нам, что даже если бы численность населения Земли была стабилизирована, все равно такой рост технологии приведет к глобальной катастрофе в первой половине XXI века или раньше. Речь идет вовсе не о “бесхозяйственном” обращении с природой или т.п. недостатками. Проблема ресурсов и отходов одинаково актуальна как для капиталистических, так и для социалистических стран – это проблема индустриального общества, а не проблема уклада такого общества. Поэтому, хотя капитализм увернулся от гибели на пороге XX века, осталось неясным, насколько отсрочена гибель – теперь уже не его одного, а всей планеты Земля и ее экипажа Человечества. Ведь в двадцатые годы социалисты не понимали, что единственная идеология, которая еще сохраняла за социалистически-коммунистической доктриной право на разумное существование, была бы антииндустриальная идеология. Напротив, и в СССР, и в Германии они энергично развивали собственную индустрию, основанную на тех же принципах массового, серийного производства с появлением у потребителя веками неслыханного комфорта – за счет ресурсов и отходов. Но это – иная тематика. И у социалистов ведущим был не комфорт, а “государственные интересы”.

ЛИТЕРАТУРА

- Галкин. “Германский фашизм”, М., 1966.
Гейден. “История немецкого фашизма”, М., 1935.
Магеровский. “Фашистское государство”, М., 1929.
Чейз. “Трагедия расточительства”, М., 1926.
Форд. “Моя жизнь”, М., 1924.

§ 2. Первые годы нэпа

Отступление или реставрация; успокоение крестьянства, голод в Поволжье; сохранение командных высот; репрессии против самостоятельных; формирование идеологии; устранение человеческих факторов из объяснений общественных явлений; отстранение Шляпникова; “тройка”; ЦКК; Фрунзе сменяет Троцкого; измена Бухарина Троцкому; ликвидация аппаратов Ленина и Троцкого; оргпобеда правых.

Всеми делегатами съезда, всеми членами РКП и даже всеми, вчуже наблюдавшими за ходом российской революции, нэп был воспринят как отступление. И он был отступлением.

Коммунисты, которые ставили своей целью ликвидировать товарное хозяйство, заменив его прямым продуктообменом, вынуждены были легализовать товарный оборот, допустить рыночную стихию. (Для тех, кто ни при какой погоде не изучал марксистской терминологии, поясню, что **товаром** они называют **продукт**, который обменивается по законам **рынка**, т.е. методом **купли-продажи** при относительной свободе **поставления** продукта на рынок и относительной свободе установления **цены** на него продавцом и покупателем в условиях **конкуренции**.) Коммунисты, которые национализировали все, от заводов и до кур, теперь вновь разрешили частное предпринимательство, частный капитал, “эксплоатацию человека – человеком-частником”.

Что же произошло в марте 1921?

Смысл этой реформы заключался в отмене государственной монополии на продукты сельского хозяйства и в признании вольного рынка для тех же продуктов. Вслед за этим последовала отмена монополий государства на заготовку всевозможного сырья. Вольный рынок для продуктов сельского хозяйства повлек за собой восстановление товарной автономии кустарной и мелкой промышленности, которые уже в 1921 были освобождены от работы по принудительным нарядам. Возможность частного предпринимательства в области мелкой промышленности была несколько расширена для предприятий с количеством рабочих до 20 человек. В связи с этим часть национализированных мелких

промышленных предприятий была возвращена прежним владельцам.

В конце 1921 и вся масса государственной промышленности переходит на новые начала, которые выразились в том, что эти предприятия получили право сначала частично, а потом и полностью вести свое снабжение на вольном рынке путем закупок, а также и свободно продавать свою продукцию.

Таким образом, и для промышленности (тресты) система планового снабжения и работа по нарядам были ликвидированы. В соответствии с этим восстанавливается и платность перевозок, и оплата коммунальных услуг.

Вольный рынок и восстановленный товарный оборот повлекли за собой в октябре 1921 учреждение Государственного банка, в целях кредитования хозяйства, работающего на коммерческом расчете. Тут вновь появляется вексель, как основное орудие кредита и расчета. Вместе с тем, восстановление товарного оборота неизбежно потребовало признания и регулирования частных имущественных отношений, и в частности договорного оборота. В связи с этой потребностью издается принципиальное постановление ЦИК РСФСР от 22 мая 1922 “Об основных частных имущественных правах, признаваемых в РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР”. Это декларативное постановление намечало содержание будущего Гражданского кодекса, указывало круг имущественных прав, которые будут впредь защищаться, признавало свободу имущественных сделок и вместе с тем, в виде правила, признавало за гражданами РСФСР право в пределах действующих законов заниматься ремеслами, профессиями по своему усмотрению. Поэтому, если к концу 1920 в смысле инициативы в области хозяйственной деятельности все, что не было прямо дозволено, было запрещено, то со времени издания Положения мы вновь имеем в этой области правило, что все виды деятельности дозволены, правда, с существенной оговоркой, что такая право-способность предоставляется в целях развития производительных сил страны (ст. 4 ГК) и поскольку нет определенных запрещений или ограничений. В этом, в сущности, и заключается правовое выражение признанного в 1921 вольного рынка.

Спрашивается, что же это? Отступление? Реакция? Реставрация?

Принимая желаемое за действительное, многие были уверены, что началась реставрация. Все великие революции развивались по схеме: гнилая власть, революция, террор, война, реставрация, контрреставрация, спокойная жизнь — лучшая, чем до революции. Поэтому естественно было ожидать от Русской Революции следования этой схеме. Разумеется, никто не мог всерьез поверить (и многие мои читатели не поверят), что появление телефонов, телеграфа, радиовещания, кинема-

тографов, пулеметов, авиации, железных дорог могло изменить такие хорошо установленные исторические закономерности протекания революции. А они – изменили-таки, как сказано в предпоследнем замечании предыдущего параграфа.

Веря, что началась реставрация, расходились в оценке. Эмигранты и большая часть населения в РСФСР радовались; многие партийцы грустили и возмущались; большинство партийцев опасалось и принимало меры, дабы реставрации не произошло. Полезна ли вообще реставрация? На мой взгляд, революция, смененная реставрацией, полезнее, нежели революция, реставрацией не смененная; революция, пережившая и реставрацию, и контрреставрацию, еще полезнее. Переход от одной крайней точки зрения к противоположной на глазах одного поколения обогащает людей опытом сосуществования и терпимости. Гласное выяснение преступлений и ошибок деятелей, которые казались или были великими, способствует лучшему взаимопониманию и нахождению тех средств социальных изменений, которые приносят минимальный вред. Великая истина, что в гражданской войне, как и в семейной ссоре, не бывает победителя, познается только в процессе реставрации.

И такая частичная реставрация наступила в 1921. Как только крестьянство получило заверения, что им не будут помыкать продкомиссары, что устанавливается твердый неизменный налог, а излишек сельхозпродуктов можно свободно продавать, везти в город, – оно тут же прекратило борьбу против советской власти. Поэтому ни Савинков, ни Булак-Балахович, сформировавшие в 1921 вооруженные отряды, не избежали поражения. Поэтому и Антонов в Тамбовской губернии был разбит наголову. Нэп успокоил крестьянство.

Правда, в самый год введения нэпа над Россией разразилось стихийное бедствие: засуха и голод в Поволжье. Запасов от прежних лет не было никаких, кормить даже рабочих в столицах было нечем. Поэтому люди мерли. Недобитые общественные деятели дореволюционной формации попробовали создать общественные организации для помощи голодающим, вспоминая опыт голода 1891-92. Известные с.-д. (потом к.-д.) Прокопович и Кускова, зампред Временного правительства Кишкин возглавили Всепомгол – Всероссийский Комитет Помощи Голодающим¹. Однако их быстро укороти-

¹ Председатель – Каменев. Почетный председатель – Короленко. Его не тронули. Он умер в декабре 1921. В том же году умерли Кропоткин, Блок, Гумилев.

ли, обвинив в контрреволюции, отняли собранные средства и выслали, продержав какое-то время в тюрьме. Их организацию издевательски окрестили “ПРОКУКИШ” по начальным слогам фамилий. Различные международные организации – американская АРА, Краснокрестная под председательством Нансена и др. – просили у советского правительства разрешения помочь голодающим. Тут основным яблоком раздора служил пункт **использования помощи**. Благотворители настаивали, чтобы помощь распределялась равномерно между всеми голодающими (и только голодающими) независимо от их социального, партийного или религиозного статуса. Советская власть считала излишним подкармливать обреченных историей на вымирание буржуев, верующих или меньшевиков; поэтому помощь оказывалась только сторонникам советской власти. Кроме того, Троцкий часть помощи отчислял для Красной армии. Благотворители возмущались, требовали, чтобы их самих допустили до распределения помощи, но, как правило, шли на уступки коммунистам.

Настоящий нэп, тот, при разговоре о котором в пивной или в очереди в магазине у рассказчика и посейчас текут слюнки – “как сытно тогда жили!”, “и кому это мешало”, – начался в 1922. Убедившись, что разрешение частного предпринимательства – не надувательство, различного рода деятели начали вкладывать свои капиталы то в собственную фабричку, то в акционерное общество. И хотя, естественно, на поверхности барахталась “пена” вроде Остапа Бендера, процесс экономического оживления оздоравливал хозяйство страны, ликвидировал безработицу, возникшую в результате демобилизации. Так как профсоюзы, конечно, в конфликтах с частным капиталом стояли на стороне рабочих, поддерживаемые и законодательством страны и органами ВЧК-ОГПУ, то рабочие только выигрывали от капиталистического оживления. Конечно, были и такие коммунисты, которые скорбели:

Как войду я в жизнь иную под зазывы лавок, если рядом вход в пивную, от меня направо? Как мне быть твоим поэтом, коммунизма племя, если крашено рыжим цветом, а не красным – время!

Но это настроение, хоть и было распространено, не делало погоды.

Следовательно, крестьянские и рабочие массы только выигрывали от нэпа; объективные корни недовольства властью снимались. Народное хозяйство восстанавливалось.

Более того, власть замышляла еще более глубокое экономическое отступление. Она всячески заманивала зарубежных капиталистов рекламой концессий, которые она, де, может предоставить на льготных условиях. Она готова была даже признать царские долги (главный пункт разногласий с Францией, а потому и с Англией) в обмен на получение кредитов для восстановления народного хозяйства. В Генуе шли переговоры между представителями крупнейших стран мира на темы послевоенной мировой экономики, и советское правительство рвалось туда: ведь его еще никто не признавал! (Это было до Муссолини.)

Но нэп был “отступлением при сохранении командных высот в руках ЦК”. Поэтому никакая из делаемых уступок не вела к ослаблению политической власти ЦК: исполнительная, законодательная, судебная, информационная, воспитательная, военная, экономическая и медицинская власти сливались на самом верху. Какие бы то ни было самостоятельные организации в экономике допускались только при тщательном надзоре со стороны ОГПУ. Легко отступая от своей программы, большевики не уступали ни дюйма в вопросе о реальной власти. И в первую очередь – опять-таки вопреки тому, что вытекает из марксизма, – большевики заботились об информационной власти. Лишить свой народ права знать факты, убрать самостоятельно думающих людей, вбить в головы идеологические штампы – вот какая задача решалась в эти первые годы нэпа. Идеология первична, а экономика вторична – это они понимали!

И тут бывали нюансы. Например, когда возник вопрос о приглашении в Геную, власть сделалась мягче и обходительнее с профессорами. Среди преподавателей высших учебных заведений давно назревало недовольство; среди причин была и такая. Приставленные для контроля за “контрой” “классовосознательные” истопники и вахтеры университетов просто отнимали у профессоров и без того скудный паек; а жаловаться на них было невозможно. Более глубокая причина лежала в том, что Луначарский вел курс на ликвидацию автономии высшей школы, на ее полное подчинение исполнительной власти; а этого не бывало с российскими университетами даже во времена Николая I. Борьба – то петициями, то забастовками, то возмущенными выступлениями – началась в 1920 ректором Московского университета В.И.Ясинским (до того декан физмата), активное участие в ней принял декан физмата В.Б.Стратонов. На первых порах с протестантами боролись в

основном по линии репрессий, но когда забастовка случилась в 1922 как раз незадолго перед “Генуей”, власть с одной стороны разъярилась: “Контрреволюционеры нарочно хотят сорвать Геную, устраивая скандал!”, а с другой – пошла на уступки: создала комиссию во главе с Луначарским и Покровским, включая Дзержинского, разумеется. И применила испытанный метод “разделяй и властвуй”. Профессору Павлову, например, пришло от шведского Красного Креста приглашение приехать в Швецию, где ему гарантировалось материальное обеспечение, достаточное для проведения опытов с собаками; Совнарком отказал в выезде, но зато предоставил что-то вроде двух красноармейских и двух академических пайков сразу, снабдил его жратвой для собак, и Павлов отошел от протестантского движения; на голосованиях в комиссии либо воздерживался, либо голосовал против своих коллег. Активно антипрофессорскую линию занял А.К.Тимирязев. В результате забот комиссии были введены пять тарифных ставок профессуры и единый профессорский фронт был расколот взаимным подсиживанием: чьи работы значимее, чтобы получать зарплату по высшей ставке?

Когда же “Генуя” миновала, то на XII конференции РКП Зиновьев провозгласил 6 августа 1922 очередной задачей партии на текущем этапе борьбу на трех фронтах: на фронте научном, на фронте литературном и на фронте кооперативном. И в ночь на 18 августа ОГПУ заполнило московские тюрьмы учеными, литераторами, кооператорами. Ученым же повезло; их в основном выслали из РСФСР, а вот кооператоров сослали в пределах РСФСР.

К ученым и литераторам я еще вернусь, а сейчас объясню, за что кооператоров. Дело в том, что нэп являлся “отступлением с сохранением командных высот”. Поэтому дозволялось возникать только таким экономическим организациям, которые не представляли серьезной угрозы власти ЦК. Кооператоры же еще в годы царской власти выработали практическую хватку, умение обьегоривать администрацию и навыки эффективной деятельности. В 1917-18 кооператоры развернулись вовсю и показали себя. Если дать кооператорам функционировать, то даже при надзоре за ними и, так сказать, при нормальном проценте арестов среди них, они быстро укрепятся, сделаются экономически значимым независимым фактором. К тому же, этот фактор трудно ущемить идеологически: ведь это **не частный** капитал! Следовательно, их надо зарубить на кор-

ню¹. Пусть останется лучше частный капитал, откровенно ба-рышнический и эксплуататорский, с ним проще будет раз-делаться. Ведь при запрете на какие бы то ни было промыш-ленные (капиталистические) ассоциации закрытие по оди-ночке частных фабрик будет вызывать протесты только самих владельцев и их семей, а попробуй-ка так же легко закрой раз-росшееся кооперативное предприятие с сотнями самостоя-тельных пайщиков и участников! Ленинизм – это тонкое ис-кусство удержания власти с использованием противоречий и предрассудков в большинстве управляемого населения.

С той же целью – ликвидировать самостоятельную мощ-ную организацию – Троцкий предложил ограбить церкви в России. Это произошло в 1922. Замысел был прост: воспользо-ваться ситуацией голодного года и под предлогом изъятия ценностей на нужды голодающих обратить золотые оклады икон и золотые купола церквей в доход государства². И не столько весомо было желание Троцкого определенный про-цент церковного имущества обратить в фонд Красной армии, т.е. в ведомство Троцкого (забавные у них в Политбюро были заседания, посвященные дележу добычи), сколько требова-лось ликвидировать независимую общественную организа-цию, сохранившую материальные условия своей независимос-ти. Ленин по этому поводу выражался так:

Именно данный момент представляет из себя не только исключи-тельно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить непри-ятеля (церковь) наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий.

¹ Кооператоры юридически были арестованы (18 августа 1922) за нарушение советских законов, а именно, они пытались нарушать установленное декретом еще от 30 июня 1919 право Наркомпрода вводить своих представителей в состав правлений кооперативов и его (и других властей) право приостанавливать исполнение реше-ний правлений. 23 августа 1922 декретом были возвращены потре-бительской кооперации (с очищенным кадровым составом) нацио-нализованные или муниципализированные у нее предприятия, промыслы и строения. С тех пор до 1970 никто в СССР не пытался нарушать право НКВД назначать правления обществ; нарушил эту традицию “Комитет по правам человека”, см. §7.

² Даже тут большевики, в сущности, следовали историческим тради-циям. Не вспоминая даже про петровские реквизиции церковного имущества, приведем свежий пример: в 1904 министр внутренних дел Плеве с санкции императора Николая II ограбил армянскую православную церковь, секвестровав ее имущество.

Единственно, на чем настаивал Ленин, чтобы Троцкий по данному вопросу публично не высказывался; пусть публично выступает Калинин, а руководство негласно остается за Троцким. Эта подмена имени руководителя изъятия церковного имущества объяснялась просто: Троцкий – еврей. В это время одной из форм антисоветских настроений был антисемитизм, который принимал угрожающие размеры. Если еврей станет грабить православные храмы, то, глянь, и до восстаний недалеко. Пусть-ка обирает храмы русский, тверской крестьянин Михайло Иваныч, крещенный при рождении в православную веру¹. Позиции же церкви, действительно, очень укрепились за время гражданской войны. Горе в каждой семье. Куда пойдут поделиться, выслушать слова сочувствия? В церковь. Она не участвовала в гражданской войне, кроме как призывами к миру, к взаимному прощению (что, конечно, в глазах большевиков рассматривалось как антисоветское преступление), да эпизодическими акциями по спасению жизней людских: то красную учительку от деникинских офицеров спрячут в монастыре, то юнкера, бежавшего от ЧК. Так как все, кто пошел в духовенство ради корысти, не вынесли трудностей гражданской войны и бежали, так, как бежало все петербургское чиновничество, то остались наиболее христоролюбивые и чистые люди. Авторитет церкви вырос. Более того. Очень многие до того религиозно-индифферентные люди вроде хирурга-профессора Войно-Ясенецкого – и имена им ты, Господи, веси, – обращались в христианство. Отчасти из мистических побуждений. Отчасти – перед лицом бессмысленного хаоса и кровопролитного ужаса. Отчасти – из протеста. Человек, обладающий внутренним достоинством, зачастую готов поддержать даже тех, с кем он не согласен, если только видит, что власти преследуют его. Гонимые вызывают сочувствие у порядочного человека. Тем более эта заповедь была едва ли не первой для российской интеллигенции. Впрочем, 40 лет спустя такое же движение повторилось на Кубе. В знак протеста против режима Кастро тысячи до того атеистически настроенных интеллигентов начали посещать католические храмы.

¹ Калинин был внебрачным сыном тверского помещика, генерала Д.П.Мордухай-Болтовского. До 15 лет воспитывался с его законными детьми в отцовской усадьбе. Потом порвал с отцом и ушел в рабочий класс. Вскоре стал профессиональным революционером. При конфликтах с полицией отец за него вступался. Женат на Лорберг – то ли шведке, то ли немке. Сталин, Калинин, Киров сблизились через общего друга – Аллилуева.

На церковь обрушились с трех сторон. С одной стороны прямым обдиранием куполов, закрытием церквей, конфискацией имущества и у церкви, и у церковнослужителей. С другой – арестами руководства православной церкви: патриарха Тихона (который вскоре умер, и власть не разрешала до 1943–45 провести собор для выборов нового патриарха) и практически всех высших иерархов; в частности, упомянутый Войно-Ясенецкий, ставший в 1922 священником, уже в 1923 был сослан в Надымский край. Та же участь постигла Флоренского. С третьей стороны, власть внесла внутренний раскол в церковную жизнь: то ли агенты ОГПУ, то ли деятели вроде западных левых затеяли спор о необходимости внести некоторые изменения в православные ритуалы (в частности – разрешить епископам вступать в брак), создали свою “живую церковь”, которая выдвинула ряд внешне привлекательно звучащих требований, но на деле расколола единый церковный фронт перед лицом наркомфина, Красной армии и ОГПУ. После того, как “живоцерковцы” выполнили свою роль, их выкинуло само ОГПУ, ибо, разумеется, в народе никакой опоры они не имели. Гонимая церковь может выжить только свято следуя традиции, ничего не меняя в момент гонения. Иначе не поймешь, на какой грани уступок поздно, уже утратил самоуважение¹.

Церковь, действительно, была запугана так, что до сих пор на нее больно смотреть. С ее независимостью было покончено.

Покончено было и со всеми политическими партиями, которые формально еще допускались конституцией. Здесь четко сформулировал позицию Зиновьев:

Я говорю о том, что мы являемся партией, единственно легальной в стране, что мы имеем, так сказать, “монополию легальности”; это оскорбляет слух партийного патриотизма, но, выразимся ясно, – мы имеем “монополию легальности”, мы отказали в политической свободе нашим противникам. Мы не даем возможности легально существовать тем, кто претендует на соперничество с нами. Мы зажали рот меньшевикам и эсерам. Поступить иначе, я думаю, мы не могли. Диктатура пролетариата, как говорит т. Ленин, есть очень жестокая вещь. Для того, чтобы обеспечить победу диктату-

¹ Непредсказуемы выверты истории. Митрополит Введенский, глава живоцерковников, наносил огромный вред официальной православной церкви, поэтому власти его всячески популяризировали. В частности, он разъезжал по стране совместно с Луначарским и они устраивали публичные диспуты: “Есть Бог или бога нет?” Так вот, я знаю немало людей, которые от атеизма обратились к христианству в результате присутствия на таких диспутах!

ры пролетариата, нельзя обойтись без того, чтобы не переломать спинной хребет всем противникам этой диктатуры¹. Мы поступили правильно и сейчас не можем поступить иначе, и никто не может указать то время, когда мы сможем пересмотреть наши взгляды в этом вопросе... Правда, некоторые говорят, что к этому времени, пожалуй, окончательно вымрут меньшевики и эсеры и некому будет давать политические свободы. Ну что же! Большой беды не будет.

После этого были проведены инсценировки съездов ПСР и РСДРП(о), которые объявили о самороспуске своих партий. Спиридонова сидела в тюрьме. Отдельные персонально известные меньшевики были приняты в РКП(б). И находится французский “исследователь”, Жорж Конью, который излагает эту историю так:

Эсеры и меньшевики входили в Советы вплоть до 1923 года, но их партии все больше чахли. Не большевики уничтожили эти партии, они сами кончили самоубийством.

Одно только утешение: если коммунисты возьмут власть во Франции, этого Конью ждет такая же судьба, как Зиновьева.

Вернемся к литературе и науке. Разрешение на частный капитал немедленно вызвало к жизни частные типографии и издательства. Появилась материальная гарантия независимой информационной власти, независимой мысли. Конечно, исполнительная власть обрезала эту независимость путем цензуры (тогда именовалась РЦ, т.е. “революционная цензура”; кстати, возглавлял советскую цензуру в те годы по части художественной литературы поэт Брюсов). Тем не менее, расцвели десятки и сотни журналов, журнальчиков, сборников, непериодических изданий, изданий за счет автора². На какой-то миг показалось, что наваждение кончилось, что бешеный полет в никуда 1917-20 годов закончился и возродился “серебряный век русской литературы”. Тысячи молодых талантов обрели себя в провинции, притопали в Москву и Петроград, самовыражались и творили. Можно понять тех, кто сейчас на склоне лет вспоминает те дни с умилением и восторгом. При советской власти это был самый светлый для литературы пе-

¹ Четыре года спустя в партийной прессе появились, обращенные уже к Зиновьеву-Троцкому, строки: “Виновны ль мы, что хрустнет ваш скелет в тяжелых наших лапах?” О, эти ломатели хребтов у беззащитных!

² Если бы не “издания автора”, мы никогда не узнали бы работ Циолковского, например.

риод. Конечно, только что умер Блок, был расстрелян Гумилев, эмигрировали Бальмонт и Бунин, вскоре покончит с собой, утопившись, Сологуб, и повесится Есенин, эмигрируют Северянин, Цветаева и Мережковский, то ли покончит с собой, то ли будет убит Маяковский. Но это лишь подчеркивало необычность эпохи (“в которой все, что было слез и снов и до крови кроил наш век закройщик, простерлось красотой без катастроф”), обостряло художническое восприятие и, конечно, сейчас вспоминается с умилением. В литературу пришли М.Булгаков, Зощенко, Ильф, Кольцов, Леонов, Пастернак, Петров, Пильняк, Платонов, Эренбург.

Специальные средства борьбы с независимостью литературы не были разработаны, за писателями следило ОГПУ и, “когда надо”, сажало. Зощенко под конец жизни часто рассказывал, как тщательно следило ОГПУ за его перепиской в 1922-24 годах. Критерии “нужного” и “вредного” в литературе еще не были разработаны. Конечно, и тут начинали с подкупа: при чествовании 50-летия смерти Герцена его дом был национализирован и передан Союзу писателей, а во что он превратился, см. “Мастер и Маргарита”, где этот дом называется “домом Грибоедова”.

Развитие независимой литературы и науки рельефно оттеняло убожество казенной идеологии. С одной стороны – многообразная жизнь, буйная в своих противоречиях, с другой – шаблонные фразы с не относящейся ни к чему реальному терминологией. Когда сравниваешь стенограммы, например, партсездов и дореволюционной Государственной Думы, то в глаза бросается высокий уровень государственного мышления в Думе и примитивная некультурность сездов. Аргументация, методы решения проблем, осознание последствий принимаемых решений – это видно во всем. Лишенные возможности участвовать в политической и общественной жизни общества прежние живые силы страны ударились в науку, в литературу, в мемуары. И контраст между их культурностью и бескультурьем властвующих бросился в глаза. Не только мне. Этот контраст раздражал властвующих. Когда, например, Сорокин – один из основателей современной социологии, всемирно признанный ученый, провел статистические исследования брака, он вынужден был прийти к выводу, что введенная в 1918 форма бракосочетания и процедура развода (последняя состояла в том, что достаточно было уведомить открыткой ЗАГС о том, что я перестаю состоять в браке с гражданкой

такой-то, дабы официально числиться разведенным и получить право на новую регистрацию брака) – это

форма, скрывающая по существу внебрачные половые отношения и дающая возможность любителям “клубники” “законно” удовлетворять свои “аппетиты”.

Прочитавши эти строки, Ленин, у которого по части “клубники” восприятие было обострено, пришел в ярость, обругал автора дипломированным лакеем поповщины, а опубликовавший статью журнал “органом современных крепостников” и, конечно, добился включения Сорокина в список выдаваемой профессуры.

Простые и точные слова А.Изгоева:

По нашей совести и сознанию мы должны судить те или иные действия власти, а не видоизменять нашу совесть и сознание в зависимости от того, в чьих руках находится в данное время власть, –

вызывали ярость и влекли высылку из РСФСР-СССР. А ведь в николаевское время мрачайшей реакции такие слова прозвучали бы общим местом, банальнейшим трюизмом, не стоящим упоминания, ибо это и так все всегда знают!

Было выслано около 400 профессоров. Насколько это понизило культурный уровень в стране, рассуждать не приходится. Власть планировала закрыть все университеты, оставив в стране всего четыре высших учебных заведения, но в период “Генуи” профессоры отстояли-таки сохранение существовавших учебных заведений. Наука, само собой, как нечто беспартийное, как поиск истины независимо от того, кому она будет служить, как установление некоторых фактов, которые нельзя изменить декретом СНК или распоряжением ВЧК, – раздражала власть, воспринималась как чужеродное и враждебное в рабоче-крестьянском теле.

Конечно, не всех представителей власти. Например, инженер Красин, вернувшийся к большевикам в 1918 и по мере сил своих пытавшийся то в железнодорожном деле, то в подкармливании ученых (это ему принадлежит инициатива создания КУБУЧа, приписываемая Горькому, а порой и Ленину) делать что-то разумное, развернулся вволю с момента введения нэпа. На короткий срок он фактически стал экономическим и дипломатическим диктатором России; возможно, ему удалось бы даже закрепить свое положение номенклатурно, став членом Политбюро. Однако его сгубило отсутствие нужной выдержки. Как-то, приводя доводы в пользу одного

своего экономического проекта, он сказал, что разумные мысли могут высказать хозяйственники, а не партийные литераторы-публицисты, имея в виду Троцкого, Зиновьева, Каменева (Ленин уже был в ту пору невменяем). Те дико обиделись и совместно быстро с косточками сожрали Красина. Он был выслан в почетную ссылку полпредом в Лондон, где вскоре умер. Даже после его смерти в произведениях, посвященных истории партии, стремились избегать освещать его роль в партии.

Напротив, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин и, пока еще мог писать, Ленин – приступили к выработке **идеологии** как самого наиглавнейшего, архиактуальнейшего в текущий момент. В самом деле, получив в свои руки такое чудесное средство вбивания терминологических штампов, как радиовещание и кино (“из всех искусств для нас главнейшее – кино”), они с присущей им политической чуткостью осознали магические свойства этих средств и стали использовать их на всю мощь. Именно в эти годы произошло завоевание умов и сердец народа; именно в это время, слушая радио и читая газеты, рабочие поверили, что власть принадлежит им, рабочим, а крестьяне – что это их родная власть. Именно в эти годы интеллигенция стала поголовно отрекаться от индивидуалистических идеалов гуманизма и переходить на позиции безусловного оправдания “правды жизни”, которая принадлежит большевикам. Именно идеология, сконструированная в те годы, полвека питает западных “левых”.

Идеология, создаваемая “литераторами”, съевшими Красина, формировалась в марксистской терминологии, хотя по содержанию не имела почти ничего общего с марксизмом. Лучшее всего она изложена в “Кратком курсе”, желающие могут там с ней ознакомиться. Я отмечу лишь две ее важнейшие черты.

Прежде всего, она начисто устраняла из объяснений исторически значимых явлений и процессов все человеческие факторы. Когда Шляпников или Осинский пытались говорить о том, что из-за таких-то и таких-то ошибок отдельных членов ЦК воспоследовали такие-то и такие-то социально значимые явления: недовольство рабочих или крестьян, или части партийцев, – им Бухарин отвечал: смешно, по-детски это думать, будто та или иная комбинация людей или распоряжений в ЦК может вызвать социальные процессы. Нет, упомянутое недовольство является плодом вступ-

ления мировой революции в стадию тщательной ее подготовки, временной приостановки прямых революционных выступлений, является реакцией мелкобуржуазных слоев, или объективно мелкобуржуазных элементов, и т.д., и т.п. Такого рода выступления помимо чисто служебной функции: не смей, де, о членах ЦК говорить публично! – выполняли гораздо более важную роль. Они приучали – не столько Шляпникова, его все равно ничем, кроме пули, не проймешь, недаром и Ленин, и Фрунзе грозили ему пулеметами, а Сталин расстрелял – рядовую партийную массу, а через нее и всю задумывающуюся над политикой часть населения к тому, что **личности, их отношения, связи, поступки – ничего не значат**. Что есть некоторые факторы, которые позволят объяснить и понять ход истории, **игнорируя** людей, их человеческие взаимоотношения, что следует понимать историю, отталкиваясь не от фактов, а от формул. И, по-моему, большевики превосходно справились с задачей внушить эти взгляды. При разговорах с приятелями мне порой кажется, что я – единственный, кто таких взглядов не придерживается.

Второй компонент сконструированной в те годы идеологии – культ Ленина¹. Как раз тогда, когда Политбюро решило отправить Ленина под надзор Сталина (а непосредственно – Шкирятова) в Горки, оно как бы в порядке “компенсации” начало безмерно прославлять Ленина, его мудрость, величие. Конечно, этот культ личности, обожествление, “венчики и мавзолеи” шли вразрез с марксизмом, но они хорошо работали в крестьянской стране, где менее 20 лет назад сотни тысяч петербургских рабочих шли припасть к ногам царя, который, де, заступится и поможет. И по-человечески трогательно, что соратники Ленина не захотели сказать о нем скверных слов (а ведь каждому было, что сказать), но напротив, последовали правилу: “О больном или мертвом – либо ничего, либо только хорошее”. Тем не менее созданный Зиновьевым-Камневым при тесном участии Троцкого, Сталина, Бухарина культ Ленина навалился мертвым грузом-скалой и на ход

¹ Подчеркну, что первым раздуть культ Ленина стал Троцкий. Ему-то и принадлежит термин “ленинизм”. И еще Троцкому принадлежит существеннейший компонент партийной идеологии: “Права партия или не права, но я знаю, что это – моя партия, и для меня нет иной правоты, кроме как через партию”.

последующей истории, и на попытки понимания этой истории.

Послушным и лишенным человеческого достоинства было ЦК РСДРП(б) в 1912 (см. кн.2 §2). Такими же подбирались и преемники¹. Те, которые видели, осмеливались замечать неладное в верхах, – устранялись. Верхи подбирали себе кадры нравственно не чище самих себя – дабы не стыдно было. Когда обнаруживается, что во главе учреждения долгое время стоял душевнобольной, естественно предпринять тщательнейшее расследование всех сторон деятельности этого учреждения: кто знает, в чем именно отразилась болезнь, в каких хотя бы подписанных другими завами актах? А тут была затяжная форма:

Прогрессивный паралич – хронически протекающая душевная болезнь. При этом замечается постепенное, но непрерывное до полного упадка понижение психической жизни, переходящее в глубокое слабоумие. При прогрессивном параличе очень рано обнаруживаются важные симптомы в поведении и вообще психической жизни больного, а также замечается изменение к худшему в его характере и в особенности в этических и моральных воззрениях. Человек, который вел до сих пор строгий нравственный образ жизни, резко изменяет его, совершенно не замечая этого... Очень рано обнаруживается сильная слабость памяти, так что больной забывает о самых важных, например, служебных обязанностях. Очень заметно исчезает способность сохранять новые впечатления, полученные в ближайшем прошлом. Больной забывает обо всем и не может вспомнить, что он делал за четверть часа раньше. Умственный горизонт суживается постоянно, действительность смешивается с грезами... В этом периоде у многих

¹ По словам Минина (руководитель обороны Царицына, скептически относившийся к Сталину), произнесенным на XV съезде: “...произвело сильнейшее впечатление, когда на пленуме прежнего губернского комитета партии т. Калинин, выступая, сказал: “Что вам стоит для Центрального комитета объявить белое черным, а черное белым?”. Когда Минин пытался с трибуны съезда сообщить про еще один такого рода факт, его прогнали свистом, **не** опровергая утверждение, а крича, что он “залез в болото”, защищая оппозиционеров, что “академическая работа портит людей”, “иди к Троцкому, прощай навсегда, пропащий человек!”. Я спросил одного уцелевшего троцкиста Таршиса (в лагерях с 1934), в КПСС принципиально вступать не желавшего: мог ли Калинин такое сказать? Он удивленно ответил: “Конечно, мог. Любой из нас, партийцев, мог такое сказать. И в этом нет ничего порочащего. Так и надо поступать. Другое дело, что Калинин защищал не тех, кого следовало...” – и он изложил мне, почему, по его мнению, Троцкий был прав.

больных наблюдается высшая степень мании величия... Вместе с манией величия повышается и настроение больного, он чувствует себя счастливым. Конечный период прогрессивного паралича одинаков у всех больных. Они делаются все тупее и слабоумнее, никого не узнают, за ними нужно ухаживать и кормить, как маленьких детей. Речь делается менее внятной, больной становится менее чувствительным, теряет возможность самостоятельных движений и не может ни ходить, ни стоять, ни сидеть.

С какого периода следовало бы пересмотреть деятельность РКП(б), чтобы отделить ошибочное, продиктованное больным человеком, от верного? Для пользы дела следовало бы разобраться во всем досконально. Но такой разбор грозил обернуться небывалым скандалом, позорнейшей компрометацией дела мировой революции. Предпочли замазать все непристойное, монументом придавить истину. А это опять-таки определяло принципы подбора кадров. Те, кто быстро догадывался о противоречии слов и дела и давал заметить, что догадывается, не были нужны вождям. Нужны либо те, кто понимает, что слова – лишь благообразное прикрытие безобразия, но ни в коем случае не намекает на обман и надувательство, а сам умело включается в них, либо те, кто ни о чем не догадывается, а тупо верит словам. “И в начальники вышли молчаливики ... промолчи, промолчи, промолчи”.

Так сказало принятое тогда решение Политбюро не предавать огласке затяжной, долговременный характер болезни вождя. Сейчас же малейшее сомнение в святости Ленина болезненно воспринимается практически всеми левыми на Западе. Здесь, в России, вкусив ленинских плодов, мы уже почти полностью отрешились от веры в него. Но там, где еще не стояла нога красноармейца, там судят о Ленине по госполитиздатовским брошюрам, и меркой этой меряют наши проблемы.

Содержанием политической жизни тех лет было неуклонное оттеснение старых кадров от власти, но именно **оттеснение**, а не **отстранение**. Здесь можно перечислить несколько важных моментов: окончательное отстранение Шляпникова (начало 1922), блок Зиновьева-Каменева-Сталина против Троцкого, Ленина (зима 1922/23), формирование совершенно нового могущественного учреждения в партии – ЦКК во главе с Куйбышевым (начало 1923), противостояние Фрунзе Троцкому (1923-24), измена Бухарина Троцкому (1923-24), ликвидация аппаратов Ленина и Троцкого (1924), организационное закрепление правых большевиков на XIII съезде (1924). Рассмотрим подробнее.

Потерпевшая на X съезде поражение рабочая оппозиция сохраняла свое влияние в партии и даже осталась представленной в ЦК. Ее обличения возбуждали раздражение и пугали. Например, Шляпников издал “Канун семнадцатого года”, где, между прочим, поведал, как от Ленина в войну один за другим приходили через Швецию доверенные лица, которых петроградские большевики очень быстро раскрывали как немецких шпионов. Рабочая оппозиция выступала и против диктата Троцкого, и против оживления буржуазных отношений Рыковым-Томским. Она была всем поперек. И с ней расправились – как административными мерами, так и заигрыванием. Примером первого может служить чистка самарской партийной организации. Самара, во главе с Ю.Милоновым, была оплотом рабочей оппозиции; почти все книги и брошюры оппозиции помечены местом издания “Самара”. И вот из Самары приходит письмо от имени рабочих Самары, стонущих, де, под гнетом оппозиционеров и взывающих к ЦК прислать Куйбышева для восстановления в Самаре правильной партийной жизни; подписано: Янсон. Николай Янсон родом из Петербурга, но практически всю жизнь проработал в Ревеле (Таллин) металлистом. Уже в 1905 году входил в ревельский Совет, побывал и в ссылке. Когда осенью 1918 немцы вступили в Ревель, они бережно выслали Янсона в РСФСР, отнюдь не сажая и тем паче не расстреливая его. Перебрасываемый в гражданской войне с фронта на фронт, залетел он и в Самару, где и присвоил себе прерогативу “просить от имени самарских рабочих”. Куйбышев же очень нуждался в каком-либо poste и деле. Ведь уезжая на крымский фронт, Фрунзе позабыл Куйбышева в жалкой роли – полпред РСФСР при Бухарской Республике, номинально самостоятельном государстве. Есть там финики Куйбышеву ой как не хотелось, и он полулегально приехал в декабре 1920 в Москву на очередной съезд Советов, но с окончанием сессии и не думал возвращаться. Его приятель по “платформе шестидесяти трех” левых коммунистов Сольц пристроил его временно в президиум ВЦСПС без определенных функций, но это же не должность! И вот, когда теперь другой его приятель, Янсон, мотивировал появление Куйбышева в Самаре (где в мае 1918 Куйбышев подавил восстание с.-р. максималистов, но через двадцать дней пришлось все с тем же Милоновым и со всем ревкомом уносить ноги от восставших с.-р., провозгласивших Комитет Учредительного Со-

брания), он делает все, дабы закрепиться на посту в центральной России. Избранный на X съезде кандидатом ЦК, смещает Милонова, основательно громит всю организацию (из тринадцати тысяч осталось едва четыре с половиной членов). Самый дух оппозиции отлетел впредь от Самары. Забегая вперед, полюбуемся судьбами упомянутых лиц. На следующем съезде Куйбышев становится членом ЦК, секретарем ЦК, членом Оргбюро. Когда через год он сделался председателем ЦКК, ее секретарями он указывает Янсона и Сольца. Сольц позже проводил партчистки, соревнуясь с Ярославским, а Янсон в 1928-30 проводит “решительное уничтожение краткосрочных приговоров на лишение свободы”, т.е. вводит в структуру государства многолетнее тюремно-лагерное заключение как фундаментальный элемент.

Другой – не силовой, а дипломатический – прием наблюдался в августе 1921. Ленин решил вышвырнуть Шляпникова из ЦК, не дожидаясь очередного съезда, наступавшего через полгода. Для этого ему надо обеспечить большинство в ЦК, т.е. склонить на свою сторону противящихся исключению лиц. Таковыми, в первую очередь, являются сторонники рабочей оппозиции Залуцкий и Кутузов; первый дополнительно связан со Шляпниковым старой дружбой по работе в петроградском комитете. И вот 8 августа из состава Оргбюро выводится усылаемый в Среднюю Азию решительный враг и обидчик рабочей оппозиции Томский (заменяемый, впрочем, его личным другом Шмидтом, но еще не накалившим своих отношений с Залуцким и Кутузовым). В состав Оргбюро вводятся Залуцкий и Кутузов полноправными членами. А на следующий день, 9 августа, им и всему пленуму ЦК и ЦКК предлагают голосовать за исключение Шляпникова из ЦК. Большинство оказалось на стороне Ленина, но, увы, неквалифицированное большинство, так что Шляпников остался в составе ЦК.

Как бы то ни было, этой политикой кнута и пряника к XI съезду рабочая оппозиция была затюкана так, что не только Шляпников, но и самые Залуцкий с Кутузовым уже не попали в новый ЦК: Коллонтай отправилась полпредом в Мексику, Шляпников – советником в парижское полпредство, С.П. Медведев и вовсе исключен из РКП(б). Больше эта оппозиция не тревожила верхи и на политическую жизнь не влияла, хотя в целях пропедевтики порой упоминалась.

Следующее определяющее событие – это формирование “тройки”. С одной стороны, она сложилась абсолютно естественно: членов Политбюро – пятеро. Из них один – больной Ленин, и прежде, чем обсуждать с ним дела, надо сговориться о совместной тактике: дабы не вызвать необоснованных возражений, дабы сберечь здоровье вождя, не взволновать его напрасно. Но из оставшихся четырех человек один – Троцкий – имеет невыносимый характер и, кажется, с двумя другими (Зиновьев и Сталин) объясняется только письменно или под протокол. Поэтому, а также по той солдатской причине, что он вечно отсутствует в Москве, пребывая на своем излюбленном Кавказе (гостевая дача под Сухуми), сговариваться о текущих делах вынуждены остающиеся трое: Зиновьев, Каменев и Сталин. Ради сей цели Зиновьев обзавелся постоянной квартирой в Москве, не выпуская, впрочем, из рук свою петроградскую “вотчину”; на этой-то квартире и начала сходиться “тройка”. Для доклада Ленину и для удержания того от спонтанного вмешательства в политические дела был избран Сталин. Поэтому же он был на XI съезде сделан секретарем ЦК и даже титул его был позолочен “генеральным секретарем” – секретарь по контактам с Лениным. На такую должность иного, чем член Политбюро, и назначить было невозможно, а из четверых членов Политбюро один лишь Сталин годился для этого да, возможно, Каменев, хотя мне многое насчет Каменева неясно. Из прежних секретарей удержался один лишь Молотов, а третьим секретарем стал уже упомянутый Куйбышев. Оргбюро изменилось мало, в нем по-прежнему господствовали правые Рыков и Томский, а новым появился Андреев – по взглядам скорее троцкист, хотя лично Троцкого, кажется, не поддерживал почти никогда.

С этого времени на политическую жизнь страны начинает влиять характер личности Сталина, поэтому нам надлежит еще больше укрупнить масштаб и рассмотреть его подробнее.

На 9 лет моложе Ленина, ровесник Троцкого, четырьмя годами старше Зиновьева и Каменева, он имел куда худшее, нежели они, детство, формировавшее его как личность. Отцом его был известный путешественник генерал Пржевальский, в один из своих наездов в Грузию сошедшийся с красавицей-мингрелкой. Затем он пристроил ее замуж за сапожника, присылал деньги на воспитание ребенка; по-видимому, и в завещании обязал родственников заботиться об этом побочном

сыне. Первая трагедия Джугашвили-Сталина состояла в том, что его приемный отец знал, **чей** это отпрыск растет в его семье под его фамилией. Отсюда – пьяные скандалы в семье, что травмировало психику гораздо больше, нежели разовое потрясение Ульянова, узнавшего о смерти отца “от неприличной болезни”; в семье же Бронштейна-Троцкого и вовсе такого не было, тот просто ушел от отца по атеистически-политическим убеждениям, но проведя нормальное детство. Каменев-Розенфельд и вовсе не расставался с отцом, как, кажется, и Зиновьев-Радомысльский. Позже, когда Иосиф Джугашвили подрос, он осознал вторую трагедию – незаконнорожденность, лишение всего того, чем по праву рождения обладают законные сыновья его отца. Он всю жизнь следил за карьерой своих братьев; один из них стал генералом, подвизался на Кавказе. Третья трагедия – рост. Во взрослом Сталине был один метр сорок семь сантиметров. Мужчина такого роста чувствует себя ущемленным, даже если он законнорожденный. Позже, обладая всей полнотой власти, дабы перекраивать историю по усмотрению, Сталин велел в публикуемых фотографиях его дел из охранного отделения переправить цифры в графе “рост”: 1 м 47 см переделывались на 1 м 74 см. И всюду висели его портреты, главной частью коих были высокие сапоги.

Родство с генеральской семьей облегчало революционную биографию Сталина: там, где другого отправили бы на каторгу или на виселицу, Джугашвили просто ссылали по заступничеству. На последнем основана гипотеза, будто Сталин был провокатором охранного отделения, но я считаю ее неверной по двум причинам: 1) нет никаких документов, которые хоть косвенно подтверждали бы эту гипотезу, а все опубликованные по ближайшем рассмотрении оказались неумелыми фальшивками; 2) никакой провокатор не осмелился бы приехать в Петроград 14 марта 1917, когда там всю разоблачали как раз большевистских провокаторов (см. §3 кн. 3). Но что Сталин прибегал к содействию охранного отделения (не будучи его агентом!) – твердо установленный факт. Так, будучи исключенным из семинарии, он написал донос на 40 других семинаристов как на революционеров, и их тоже исключили. По-видимому, из ревности к обаянию Ладоскеховели он выдал его охранке и добился убийства того в тюрьме. Однако, Сталин не оставлял своих следов и пользовался охранкой как одним из орудий, равно как пользовался

услугами уголовных бандитов при организации экспроприации банка и т.п. Уже семинарские нравы обучили его интригам и подсиживаниям, а позднее близкая дружба с Каменевым – убежденным маккиавелистом – воспитала в нем полную аморальность в вопросе о средствах достижения цели. Впрочем, в этом пункте они все мало различались: одна из последних записок Ленина в Политбюро содержит требование поступать по рецептам Маккиавели. Каменев до конца дней хвалил гений Маккиавели; Троцкий за пару лет до смерти опубликовал в “Бюллетене оппозиции” статью о большевистской нравственности, где брал под революционную защиту иезуитов и скорбел лишь о том, что они принцип “цель оправдывает средства” применяли к недостойной цели, а не поставили его на службу классовой революции.

Ум у Сталина был неторопливый, основательный, хотя и неразвитый. Больше всего ему хотелось порядка, спокойствия – того, чего был лишен в детстве. Февральская революция открыла ему сказочную перспективу из ничего стать вдруг министром или замминистра в законном правительстве, безо всякого риска. А понаехавшие эмигранты Ленин и Троцкий лишили его этой перспективы, ввергли в авантюру, которая много месяцев держала его на грани виселицы в случае поражения. Он невзлюбил их, хотя и не рискнул идти поперек и даже Троцкому расточал медоточивости на юбилее первой годовщины Октября. Особенно не прощаемо было то, что они – авантюристы – оказались правы и побеждали во всех немыслимых затеях, а он ни с одной из поручаемых ему во время гражданской войны задач не справился. Впрочем, и кто бы справился в 1918 с задачей обеспечить продовольственное снабжение Советской России?! Ему было тошно на базарных заседаниях коллегии наркомнаца, который он возглавлял, и он уползал с них отлеживаться на прикухонном диване в одиночестве и грезах о спокойствии, о том, чтобы дело двигалось само собой, не тревожа его. В выборе людей ему не везло: ни Мехлис, ни Товстуха не годились на то, чтобы на них полностью положиться и избавить себя от текущих хлопот. Сталин всегда помнил, что Врангель отнял у него Царицын, что только вмешательство Троцкого спасло положение на Южном фронте – и не прощал этого Троцкому. Тот же его откровенно презирал, как, впрочем, и Фрунзе. Да и вообще быстрые, текущие, чувствительные, находчивые вожди и умелые ораторы-импровизаторы свысока взирали на Сталина, бывшего не в ла-

дах с русским языком, трудившегося писать свои речи до того, как произнести их. На всех съездах потешались банальностью его писаний и речений по национальному вопросу. Авторитет Сталина в партии был к 1921 крайне мал: не только он не воспринимался как один из пяти верховных правителей, будучи позади даже не члена Политбюро Бухарина или Пятакова, например, но даже многим рядовым партийцам имя Сталина было попросту неизвестно. В его активе не было никаких побед или достижений. Он был нужен Ленину в 1912, когда всякий, согласный сотрудничать с Лениным, был на счету; был нужен Ленину в 1919 как надежный ограничитель росту авторитета Троцкого. Но сейчас он не нужен был никому, кроме самого себя. И он был обижен на весь мир, с детства причинявший ему страдания; мир преуспевающих авантюристов; мир, отрывающий его от спокойного лежания на диване; мир, отравивший его любовь – первая жена умерла, а когда случилось такое чудо, что в стареющего вдовца-урода влюбилась 18-летняя красавица гимназистка Надя Аллилуева, он подарил ей, как подобает кавказцу, какое-то конфискованное ожерелье, то эти ханжи вычистили ее из партии за ношение золота! Сколько сил пришлось ему затратить на обратное восстановление ее в РКП(б)!

Ленину Сталин не нравился. Будь даже тот идеальным по характеру человеком, все равно ни одному большому не нравится надзиратель, который не выпускает его из дому-дачи на совещания в Кремль, ограничивает доступ информации к нему, ограничивает его влияние и возможность работать – даже руководствуясь чисто медицинскими соображениями¹. Сталин же никогда не отличался лояльностью, и потому оснований для конфликтов и раздражения было более чем достаточно. И Ленин начал кампанию по устранению Сталина. Как и кампания 1920 года (см. кн. 3 §19), она имела два компонента: поручение Сталину конкретного дела, справиться с которым невозможно, плюс выбор союзников по борьбе с гонимым.

В плане второго компонента возникли Троцкий и Дзержинский, но об этом позже. Что же до первого, то полезно было лишний раз ткнуть Сталина мордой в грязь, продемонстрировав, как тот не умеет справляться ни с каким делом. А что он не справится с секретарскими обязанностями, сомнений

¹ В апреле 1922 Ленин сговорился было с Камо-Петросяном, что сбежит из Горок и тот укроет его на Кавказе – но через пару месяцев по велосипеду с Камо проехал грузовик...

быть не могло: во-первых, до сих пор не управлялся ни с каким вверяемым ему делом, требующим прилежания. Во-вторых, именно его наркомат РКИ выделялся даже на фоне всех прочих наркоматов мерзостью запустения и ничего-неделанием, служил притчей во языцех и образцом скверны. В-третьих, ведь никто же до сих пор не умел наладить секретарскую работу, всех предшествовавших секретарей было за что совершенно справедливо разнести в пух и прах, простой бумажки в канцелярии никогда отыскать не умели! Чтобы известный всем своей ленивостью Сталин навел бы порядок в авгиевых конюшнях – можно было не опасаться. Но в этих-то расчетах гениальный политик и допустил промашку, обусловленную ли болезнью или недооценкой роли техники, или недооценкой богдановского учения о роли организационно-научного труда, или еще чем. Ибо уже в это время в аппарате ЦК работал человек, который и наведет деловой порядок в его канцеляриях и объяснит Сталину всю важность и всемогущество предлагаемого ему поста. И другой человек, не ведая, что творит, дал уже Сталину бесконечное техническое преимущество перед всеми прочими членами ЦК.

Второй был рядовым чехословацким коммунистом, телефонным экспертом, в порядке взаимопомощи переоборудовавшим кремлевскую телефонную станцию. Ленин все время тревожился, что политбюровские разговоры могут подслушать и выдать телефонистки, и настаивал сделать собственную АТС с гарантией против подслушивания. Как и все чисто технические предприятия на уровне Политбюро, дело было поручено Сталину. Тот, может быть, сам бы и не догадался про подслушивание, но раз уж его навели на сию мысль, продумал ее глубже и в кабинете у него возникли **два** телефона от этой АТС (“вертушки”) – один общеизвестный, а другой тайный, могущий включаться в линию всякого номера этой АТС. Телефонного мастера пришлось втихую расстрелять, конечно, но ведь никто из абонентов смонтированной им линии не ощущал себя связанным лояльностью по отношению к телефонисту (как Сталин – лояльностью по отношению к ним, абонентам), так что его судьбой никто не поинтересовался. После этого Ста-

лин не спал ночей¹, он слушал разговоры самого верховного круга политических деятелей, которые болтали абсолютно свободно, сознавая, что теперь-то им гарантировано отсутствие подслушивания. Телефонные разговоры давали и чисто практическую выгоду: знание намерений соперников, возможность ошеломить их своевременной догадкой, умением “видеть на три метра под ними”. Неизмеримо больше давали они для общего развития личности. Ведь человек на таком вер-ху власти обречен на страшное одиночество. О непонятном – он никого не может спросить без умаления престижа. Вокруг него нет равных. Поучиться ему не у кого. Если жизнь не дала возможности приобщиться к культуре и нет охоты читать серьезные книжки (нет умения серьезно читать), то так и оста-нешься полуграмотным. А тут можно слушать, как общаются между собой умные люди (ну, конечно, не чересчур умные: свое превосходство над ними, дураками, которых можно за-просто облапошить, он ощущает каждую минуту, что слушает их). Порой они интереснейшие повороты теоретической мыс-ли обсуждают, так что умственный кругозор прилежного слу-шателя раздвигается и раздвигается. Они учат его ценить то, на что он и внимания бы не обратил в своем невежестве, да вот по трепету и ликованию в их голосе догадывается, на-сколько такое сочетание слов интересно и важно. Если про-честь под этим углом его сочинения до 1922 и после, то диву даешься, как выросла культура этой “самой выдающейся по-средственности нашей партии”, как окрестил его Троцкий. Я думаю, что для полного устранения своих соперников ему бы-ло бы достаточно уже одного только телефонного преимущ-ества, ибо оно оставалось его секретным оружием еще по крайней мере лет пять. Но в ту пору он и не думал об их устранении, об единоличной своей власти и т.п., – смелости не хватало. Ему лишь бы удержаться на поверхности, не быть отстраненным теми “молодыми”, о которых пишет Ленин в “завещании” – Бухариным и Пятаковым, или теми, о которых тот не пишет, но думает – Куйбышевым и Дзержинским.

Упомянутый же перед телефонным мастером технический сотрудник ЦК был Борис Георгиевич Бажанов, который полу-

¹ Вот откуда пошла необходимость всем государственным учрежде-ниям работать ночами, что было отменено только в апреле 1953. В этой связи символически углубляется сюжет “В круге первом”: на-чавший возвышаться с телефонного подслушивания Макбет-Ста-лин содрогается от мысли, что и его могут подслушать, и одержим идеей создать “абсолютно секретную телефонию”.

чил хотя и не завершенное, но точное образование на физмате Киевского университета. В 1919 в свои 19 лет вступил он в Могилеве-Подольском в РКП(б) и, учась в МВТУ (где несколькими годами позже будет учиться Маленков), пошел в январе 1922 в аппарат ЦК на черновую работу. И так как все чурались именно черновой работы, то простые картотеки, а наипаче указатели к ним, явились настоящим открытием. Секретариат вдруг заработал эффективно. А Каганович – зав организационно-распределительным отделом ЦК в то время, к которому попал Бажанов, умел ценить полезных сотрудников, и Бажанову открылась зеленая улица наверх. Как он воспользовался ею – другой вопрос, его мы коснемся, говоря о Ежове. Сейчас нам важно, что именно он растолковал Сталину, насколько в его интересах закрепить уставным порядком фактическую власть, полученную секретариатом. Тот это осознал, и уже в августе 1922 новый устав был принят очередной партконференцией.

Стремясь дискредитировать Сталина, Ленин, естественно, сблизился с Троцким. Последний проявил немало незаурядного мастерства в интригах, дабы объединиться с Лениным против Сталина и Зиновьева. Главная перемена в позиции Троцкого состояла в том, что он перестал держаться с Лениным как с равным (тем паче – свысока, как бывало¹), а занял позу снизу вверх. Собственно, это и было целью урока, преподанного ему зимой 1920/21, так что у Ленина не оставалось оснований дальше гневаться на него. Конечно, время от времени у Троцкого прорывались в рассуждениях о прошлом не вполне угоднические нотки: он рассказывал свою позицию в прошедших событиях и, естественно, не хотел выглядеть полным кретином, излагая ее в стиле: правильную, де, линию вел Ленин, а я по дурасти или по злобе ему перечил; мои ошибки заключались в том-то и том-то. Нет, он **объяснял** свои тогдашние мысли и принципы, причем зачастую у него срывалось с пера признание, что, по сути, он же и оказался правым! Пусть в обтекаемой форме и с оговорками, но от своей прежней правоты он не отказывался. А писал он много: ежегодно из печати выходило от 800 до 1000 страниц его сочинений как в форме журнальных статей, так и брошюр и монографий. Когда человек столь интенсивно пишет, он не может не провраться и не завраться. Но его обмолвки значения не имели: Ленин, может быть, и не читал его трудов, а те, кто копили эти оговорки

¹ Даже Склянский вел себя с Лениным развязно.

и ошибки, еще не смели переводить разговор в плоскость “троцкизма”. Правда, уже в эти годы его пытались провоцировать на более резкие высказывания о Ленине. Например, Ольминский раскопал в архивах частное письмо от Троцкого к Чхеидзе (1913), включавшее в себя “мраморные” строки:

...каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении. Ни один умственно неповрежденный европейский социалист не поверит, что возможен раскол из-за тех маргиналовых разногласий, которые фабрикуются Лениным в Кракове... Все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения... —

ср. кн. 2 §2. Под ширмой сбора и издания материалов, относящихся до истории партии, Ольминский обратился к Троцкому с просьбой позволить опубликовать это письмо вместе с другими материалами. Тот не попал в ловушку и запретил. Однако в начале 1925 в окружении совсем уже иных материалов, это письмо было-таки опубликовано противниками Троцкого. Тем не менее, в 1922 позиция Троцкого — внимать каждому слову Ленина и поддакивать ему — приносила успех, и правые те историки, которые утверждают, что к концу 1922 оформился союз Ленина с Троцким против Сталина. Замыслы Ленина бежали, обгоняя самих себя, по двум различным руслам.

Во-первых, он обдумывал персональное смещение Сталина с поста генсека (и тем самым неизбежно и удаление его из Политбюро) с заменой его “всегда вежливым, всегда лояльным” Дзержинским. С этой целью затушевывались кровавые подвиги ВЧК, самое ее имя исчезло, сменившись на ОГПУ. Дзержинскому поручались одно за другим хозяйственные дела (транспорт) и политические решения (грузинский конфликт); он введен в Оргбюро. Кабы тот не был столь непроходимо туп, он бы вознесся ко власти. Но он даже гимназию закончить не сумел, просидев в одном классе два года. Увидав, что перед кассами на вокзалах многолюдные очереди, — он расстреливает кассиров. Увидав, что сегодня из Москвы в Симферополь отошел поезд, имеющий пустые места, он тут же громит своего зама, не разузнав предварительно, сколько людей сядет на этот поезд в Курске и как было вчера и позавчера. А когда ему понадобилось установить нормы расхода горючего на паровозе — он самолично неотрывно наблюдал за 48-часовыми маневрами

лучшего машиниста и принял его показатели за обязательную по НКПС норму... С такими умственными способностями не возвысишься. Во-первых, Ленин обдумывал структурную реорганизацию партии, дабы путем реконструкции центральных партийных учреждений вырвать из рук генсека Сталина полученную тем гигантскую власть: он решил вдохнуть жизнь в два года бездействующую ЦКК, обеспечить ее мощным аппаратом, поставить над ЦК и Политбюро с Оргбюро и Секретариатом как некий контрольный механизм, который, хотя и не правомочен принимать политические решения, но вправе аннулировать любое решение. В-третьих, сознавая, что под предлогом болезни Сталин не допустит его на съезд, Ленин упрасивал Троцкого выступить на съезде от его, Ленина, имени в духе изничтожения Сталина.

Но Сталин не лыком был шит. Не зря он слушал телефонные разговоры. И вся “тройка” была единодушна в нежелании признать Троцкого наследником Ленина. Все – кроме разве самого Ленина – прекрасно понимали, что Ленин никогда не вернется на политическую арену. Поэтому Политбюро сужалось до четырех человек, из которых Монбланом над тремя возвышался Троцкий. Следовательно, политическая задача этих троих была та же, что у Ленина осенью 1920 – сбить Троцкого до своего уровня или ниже. Только при таком условии можно было гарантировать, что он не установит над ними свою диктатуру. Тройка одушевлялась этой задачей. Успеху тройки содействовали разные факторы. Во-первых, Оргбюро не содержало сторонников Троцкого, напротив, Рыков и Томский были его противниками. Во-вторых, с утратой бесспорного вождя в партии естественно возникают “ревизирующие” настроения и соратники его неумолимо заменяются новыми людьми; первым на очереди оказывался наиболее заметный Троцкий. В-третьих, Ленин был душевно болен. Как бы он ни облекал своими полномочиями Троцкого и как бы ни дезавуировал Сталина, все можно было списать на его болезнь. И в самом деле: завещание? Да оно составлено как преувеличенная реакция на чисто бабью обиду, причем с неуклюжей адвокатской ловкостью Ленин требует от Сталина извинений **после** датировки завещания, хотя оскорбление было нанесено **до** начала работы над завещанием! И все в том же роде. Поэтому Троцкий уклонился поддержать Ленина: брать себе в союзники душевнобольного реальный политик позволить не может – с грязью смешают, сто лет не отмоешься. И Троцкий отмол-

чался на XII съезде по конфликтным вопросам (он делал установочный доклад о хозяйственном строительстве), не стал добиваться ни снятия Сталина, ни публикации “завещания” Ленина, ни т.п. Характерно, что в 1922-23 Сталин вел линию на дискредитацию Ленина: распускал слухи о его невменяемости, подстроил публикацию секретных писем Ленина, свидетельствующих о его денежной связи с немецкой разведкой (Ганецким-Парвусом) и т.п.

Итак, Ленин не выступил на XII съезде, ибо накануне удар лишил его дара речи. Троцкий – убоялся. Сталин остался генсеком. Тут “тройка” победила. Но в части создания ЦКК тройка не осмелилась идти поперек Ленину. Во-первых, потому что часть писаний Ленина по этому поводу прорвалась в печать и замолчать их, наподобие “завещания”, было невозможно. Во-вторых, огромное число видных партийцев, старых подпольщиков и героев гражданской войны, организаторов побед, не находило себе мест в сложившемся партаппарате за занятостью всех постов. Но они жаждали “социального участия”. Создание нового многочисленного парторгана с широким аппаратом и весомым авторитетом было для них шансом на интересную политическую жизнь. Восстанавливать их против себя “тройка” не смела – ее самое смели бы. Возглавлял это движение Куйбышев, который на 12 лет делается главным, хотя и безмолвным, соперником Сталина по реальной власти.

Куйбышев происходил из потомственной офицерской семьи. Отец его дослужился до полковника. Сам Валериан мечтал в детстве о суворовско-наполеоновской славе, учился в кадетском корпусе, потом в Военно-медицинской академии, которую, впрочем, не кончил по революционным причинам. В противоположность Сталину, Куйбышев имел вполне нормальное счастливое детство, любовь родителей, братьев, родных и двоюродных. Высокий, крупный, уверенный в своей силе, красивый и щедрый, он с 16 лет кипел среди большевистских слов и деклараций. И сам он обожал составлять декларации, планы и кодексы. Соответствия с жизнью не получалось, но это смущало его мало – он жил в мире словесных формулировок. Холодно-бесчеловечные приказы Троцкого вступили в разлад с жаром энтузиастической души Куйбышева, пару раз он отказался выполнить приказ “устроить мамаево побоище” – и был перемещен в отдаленную безводную

туркестанскую пустыню¹. К изумлению всех, Фрунзе с горсткой красноармейцев прошел ее и завоевал Среднюю Азию, так что Куйбышев уцелел. При нем на том же фронте, более в военном, нежели в политическом качестве, подвизались его родственники Н.В.Куйбышев, В.М.Куйбышев, А.Куйбышев.

Его кандидатура на должность главы ЦКК была естественной и труднооспоримой; имея более чем десятилетний революционный стаж, он был по ссылкам знаком с такими корифеями, как Свердлов, и с такими, как Бубнов. Он выказал себя очень энергичным функционером и умело завораживал слушателей, раскидывая перед ними один за другим величественные планы предстоящих свершений. Он был безусловным союзником тройки в ее борьбе по принижению Троцкого. Станет ли он серьезным конкурентом для аппарата генерального секретаря – зависело от того, насколько ему удастся создать свой собственный эффективно функционирующий аппарат. ЦКК была расширена вдесятеро – до 50 членов и 10 кандидатов. Влюбленный в планирование и составление диспозиций Куйбышев изобретает ей внутреннюю структуру. В составе ЦКК выделяются частично пересекающиеся Президиум и Партколлегия с разными функциями: первый ведает политическим руководством ЦКК, а вторая – моральным обликом коммуниста, что немаловажно в условиях “угара нэпа”. Президиум состоит из 10 человек и имеет 5 душ кандидатов, ибо все должно быть как у людей. Для оперативной работы Президиум назначает 4 секретарей, к коим числится один кандидат. Партколлегия имеет своих секретарей. На местах возникают губернские КК, подчиненные не местной власти, но ЦКК. Сама ЦКК совершенно не зависит ни от Политбюро-Секретариата, ни даже и от ЦК, будучи суверенным органом, избираемым только съездом партии, и не завися ни от каких директив подконтрольного ей ЦК. В аппарат ЦКК зачисляются все сотрудники прежней РКИ, которой между Сталиным и Куйбышевым безрезультатно ведал Цюрупа; сам Куйбышев становится наркомом РКИ. Повсеместный и плановый контроль – он особенно уповал на магическое слово “план” (которое, собственно, в переводе с древнегреческого означает “наважде-

¹ Троцкисты распускали слухи, будто за трусливую сдачу Самары в 1918 Троцкий приговорил Куйбышева к расстрелу, а Ленин санкционировал приговор; отсюда, де, ненависть Куйбышева к Троцкому и Ленину. Документальных следов этого я не нашел, но одно письмо Ленина к Куйбышеву в Ташкент содержит следы презрительного отношения.

ние”). Под эгидой Куйбышева начинает внедрять свои научные методы организации труда (НОТ) А.Гастев. И тут на первый взгляд небольшая разница между Бажановым и Гастевым решительно склоняет чашу весов в пользу Сталина: Бажанов не разговаривает о том, как надо перестроить работу в свете НОТ, но молча преобразует секретариат в эффективно действующий орган. Гастев же всячески жаждет **всех** научить работать по-научному, пропагандирует НОТ, вплоть до того, что пишет о нем стихи. Но секретариат президиума ЦКК от этого не улучшается.

В той форме, в какой в апреле 1923 родилась ЦКК, она вполне могла бы сделаться главнейшим в партии органом, подмяв под себя все прочие. И если этого не случилось, то объяснение можно найти только в качествах личностей. И во все не в том дело, будто Куйбышеву не хватало честолюбия или самостоятельности – их у него было в избытке. Но он обладал тем не редким качеством, когда подробнейший и живой рассказ о собственных намерениях человек принимает за реальное выполнение этих замыслов, и они в его мозгу перемещаются на полочку с пометкой “дело закончено”. Предстояло же ему меряться силами с практиками из Оргбюро, которые молча делали дело, никого не посвящая в задуманное. И они обставили его первым же ходом: в порядке смиренного признания приоритета ЦКК над Политбюро предложили, чтобы три члена президиума ЦКК присутствовали на всех заседаниях Политбюро со всеми правами членов Политбюро. Куйбышев, конечно, принял это предложение и после того ему, при его великодушии, было неловко отказать в проекте, чтобы три члена ЦК “для связи” имели бы право присутствовать на заседаниях ЦКК безо всякого права голоса, исключительно для информации. Такими послами были сделаны Сталин и Дзержинский; имя третьего мне установить не удалось. Этими назначениями была основательно подпорчена персонально-процедурная независимость ЦКК от Политбюро и Оргбюро. Впрочем, Куйбышеву это дали почувствовать только через три года, а покамест его, напротив, окружили почетом наравне с членами Политбюро, что для такого жадного к славе человека было опаснее яда. Все же первое время ЦКК формировалась из независимых от ЦК лиц: вторым по авторитету после Куйбышева в ней был Гусев, после – Киселев, люди, не умеющие гнуть шею.

И “тройка”, и Куйбышев усердно вели подкоп под Троцкого. Главное направление удара было по военной линии – там, где больше всего сторонников у Троцкого, где он прославлен и опасен. Отстранить его от поста вождя Красной армии было немыслимо, но вот поубавить число его приверженцев в РВС попробовать можно было. Так как по законам политической алгебры вычитание всегда начинается с прибавления, то за полгода, предшествовавшие XII съезду, в РВС было введено почти столько же новых членов, сколько в нем было к осени 1922: добавлены Антонов-Овсеенко, Брюханов, Фрунзе и Лебедев, причем последние двое – уже после удара, лишившего Ленина дара речи. Провозглашение нового государственного объединения – Союза ССР – также хороший предлог для дальнейшего увеличения численности и кадрового пересмотра РВС. В августе 1923 РВС Республики переименовывается в РВС СССР, из него выводятся три члена, дабы высвободить вакансии девяти представителям национальных военных дарований, вроде Гейдар-Садык оглы Вазирова, и ему подобных. Вылетает же из РВС верный товарищ Троцкого Смилга. Более того, Смилгу делают заместителем малоавторитетного Цюрупы, возглавляющего вовсе никому в условиях нэпа не нужный Госплан. Троцкий же не только лишился своего сторонника, но ему еще предстоит председательствовать на собрании из 15 человек – такова теперь численность РВС СССР. Ему-то, привыкшему все решать единолично, вкратце обговорив вопрос с двумя-тремя понимающими с полуслова соратниками! Совершенно неизбежно, что в этих условиях Смилга и другие обиженные герои начали ворчать и соорудили фрондерскую “платформу 46-ти” в сентябре 1923, где ругались в адрес Оргбюро, производящего, де, кадровые перемещения без учета реальных партийных потребностей, во вред партии. Но характерно, что Троцкий поддержал своим авторитетом этих оппозиционеров. Еще полгода назад Троцкий предлагал Оргбюро молчаливый блок: я не стану требовать разглашения обличительных антисталинских материалов из ленинского наследия, соглашусь на избрание Рыкова и Томского в Политбюро, но за это признайте меня вождем; именно это провозглашала “Правда” от 14 марта 1923:

Если партия наша входит в историю как первая пролетарская партия, которая сумела создать великую армию, то эта блестящая страница Русской Революции навсегда будет связана с именем Льва Давидовича Троцкого, человека, труды и деяния которого

явятся не только предметом любви, но и научного изучения новых поколений рабочего класса, готовящихся завоевать весь мир.

Теперь же он видит, что его самого теснят и блокируют. И он готов опереться на оттесняемых, тем более, что в их стан попал особливо выделенный Лениным в “завещании” как надежда партии Пятаков. Но Оргбюро с гениальной простотой парирует выпад Троцкого: во избежание нареканий в недемократизме 23 сентября 1923 в Оргбюро вводится сам Троцкий, уравновешиваемый, правда, Зиновьевым. Членство в Оргбюро, конечно, Троцкий мог расценить только как насмешку. Сделать там что-либо один против семерых он не мог, а скорее всего и не пытался. Но козыри из его рук выбиты: будучи членом Оргбюро, он не мог, оставаясь лояльным, поносить Оргбюро! На все его филиппики можно было ответить призывом к дружной деловой работе. Для Троцкого последствия были катастрофическими. Его имя прозвучало в официальном извещении о пленуме ЦК и в резолюции XII конференции как имя заклеянного оппозиционера, фракционера и мелкобуржуазного уклониста. Сталин гневно высмеял претензии Троцкого именоваться “старым большевиком” – в самом деле смешотворные, но которые до 1923 не казались таковыми. Вместе с Троцким были клеймены Преображенский, Серебряков, В.Смирнов, Радек и Пятаков. Поэтому, когда через неделю последовала смерть Ленина, ни у кого не возникла мысль позвать в вожди Троцкого¹. Битая карта.

2 февраля пред Совнаркома назначается Рыков, пред СТО – Каменев, и в очередной раз меняется личный состав РВС: вводят пятерых и вводят пятерых новых, в том числе Орджоникидзе, Ворошилова, Лашевича, Бубнова. К слову, Бубнов активно участвовал в оппозиции 46-ти, но затем круто пошел в гору до самого 1928 года. А еще через месяц, 14 марта 1924, с поста зампреда РВС снимается Склянский, изгоняемый на пост директора “Моссукуно”, и назначается Фрунзе. Фактически Троцкий уже не в силах руководить армией, все телеграммы ему от Политбюро адресуются: “т. Фрунзе для т. Троцкого

¹ К тому же Троцкому только что сделали (в Германии, где он был инкогнито с ведома германского правительства) сложную операцию голосовых связок, и он не смог бы выступить на похоронах Ленина, на заседаниях – дележах постов. Рассудив, что политически выгоднее отсутствовать, нежели молча присутствовать, он остался отдыхать в Сухуми, пустив слух, будто бы Сталин его дезинформировал насчет даты похорон.

го”, а сам Троцкий только и делает, что требует от Политбюро освободить его от работы в РВС, ибо он принципиальный противник двоевластия. Вместе со Склянским полетел его секретарь Штыкгольд, как несколько позже, при формальном снятии Троцкого с предреввоенсовета в январе 1925, полетели его секретари Сермукс Н.М., Глазман М.С (застрелился), Познанский И.М. и другие. Аппараты чистились основательно. Все ленинские секретари – Гляссер, Фотиева, Володичева и другие – лишились работы в Совнаркоме и Политбюро. Протеже Ленина Красиков, председатель Малого Совнаркома, вылетел не только из СНК, но даже из партии (обвинен во взяточничестве). Рыков приводил в СНК своих людей, кадры Троцкого ему были ни к чему. Силу политического деятеля составляет не его теоретическая концепция, не система его взглядов, но совокупность его секретарей, референтов и исполнителей, которые поставляют ему информацию, предлагают набор альтернативных решений, выбор из которых осуществляет он, и быстро и четко выполняют его указания¹. Такой аппарат был у Троцкого. При снятии с пред РВС он попытался спасти хотя бы обломки: он был назначен пред Главконцесскома и разместил свой былой аппарат в виде секретарей председателя. Но тут на него обрушился Куйбышев, который не мог допустить такого разбазаривания народных средств, чтобы у Троцкого было семь секретарей! Прошла кампания сокращения штатов – и секретарей выгнали в первую очередь. Ободранный, лишенный и авторитета, и кадров, Троцкий умолк и весь 1925 ни словом не вмешивался во внутреннюю политику. В своем подлаживании к новым правителям он дошел до того, что зачитал как свое сочинение текст, в котором публикация в США “Завещания Ленина” именовалась фальшивкой и категорически авторитетом Троцкого ручалось, что ничего подобного Ленин никогда не писал.

В подминании Троцкого лавры должны быть поровну разделены между Сталиным, Зиновьевым и Бухариным, но по ошеломляющей внезапности и впечатлению первенство должно отдать Бухарину. В самом деле, Зиновьев искони ненавидел Троцкого, поэтому, когда осенью 1923 Петроградская организация как один сплотилась оберегать чистоту лени-

¹ В брежневские времена функции такого аппарата видоизменились: он назначает своих людей в аппарат **другим** членам Политбюро, блокируя тех и обеспечивая себе контроль за ними. Но все равно сила политического деятеля – именно в наличии такого аппарата.

низма (главнотерпретатором коего в ту пору значился Зиновьев) от троцкизма, потребовала исключить Троцкого из РКП(б) – в этом не было ничего неожиданного. Когда давний враг Троцкого Сталин выступает против него, в этом нет ничего ужасного, тем более, что Сталин выступал довольно умеренно, ибо ему Троцкий был нужен как противовес против Зиновьева, да и Куйбышева-Фрунзе-Дзержинского. Но когда вечный единомышленник Троцкого Бухарин вдруг отрекается от своих программных идей милитаризации экономики и принудительного труда, переходит на позиции правых большевиков Рыкова и Томского – это сногшибательная сенсация. Если же вдобавок Бухарин бессовестным образом, пользуясь своим положением главного редактора центрального органа “Правды”, подтасовывает в “Правде” информацию во вред Троцкому, не останавливаясь для этой цели перед снятием с работы заведующих отделами редакции “Правды”, возражающими или непригодными для такой дезинформации, то дыхание перехватывает. Потом-то, за много десятилетий, к таким методам привыкли, но тогда это было внове, пронзительно. Словом, “Правда”, т.е. Бухарин, удостоилась специальной похвалы от XIII конференции в январе 1924 за непримиримость борьбы против Троцкого и мелкобуржуазной платформы 46-ти. Бухарин дошел до такой степени бесчестности, что в конце 1924 взвалил на Троцкого вину за оппозицию левых коммунистов в начале 1918. Троцкий был так потрясен изменой Бухарина, что раз навсегда сформулировал девиз: “Вместе со Сталиным против Бухарина? – Да! Вместе с Бухариным против Сталина? – Никогда!!”, – которому на горе себе и следовал ближайшие десять лет. Почему Бухарин предал Троцкого? Я думаю, были две главные причины. Во-первых, властолюбие. На XII съезде Бухарину было недвусмысленно показано, что оставаясь сторонником Троцкого, он никогда не повысится в ранге. Как он стал в 1919 **кандидатом** Политбюро, так и остался им в марте 1923, когда на освободившуюся вакансию Ленина в члены Политбюро были избраны члены Оргбюро Рыков и Томский, не бывшие до того кандидатами. Они перепрыгнули через него, невзирая на то, что в “завещании Ленина” именно Бухарин был поименован “заслуженным любимцем партии”, а они и вскользь-то не были названы! А Бухарин как глава института Красной профессуры в это время имел обширную клиентелу: В.Астров, Е.Гольденберг, А.Зайцев, Д.Марецкий, П.Г.Петровский, Д.П.Розит, М.Рютин, А.Слеп-

ков, А.Стецкий, М.Фрумкин, Е.Цейтлин и др. Все эти “бухаринские мальчики” роились вокруг него как подателя жизненных, духовных и карьерных благ. Если он не продвигается, то не продвигаются и они. Не желая их лишиться, он вынужден бороться за собственное продвижение – такова логика кремлевской жизни.

Другая причина поведения Бухарина – уже отмеченный его конформизм. Пока в партии господствовали взгляды Ленина-Троцкого на то, что социализм – это принудительный труд плюс учет, Бухарин развивал теорию, апологизирующую сии взгляды. Но Ленин сошел со сцены, а потом умер, Троцкий умален. И когда Преображенский выпустил книгу “Новая экономика” – новые господа положения Рыков и Томский отвергли этот путь. Поэтому и Бухарин отверг его, а значит и Троцкого, поддерживавшего Преображенского.

Итак, по совокупности обеих причин, Бухарин выступил против Троцкого, сочинив штук пять теоретических трактатов, фундирующих хозяйственную политику Рыкова-Томского. Он был вознагражден немедленно, ибо на XIII съезде летом 1924 вводится в члены Политбюро. Таким образом, Политбюро стало слагаться из двух “троек” – Зиновьев, Каменев, Сталин и Бухарин, Рыков, Томский, – между которыми болтался язвительный, но нисколько не влиятельный Троцкий. Из шестерых кандидатов Политбюро Калинин и Сокольников определенно тяготели к “правым”, Молотов располагался где-то между правыми и Сталиным, позиция Рудзутака не ясна, а Дзержинский и Фрунзе вместе с пред ЦКК Куйбышевым составляли “отряд вольных стрелков”, которые, ни к кому не примыкая, искали власти для себя. Но об этом – в следующем параграфе.

ЛИТЕРАТУРА

Биографии вождей.

М.Булгаков. “Собачье сердце”.

А.В.Краснов. “ЦКК-РКИ в борьбе за социализм”, Иркутск, 1973.

Маяковский. “Жид”, 1927.

Б.Пильняк. “Красное дерево”.

М.Поповский. “Священник-хирург”.

Пантелеймон Романов. Повести и романы.

Советская Историческая Энциклопедия.

Сочинения Ленина, Сталина, Троцкого и Бухарина.

Стенограммы IX конференции – XIII съезда.

В.В.Стратонов. “Потеря Московским университетом свободы” – сб. “Московский университет. 1755-1930”, Париж.

С.А.Федюков. “Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу”, М., 1977.

И.Эренбург. “В проточном переулке”.

§ 3. Ликвидация нэпа и установление единовласти

Обзор политических событий 1924-30 гг.; возвышение и смерть Фрунзе; оттеснение Зиновьева-Каменева; смерть Дзержинского и быстрое изменение состава Политбюро; триумф Бухарина и объединение оппозиции; шахтинское дело; наступление Бухарина на Сталина; индустриализация и отстранение проблемы внутреннего рынка; хлебозаготовки и коллективизация; колхозно-паспортный строй; налог с оборота; изоляция рубля от мировой валюты; редукция сферы обслуживания; несуну; организационный разгром правых; Бауман и Сырцов; дела литературные.

Бухарин вошел в Политбюро, поднял престижно всю свою клиентелу и дал мощное теоретическое обоснование хозяйственной политике Рыкова-Томского, т.е. нэпу в его установившейся форме. Естественно, что после смерти прежнего бесспорного вождя его ближайшее окружение оттеснялось от власти – и Бухарин объективно взял на себя задачу выполнить эту политическую ликвидацию прежних вождей: Троцкого, Зиновьева, Каменева, Сталина. Ни один из них самоликвидироваться не желал – это одна из причин ожесточенной борьбы за власть в 1925-29. Другая причина состояла в наличии иных сил, таких же молодых, как сам Бухарин, которые тоже хотели бы убрать прежних вождей, но не для Бухарина, а для себя лично; мы начнем с одного из них – Фрунзе. В конце концов Бухарин проиграл, а так как он неразрывно связал свою судьбу и философию нэпа, то одновременно с Бухариным рухнул и нэп, что в корне изменило всю экономику страны, привело к ликвидации крестьянства и возникновению народного хозяйства, не привязанного к потребностям и возможностям жителей страны.

Основные узлы происходившего:

1. Возвышение и крах Фрунзе (1924 – октябрь 1925).
2. Оттеснение Зиновьева-Каменева (лето 1924 – декабрь 1925).
3. Разгром ленинградской организации.

4. Предсмертная попытка Дзержинского (лето 1926).
5. Устранение из числа претендентов Троцкого, Зиновьева, Каменева, Куйбышева (лето 1926).
6. Напряженная публичная борьба с “объединенной оппозицией”, завершающаяся изгнанием и арестом оппозиционеров (1926 – 1927).
7. Пересмотр – ужесточение – Уголовного кодекса и первый процесс вредителей (январь 1927 – апрель 1928).
8. Наступление Бухарина на Сталина (апрель – июль 1928).
9. Переворот Баумана в московской организации.
10. Изгнание правых (ноябрь 1929).
11. Дележ поста пред Совнаркома (ноябрь 1929 – декабрь 1930).

При жизни Ленина никто не смел ввести Фрунзе в Реввоенсовет, хотя покоритель Крыма стал предреввоенсовета Украины и Крыма и примерялся также к посту военного министра Турции, где только что к власти пришел Кемаль Ататюрк, настроенный антиантантовски, т.е. естественный союзник РСФСР. Фрунзе был военный деятель, интенсивно думающий **политически**: мы помним, что Башкирию он завоевал не военной силой, а переговорами; Бухару так же; Крым – политическим союзом с татарами и Махно; в 1921 вел в Анкаре переговоры об объединении военного командования Украины и Турции. Поэтому тот факт, что на заседаниях Политбюро он сидел, не вмешиваясь ни в какие обсуждения, кроме военных вопросов, где отрезал: “Быть по сему!” – свидетельствует не о скромности его, но о том, что **с этими деятелями** ему обсуждать было нечего. Он молча готовился к акции – молниеносной, как взятие Перекопа. Хотя он резко ругался с Троцким (на поверхности из-за созданной Фрунзе военной доктрины: “Красная армия будет только наступать”, “Война будет вестись малой кровью и многочисленная армия не нужна”, “Там, где ступит нога красноармейца – там будет советская власть”, – в ответ на которую Троцкий разразился брошюрами: “Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство”, “Почему нам нужна сильная армия”), – он, видимо, все-таки принимал эту силу во внимание. И, выходя на “финишную прямую” в своих отношениях с Политбюро, он послал члена РВС Мясникова на тайные переговоры с Троцким; самолет разбился, не долетев до Сухуми. То ли в обломках нашли что-либо, уличающее Фрунзе, то ли заложил его Куйбышев, то ли Сталин совсем уж не мог терпеть

Фрунзе, отодвигающего шашкой Мехлиса при входе в его кабинет и потому имевшего случай увидеть, как Сталин потаенным аппаратом слушает чужие телефонные разговоры, то ли у Фрунзе было очень уж отягченное дореволюционное досье, – но в октябре 1925 ему приказали “лечь на операцию”, во время которой он умер¹. Одновременно со смертью председателя из реввоенсовета выбрасывается 7 членов (остается 11). Немедленно же пред РВС назначается Ворошилов в обход зампреда Уншлихта; вторым зампредом назначен Лашевич. Так закончился эпизод с бонапартизмом. Обстоятельства смерти Фрунзе точно описаны Борисом Пильняком в “Повести непогашенной луны. Смерть командарма”. Она была опубликована по свежим следам в 1926 в № 5 “Нового мира”, но не успел тираж разойтись, как из Кремля последовала грозная команда: “Изъять!”, и в части тиража страницы с Пильняком вырезаны и заменены “Стадами Аллаха” другого автора. Пильняк же попал в картотеку писателей Бажанова (или уже сменившего его Ежова?), которым должно выказывать немилость.

Падение Фрунзе окончательно подкосило Зиновьева-Каменева. Громоздкие центральные органы, избранные на XIII съезде (87 членов и кандидатов ЦК, 13 членов и кандидатов Политбюро, 17 членов и кандидатов Оргбюро, 5 секретарей, 15 членов Президиума ЦКК), делали их in corpore совершенно неспособными, и объективно вынуждали вести “политику сговоров и комбинаций”, как выразился через год Лашевич, обиженный тем, что Ворошилов его обскакал. Сталин считал выгодным для себя сблокироваться с побеждающим Бухариным, наметив в качестве выбрасываемых Зиновьева и Каменева. Сначала он попросту перестал обговаривать предстоящее обсуждение на Политбюро с ними двумя, заменив такое обговаривание сговором с Бухариным. Затем они с Бухариным начали всовывать в аппарат людей, враждующих с Зиновьевым: в северо-западное бюро ЦК взамен преданного Зиновьеву Залуцкого, в чем-то опростоволосившегося, ввели чекиста Комарова, еще в 1921 скандалившего с Зиновьевым так, что Политбюро пришлось их растаскивать; изгнанного Зиновьевым из Петрограда в Нижний Новгород Угланова перевели первым секретарем московской – столичной – организации. И тому подобные аппаратные трюки. Как только “вполне свой” Сталин отвернулся от Зиновьева-Каменева, они

¹ Оперировал Левин, осужденный в 1938 не за это.

с изумлением обнаружили, что не имеют в Оргбюро и секретариате ни одного своего человека. Правда, в числе кандидатов Оргбюро значился Фрунзе, которого Зиновьев в свое время и разыскал и продвинул, но, во-первых, было очевидно, что он не расположен поддерживать их, а во-вторых, и он к концу 1925 уже не жил. Возможно, Зиновьев-Каменев вылетели бы уже в 1924 или в начале 1925, но на короткое время Троцкий своими “Уроками Октября”, вышедшими осенью 1924, сплотил против себя всех: уже издыхавшую “тройку” Зиновьева-Каменева-Сталина, новую тройку Бухарина-Рыкова-Томского и “теневую тройку” Дзержинского-Куйбышева-Фрунзе. В изложении Троцкого развитие революции выглядело на данный момент так: исконно правые, собственно даже штрейкбрехеры революции Зиновьев и Каменев лишь персонифицировали имманентный Революции процесс вырождения, увлекши теперь в свое право-опportunистическое болото некогда крайне левых Бухарина и Куйбышева, а такое термидорианское вырождение неизбежно обернется бонапартизмом (Фрунзе). Как привели к молчанию Троцкого, уже рассказано в §2. Но это подзадержало кончину Зиновьева как вождя партии. А он котирировался в 1923-25 как таковой: на XII и XIII съездах именно он выступал с политическим отчетом ЦК. Именно его вотчина Петроград был переименован в Ленинград. Именно в Ленинграде был намечен очередной XIV съезд партии. Именно Зиновьев толковал ленинское учение, выпустив книгу “Ленинизм”.

Тут мы соприкасаемся с еще одной причиной задержки с избиением Зиновьева-Каменева. Сталину нужно было принизить их для того, чтобы возвыситься самому лично. Но для желанного личного возвышения ему не хватало прежде всего славы или хотя бы умеренного признания его как теоретика. Троцкий строчил книгу за книгой, Бухарин вскрывал закономерность за закономерностью, Зиновьев разражался словесным поносом, Каменев выпускал монографию за монографией¹, даже паршивый Преображенский открыл закон социалистического накопления, – и только у Джугашвили ничего, не считая речей на митингах да газетных фельетонов. Но

¹ Помимо писания собственных монографий и мемуаров Каменев ведал изданием сочинений Ленина и интерпретацией его работ: каждому тому предпосылалось предисловие по схеме “Факты – Идеи”, и отпрепарированные в формулировке Каменева идеи Ленина внедрялись в агитпроп (Сырцов).

недаром **все** текущие дела проходили через аппарат Секретариата, и в нем уже был наведен порядок. Когда некий Ф.А.Ксенофонов¹ сочинил направленную против Троцкого книжку “Учение Ленина о революции и пролетарской диктатуре” и мыкался в попытках издать ее, Сталин перехватил текст и опубликовал под своим именем как “Основы ленинизма”; в 1937 Ксенофонов умер на допросах. Итак, с начала 1925 Сталин уже мог именоваться теоретиком, т.е. мог претендовать на роль вождя партии. Ведь в ту пору настроение умов (преимущественно недоучившихся и кипевших категоричностью полужнания) в партии было таково, что слава теоретика была **непременным** условием для ее вождя.

К XIV съезду – созванному лишь после устранения Фрунзе и потому с запозданием против Устава на полгода – в декабре 1925 уже можно наносить удары по Зиновьеву: съезд созывают не в Ленинграде, нарушая тем Постановление XIII съезда, и Политический отчет ЦК поручается не Зиновьеву, но Сталину. Впрочем, Зиновьев и Каменев острие своих нападок направляли не против Сталина, а против Бухарина.

“Крови Бухарина хотите вы? – спрашивал Сталин. – Не дадим вам его крови!” – отвечал он же. Троцкий отмалчивался, не зная, с кем сблизиться. Закончился съезд полным поражением Зиновьева, снятием Каменева с поста председателя СТО (отобранный Рыковым, который тем самым объединил разорванную было надвое между СНК и СТО исполнительную власть; заместителем Рыкова делается Куйбышев), снижением Каменева с члена до кандидата Политбюро, разгромом ленинградской парторганизации.

Но о последнем ниже, а сначала отметим некоторые правовые новшества, выяснившиеся на XIV съезде. Сам факт содоклада Зиновьева, члена Политбюро, параллельно с докладом Сталина от Политбюро² был расценен как нарушение партийных норм, как фракционность. Вспомним, что зимой 1920/21 точно такое же выступление Зиновьева против докладчика Политбюро Троцкого расценивалось совсем иначе! Далее. Троцкому осенью 1924 вменяли в вину содержание его книги, но никто не препятствовал ему издавать книгу. Зиновьеву же и Крупской осенью 1925 не

¹ Родич ли чекиста – управделами ЦК И.К.Ксенофонтова?

² К слову, содоклад Зиновьева совершенно бессодержателен и вполне подстать этому политическому ничтожеству – сказать ему нечего.

дали разрешения опубликовать кое-какие их статьи. Оказалось, что член Политбюро (или ЦК) не имеет права (уже не партийного, но полицейского) публиковаться без дозволения Секретариата ЦК. Это внимание Сталина к печатному слову скоро почувствуют на себе все пишущие.

Несмотря на удаление Каменева, численность Политбюро возросла на XIV съезде: два кандидата (Калинин и Молотов) переведены в члены и выбран новый – Ворошилов. Из них Калинин – бесспорно правый, сторонник Рыкова и Томского, но не сующийся ни в какую высокую политику. Двое других привыкли подчиняться Сталину, в каком-то смысле его друзья (если бы Сталин мог иметь друзей), но вполне приемлемы “правой тройке” и есть основания думать, что Бухарин считал их своими людьми. Достойно внимания, что Фрунзе до самой смерти оставался всего лишь кандидатом, тогда как Ворошилов сделан членом, минуя кандидатство, едва лишь заняв пост пред РВС. Из кандидатов выбыл Сокольников и добавились Г.И.Петровский и Угланов; последний стал также членом Оргбюро и одним из четырех секретарей (Сталин, Молотов, Косиор – остальные). Оргбюро в большинстве состояло из клиентов “правой тройки”, причем в него вернулись Михайлов и Шмидт, возникшие было на высшей арене весной 1921, но не удержавшиеся тогда. Теперь они возвращены Томским к организационному руководству.

Был на XIV съезде избран и еще один – бутафорский – секретарь и член Оргбюро: Евдокимов. На год младше Зиновьева, он с 19 лет большевик, вел малозначащую подпольную работу, после революции прижился у Зиновьева в Петрограде, начальник политотдела VII армии. В марте 1919 по протекции Зиновьева делается членом ЦК, но из-за позорного краха во время наступления Юденича уже на следующем съезде лишается этого поста. В 1922 занимает такие декоративные посты, как председатель петроградского совета профсоюзов, зампред Петросовета, пред ПетроЭКОСО. На XII съезде при общем росте численности ЦК вновь становится его членом, как противник Троцкого, обиженный им. В 1925 после скандала Залуцкий-Комаров его делают секретарем Ленинградского обкома. Он активно поддерживает Зиновьева в разногласиях со Сталиным-Бухариным. Имя его до некоторой степени приобретает характер символа и накануне XIV съезда Бухарин-Сталин предлагают Зиновьеву и Каменеву сделку: мы, мол, введем в Оргбюро и Секретариат вашего че-

ловека Евдокимова, если вы выполните то-то и то-то. “То-то и то-то” выполнено не было, но Зиновьев с Каменевым потерпели такое сокрушительное поражение, что можно было (без риска) продемонстрировать высокую щепетильность в держании данного слова – Евдокимова избрали. Наверное, он никогда не держал в руках ключей от своего кабинета. Ведь в том же январе 1926 в Ленинград приехал Бухарин, привезший своих людей: Ворошилова, Калинина, Кирова, Угарова, Чудова, и, кроме того, от ЦКК прибыли Гусев, Косарев, Лебедь, Сольц для искоренения зиновьевцев. Нечего и говорить, что Евдокимов был вышвырнут из обкома и заменен Кировым. Зиновьев был вышвырнут и заменен на посту пред Петросвета Комаровым (но сему посту пришлось поступиться первенством перед должностью секретаря обкома). Сменились все редакции, все партийные руководящие деятели, особенно в армейских органах, где перед тем они же в порядке дисциплины столь единодушно голосовали за Зиновьева. Никакими подтасовками бухаринцы не стеснялись: Калинин на “Красном Треугольнике” увещал аудиторию: “Что вам стоит для ЦК назвать белое черным?”, – а на Путиловском заводе резолюцию, проваленную при голосовании явным большинством, объявили принятой единогласно. Само собой, Сталин вдохновлял Бухарина на новые подвиги. И на съезде, когда Бухарин загибал какую-нибудь каннибальщину, Сталин, попыхивая трубкой, ронял: “Молодец Бухарин, не говорит, а режет!” – с дальновидной иронией, понятной пока только ему одному. Это, разумеется, вызвало еще большее озлобление и активизацию оппозиции, появилась партия “ленинцы”. Поэтому выше головы было оснований в апреле 1936 пленуму ЦК “освободить т. Евдокимова от обязанностей члена Оргбюро и секретаря ЦК”, заменив его в сем качестве т. Шверником (вроде бы клиентом Молотова). Правда, при Кирове¹ Шверник в Ленинграде не удерживается и вскоре делается секретарем Уральского обкома.

Троцкий, лелеявший мечту истребить Бухарина, долго колебался, с кем заблокироваться: со Сталиным против Зиновь-

¹ Для стиля руководства Кирова очень характерен тот факт, что в первые же полгода своего правления в Ленинграде он возвращает церкви Александро-Невскую Лавру, которая Зиновьевым была частично отобрадена под советские учреждения, а частично – отдана живоцерковникам-обновленцам.

ева или с Зиновьевым против Сталина². Лично он не переваривал ни того, ни другого, но в политике редко руководствуются личными симпатиями-антипатиями. Увидев, что Сталин полностью поддерживает ошибочный курс Бухарина, Троцкий решил объединиться с Зиновьевым-Каменевым: три члена приленинского Политбюро против единственного члена того же Политбюро! Так возникла “объединенная оппозиция”. Она имела широкую почву, была в определенном смысле принципиальной, а в некотором – совершенно беспринципной.

Почва объединенной оппозиции состояла в широком недовольстве партийных функционеров вершащимся в стране. Тут были и хозяйственные трудности: Сокольников, например, провел денежную реформу, стремясь укрепить рубль на реальной (конвертируемой) золотой основе. Он достиг некоторых результатов, как внезапно Фрунзе произвел массовую (пять миллионов из пяти с половиной личного состава) демобилизацию Красной армии, что усугубило безработицу, ликвидировало хозяйственную устойчивость. Сокольников потерпел поражение в борьбе с Дзержинским, когда пытался урезать ассигнования на чекистскую деятельность. Так как большинство Политбюро в этих вопросах поддерживало Фрунзе и Дзержинского, Сокольников начал роптать, за что выпал из кандидатов Политбюро, после чего примкнул к объединенной оппозиции, от которой, впрочем, отошел уже после смерти Дзержинского и снятия Куйбышева. Толкали в оппозицию и личные мотивы обиденности: герои и бесспорные вожди гражданской войны – Белобородов, Крестинский, Мрачковский, Преображенский, Пятаков, Радек, Раковский, Сафаров, Смилга, Смирнов И., не говоря уже о таких, как пред грузинского ГПУ Цинцадзе, смененный никому неизвестным Берия, – оставались или оказывались не у дел. С ними не считались, они лишились “социального участия”. Вот их голоса и зазвучали в оппозиционном хоре.

Страх перед происходившей ревизией установившихся ценностей – пересматривалось все привычное наследие стереотипов мышления – также толкал в оппозицию. Пересмотр же

² Один эпизод сговора Троцкого со Сталиным в 1926 всплыл наружу. Сталин согласился не препятствовать выходу в свет собраний Троцкого, а тот – не препятствовать переименованию Царицына в Сталинград и, более того, Троцкий в грубых терминах обругал фальшивкой опубликованное Истменом в США “Завещание Ленина”, поручившись своим авторитетом, что, де, Ленин никогда никакого завещания партии не оставлял.

шел по множеству линий: по линии экономического строительства, по линии внешнеполитических приоритетов, по историографической линии. Еще при Ленине начав руководить хозяйственной жизнью страны, Троцкий выдвинул две идеи, легшие в основу всей дальнейшей экономики СССР: идею индустриализации и идею коллективизации. В его мозгу вырисовался четкий (и как всегда, бесчеловечный) план: сначала надо восстановить железные дороги, затем — тяжелую промышленность, производство средств производства, затем можно перейти к удовлетворению жизненных потребностей населения или к войне за победу социализма во всем мире (в зависимости от ситуации). Разумеется, попутно следует ликвидировать крестьянство (“ежечасно, ежеминутно самым своим существованием порождающее капитализм”) как класс, лишив его права собственности на продукт своего труда, для чего следует создать коммуны, колхозы или госхозы. Обе эти идеи отвергались теперь, частично из-за их принадлежности Троцкому, а частично из-за того, что Рыков-Бухарин решили **сначала** накормить страну, укрепить крестьянство, поднять жизненный уровень и хотя бы довести индекс производства до уровня 1913 года, прежде чем заниматься “строительством социализма”. Они считали, что сосредоточение политической, государственной власти в руках ВКП(б) само по себе служит недостаточным гарантом против реставрации капитализма, против эксцессов, связанных с остатками частной собственности; излишне далее укреплять свою власть, ликвидируя для этого крестьянство. Ревизия налицо.

Такая же ревизия разворачивалась и в аспекте мировой революции. Как описано в кн. 3, конечной целью (притом ближайшей) была Мировая Пролетарская революция. Теперь от нее отказывались, после ряда неудачных попыток¹, заменяя идеей строительства социализма в одной отдельно взятой стране, “элиминируя” от внешнего фактора”. Острослов Ра-

¹ Не считая Венгерской Коммуны 1919 и Польского Революционного правительства 1920, следует в числе попыток упомянуть Гамбургское восстание 1923, где в частности под именем Вильгельма Гроссшмидта стрелял секретарь члентурского райкома Василий Ломадзе; подготовку восстания в Эстонии в 1924; “письмо Зиновьева” (вождя Коминтерна) в 1925 и т.п. Неудача всех попыток подрывала престиж Троцкого, так что наверное они не очень-то щедро финансировались Молотовым, ведавшим как раз ассигнованием зарубежных компартий. Впрочем, Маяковский еще писал: “Мы будем пить в грядущем все соки Земли, чашей мир запрокидывая!”

дек тут же окрестил ее щедринской идеей строительства социализма в отдельно взятом городе Глупове. Как бы ни относиться к теоретически взятой проблеме, налицо была ревизия, причем по фундаментальному вопросу. Соответственно в истории партии начались подлоги и сенсационные изменения оценок: как ради того, чтобы “доказать”, что якобы никогда партия не ориентировалась на мировую революцию, так и для опорочивания неугодных руководству, так и в силу обнаружения архивных документов. Отказ от прежних диктаторских методов (шла борьба с культом личности Троцкого) выражался в подчеркнутой демократизации (довольно ограниченной, конечно) некоторых норм партийной жизни; в частности, стенограммы пленумов ЦК рассылались в это время в самые низовые ячейки и были доступны для прочтения любому члену партии¹. Тем самым широкие слои в партии как бы приглашались высказаться, принять участие в обсуждении – они откликались на призыв, и самостоятельно мыслящие среди них автоматически оказывались в оппозиции. В приведенной к молчанию стране последним вскриком искреннего мнения оказались высказывания оппозиционеров – в этом их историческая важность. Увы, разумности в этой искренности было мало...

Оппозиционный блок Троцкого и Зиновьева был принципиальным в том смысле, что они в принципе восставали против бухаринского апологизирования практики нэпа, напоминая, что нэп был введен только как **отступление и временно**, дабы, набравшись сил, совершить рывок в светлое царство принудительного труда (см. §19 кн. 3). Одновременно блок был вполне беспринципным, ибо не просто объединялись политики, поносившие прежде друг друга (это-то вполне общепринято в политической борьбе), но **идеологи**, “теоретически обосновавшие” полную неприемлемость системы идей своего противника, а теперь отрекавшиеся от своих принципов и солидаризировавшиеся в идейном плане. Троцкий лицемерно и демагогически выставлял себя “верным ленинцем”; в качестве самоназвания оппозиции он пользовался исключительно термином “большевики-ленинцы”. Зиновьев, полтора года назад настаивавший на изгнании Троцкого из партии как отступника, меньшевика и ренегата (что столь же далеко от истины, как “ленинец”), теперь тоже величал его настоящим большевиком-ленинцем. Мне неясна роль Каменева; порой я

¹ Нечто аналогичное “закрытым письмам ЦК”, модным при Хрущеве.

склоняюсь к мысли, что он с самого начала состоял в соглашении со Сталиным и совместно с ним режиссировал оппозицию¹, но для описания дальнейшего это даже не так уж и важно. Внешне Каменев выглядел крупнейшим лидером оппозиции², порой котиrowался как ее “генеральный секретарь”, хотя иногда таким титулом именовали И.Н.Смирнова (по кличке “Никита”). К лету 1926 объединенная оппозиция набрала силу, в ее лидерах ходили упомянутый ранее зампред РВС Лашевич, вдова Ленина Крупская (которой Бухарин противопоставлял его сестру Марию Ульянову, близкую ему с 1910). В обличениях оппозиции было столь много верного, что немало мыслящих людей встали под ее знамена, а российские эмигранты всерьез обсуждали вопрос, кого им поддерживать: левую ли противоправительственную оппозицию или же помаленьку обуржуазивающееся правительство? Соответствующими разноречивыми вырезками из газет сталинцы и троцкисты тыкали друг друга в нос: “Вот, именно вас поддерживает классовый враг!”

Дзержинский и Куйбышев не стали под знамена оппозиции, но не примкнули и к тому, что называлось “генеральной линией”. Особенно вдохновила Дзержинского майская акция Пилсудского: тот сверг законное польское правительство и объявил себя диктатором, введя санационный (“оздоровляющий”) режим, при котором запрещалась всякая политическая деятельность. Дзержинский немедленно написал Куйбышеву, умоляя того поддержать его в “сверкании молний”, при котором и губительная оппозиция, и не менее губительные противники оппозиции будут сметены, развал в стране остановится, воспрянет твердая власть их обоих. Через полтора месяца на июльском пленуме Дзержинский начал произносить речь, где равно обрушивался на тех и других, угрожал, что в его досье имеются материалы, по которым он может обе враждующие фракции посадить в 24 часа. Договорить ему не пришлось: по официальному коммюнике он скончался от разрыва сердца. Если насчет смерти Фрунзе поползли слухи, то насчет смерти Дзержинского разговорчиков не было. Сразу же после этого Зиновьев и Каменев в “надежных местах” зарыли своих

¹ Наподобие того, как у Оруэла “Старший Брат” и “Злейший Враг” – одно и то же лицо.

² Характерно, что в России к мыслящим иначе, чем правительство, вечно прилипает иностранная кличка: “оппозиция”, “диссиденты”, “нигилисты”.

завещания, где писали, что ежели они внезапно умрут, то винить в этом надлежит всецело и исключительно – Сталина. Даже если никто не убивал Дзержинского, эта вторая меньше чем за год смерть в Политбюро должна была произвести жутковатое впечатление в Кремле. Вся верхушка жила в Кремле, боясь народа, страшась жить рядом с людьми из опасения террористических покушений. Кстати, как раз недавно кто-то пытался взорвать Лубянку, т.е. резиденцию ОГПУ. Жили взаперти, за двумя шлагбаумами вне ворот, двумя – внутри. Никто в Кремль не мог пройти. И вот смерти в самом Кремле, на высшем уровне... Где же можно жить члену ЦК в безопасности? Страх обуял Кремль. Многие мемуары датируют возникновение чувства бессильного страха у руководящих работников именно 1926 годом.

Мгновенно из руководства вылетает Куйбышев. Он внешне никак не клеймится, равно как и сам никогда публично не нападал – ни на Сталина, ни на Бухарина. Однако понижение его чудовищно: с поста председателя ЦКК, автономной и никому, кроме съезда партии, не подотчетной организации, по правам равного члену Политбюро и, следовательно, имеющего доступ ко всем документам в ВКП(б) и СССР, Куйбышев переводится на пост председателя ВСНХ, организации, подотчетной и ЦИК СССР, и ЦК ВКП(б). Объем доступной ему информации теперь – только хозяйственные бумаги, да и то лишь те, которые не входят в компетенцию СНК и СТО. Опять же, поверхностно все выглядит благопристойно: Куйбышева назначают взамен умершего Дзержинского на этот пост председателя ВСНХ. Но ведь Дзержинский при том был еще кандидатом Политбюро, т.е. имел доступ ко всей документации Политбюро. Куйбышева же не делают ни членом, ни кандидатом Политбюро – поэтому пост сразу обесценивается. Наконец, Дзержинский занимал куда как более существенный пост пред ОГПУ – организации, пронизывающей всю ткань партийно-государственной жизни СССР. Куйбышева на этот пост не назначают; его получает малоавторитетный ставленник Бухарина Менжинский. Падение Куйбышева – не только его личное падение. Это крушение всей ЦКК. Ведь снятие председателя ЦКК происходит не на партийном съезде, даже не на пленуме самой ЦКК, но на **объединенном** пленуме ЦК и ЦКК¹, что вопиюще

¹ Под флагом экономии государственных народных средств уже несколько лет как было затеяно проводить пленумы ЦКК совместно с

противоуставно. Новый председатель ЦКК назначается тем же пленумом из числа лиц, которые не были съездом избраны даже в члены ЦКК! Это – Орджоникидзе, безусловно ориентирующийся на Сталина. И ближайший же съезд закрепит эту фактическую ликвидацию ЦКК: он уничтожит тот орган в ЦКК, который придавал ей внутреннюю структуру – секретарей Президиума ЦКК. С устранением секретариата эта комиссия из 197 членов при президиуме в 20 членов (не считая кандидатов) делается вовсе неуправляемой как центральная организация; ее отдельные члены привлекаются ЦК и местными парткомитетами в помощь, для “делового сотрудничества”, но самостоятельной роли ЦКК уже играть не может. К тому же на XV съезде вслед за Куйбышевым из ЦКК выводится его правая рука Гусев.

Удар приходится и по объединенной оппозиции: из Политбюро изгоняются Троцкий, Зиновьев, Каменев; из РВС – Лашевич. Вместо трех троек, существовавших два года назад, теперь остаются две группировки, границы между которыми размыты и четко не обозначены: Сталин, Молотов, Ворошилов, Рудзутак – с одной стороны, и Бухарин, Рыков, Томский при пассивном Калининe – с другой. При этом Ворошилов держался так, что Бухарин зачислял его в свои люди. Огромную власть приобрел кандидат Политбюро Угланов; весом был тоже кандидат Петровский – оба бесспорно сторонники Бухарина. Изгнанные отовсюду оппозиционеры в своей отчаянно-безнадежной борьбе идут все дальше и дальше по проторенной еще протопопом Аввакумом дорожке. Они апеллируют уже к беспартийной молодежи, преимущественно студенческой – этой вечно-питательной среде экстремистских поисков справедливости. Оппозиционеров уже ссылают, покамест чаще по партийной линии **назначения** их в отдаленные от их окружения места на приличные посты: Раковского из Украины в Среднюю Азию, Цинцадзе из Грузии в Крым и т.п. Впрочем, кое-кого и в тюрьму сажают, например, освободителя Урала от Колчака Мрачковского. Пользуясь своим революционным опытом и богатыми связями, они нелегально типографски издают листовки и брошюры, но ничего устойчивого создать не могут: в свое время сами Троцкий, Зиновьев, Раковский и иже с ними основательно потрудились, чтобы не только беспартийные, но даже рядовые партийцы не имели бы

пленумами ЦК; нынче это обернулось против восторженно-недальновидного Куйбышева.

возможности повлиять на содержание решений, принимаемых ЦИК, СНК, ЦК или Политбюро; теперь созданный ими аппарат (отвлекаясь от личностей, имея в виду лишь его структуру и функции) бил по ним неотвратимо и измалывающе.

Сталин именно в это время сделал заявку на свою единоличную власть. Как раз в 1926 на одном из банкетов у Кирова он высказал мысль, что Россия не поймет и не примет никакого иного образа правления, кроме единоличного самодержца. Присутствующие либо не поняли, либо притворились пьяными, чтобы не понять, чего хочет Сталин, – обсуждения его намерений не возникло. Он же был слишком труслив, чтобы торопиться. Покамест он только обхаживал Бухарина, толкая его на высокомерное отношение к прочим членам Политбюро: “Ты да я – мы с тобой Гималаи, а прочие ничего не значат”. Но прежде чем углубляться в их взаимоотношения, бросим взгляд на лежащее на поверхности.

Красочно жестикулируя, объединенная оппозиция неудержимо влеклась к изгнанию из партии. Кое-кто, правда, отошел от нее (Крупская, Сокольников), кое-кто покончил с собой (Иоффе), но общая картина от того не менялась. И в десятую годовщину Октября после уличных демонстраций, разгоняемых милицией, из ВКП(б) были исключены сто с лишним человек (считая только исключенных на съезде) – почти все с многолетним дореволюционным стажем, люди, в Октябре занимавшие ключевые посты революции, люди, прославленные гражданской войной. Было ясно, что они не смиряются и не станут в бездействии ожидать лучших времен. Рыков, верный себе, считал, что “население тюрем придется несколько увеличить”, и XV съезд в декабре 1927 встретил этот лозунг аплодисментами. Но прежде, чем развивать политические репрессии, ОГПУ должно было набрать достаточно авторитета: негоже было Менжинскому начинать с процесса над именитыми Троцким или Зиновьевым. Поэтому уже в январе 1927 были приняты новые статьи в Уголовном кодексе, расширяющие перечень политических преступлений (пресловутая статья 58). И было решено, что ОГПУ наберет себе разбег на процессах против классового врага, прежде чем станет бить бывших своих. В качестве такого врага были избраны “вредители” из инженеров¹.

¹ Сначала, в 1926 публично судили Фунтикова, Анненкова и еще кое-кого из “белогвардейцев”, но таких в досягаемости были жалкие единицы.

Слово “инженер” звучало в двадцатые годы столь же презрительно и враждебно, как в пятидесятые – “полицай”. В партийно-рабочих глазах это были бесспорные враги, продавшиеся буржуазии, приставленные ею для догляда за ее бывшим имуществом, дабы в целости вернуть капиталистам после реставрации. Бесспорно, большинство инженеров не любило советскую власть, было бы радо, провались она в тартарары. По своей партийной ориентации они почти все в прошлом примыкали к КДП или РСДРП, а с лета 1917 так или иначе выступали против большевиков (руководствуясь как специально-техническими, так и рационально-гуманными мотивами). В этом смысле объект для избиения был избран Берманом-Ягодой удачно. Вредили ли какие-нибудь инженеры или нет – не знаю, но из стенограмм публичных процессов с очевидностью следует, что во всяком случае осужденные за вредительство ни в каком вредительстве замешаны не были. Дополнительным, но веским мотивом проведения антиинженерных процессов было то, что Рыков смог бы списать на них все неудачи своей хозяйственной политики. А их было немало. Хотя страна жила сытнее, нежели десять или двадцать лет спустя, хотя производство продовольствия и услуг было отменным, все это относилось к крестьянскому или частнособственническому сектору экономики. В огосударственном же секторе свирепствовали безработица, казнокрадство, провал планов. После десяти лет социалистического управления приходилось лишь мечтать достигнуть уровня 1913 года – тогда как все помнили азбучную истину, высказанную как-то вслух Лениным, что главное преимущество социализма перед капитализмом – превосходство в производительности труда, в богатстве и зажиточности. И антиинженерный процесс был необходим, дабы предупредить уже звучащий в воздухе вопрос: в чем же преимущество? Ведь мы свергали Временное правительство за то, что оно во время войны в течение полугода не сумело наладить зажиточной жизни, а теперь вот управляем десять лет – и не лучше?! Только после процесса можно было бы внушительно ответить: да, мы жили бы лучше, уже превзошли бы капиталистов, кабы не презренные вредители, наймиты буржуазии! Поэтому в апреле 1928 на пленуме ЦК Рыков от имени Совнаркома сделал угрожающий доклад “Уроки шахтинского дела вредителей”, хотя суд еще не успел начаться, и в распоряжении Рыкова были только следственные материалы. Но такое нарушение норм правосудия

(нельзя публично клеймить человека до вынесения обвиняющего его приговора суда; нельзя воздействовать на предстоящий суд, высказываясь по существу обвинения от имени правительства) не смущало председателя Совнаркома, как и никого из властвующих в стране; не смущало оно и прокурора Республики Крыленко. Не знаю, сумели ли Крыленко под нарами или Рыков и Ягода в марте 1938 осознать, что они попали под маховик ими же раскрученных репрессий. Инженеры, конечно, все признали и были осуждены кто к расстрелу, кто к тюрьме. В том же 1928 было проведено (наркомом Янсоном) изменение практики вынесения приговоров: краткосрочные лишения свободы исчезли, замененные многолетними заключениями. Боролись ли таким путем с безработицей? Или целенаправленно и методично подготавливали создание страны лагерей?

Перепугались ли изгнанные оппозиционеры тюрьмы или были достаточно уstraшены самим исключением из партии, но с апреля 1928 ЦК и ЦКК были завалены жалобами и просьбами о восстановлении от оппозиционеров: начиная с Зиновьева и Каменева и кончая юнцами, которым едва исполнилось 18 лет. Некоторые, вроде Раковского, Белобородова, М.Окуджавы, упорствовали долго – несколько лет. Иные умерли в ссылках. Иные (иностранным подданные, вроде Андре Нина) были высланы за границу. Из советских граждан был выслан (январь 1929) только сам Троцкий, предвительно сосланный в Алма-Ату.

В партийно-государственной структуре образовался огромный вакуум – вакансии изгнанных. Бюрократия же не терпит пустоты. Бухарин кинулся заполнять вакансии своими сторонниками. Сталин – своими. К этому времени Бухарин уже догадывался, что Сталин слушает его телефон (с присущим ему эгоцентризмом он почему-то возмущался, что именно его). Сталин уже хотел неограниченной власти, и его Бухарин устраивал только как послушный придворный философ, придающий правлению отсвет интеллектуальной утонченности. Бухарину же Сталин был вовсе не нужен: работу руководства аппаратом может выполнить и другой, например, Угланов (уже третий год секретарь ЦК и кандидат Политбюро). Вообще на XV съезде¹ Оргбюро в

¹ Историками не исследован эпизод с пленумом ЦК ноября 1927. За чем понадобилось за месяц до XV съезда производить изменение в составе Оргбюро: выведены Квиринг и Шверник и введены трое:

большинстве своем составилось из клиентов Бухарина-Рыкова, а не сталинских. В избранном на этом же съезде Политбюро Сталин бесспорно может положиться только на двоих: Молотова и Рудзутака. Группа же Бухарина-Рыкова-Томского рассчитывает на Ворошилова, Калинина, Куйбышева (его на XV съезде избрали-таки в Политбюро, загладив тем неприличие с ЦКК). Калинин – бесспорно свой. Ворошилов жалуется Бухарину, что душой он с ним, да вот Сталин его шантажирует.

Поэтому Бухарин начинает наступление против Сталина.

Повторяю, столкновение между “двумя четверками” сделалось объективно неизбежным. Повод, форма, инициатива, идеологическое обрамление – предоставлялись воле случая. Но столь разбухшие органы центральной власти¹, состоящие из активных мужчин в лучшем возрасте (средний – 41 год), при отчетливой двухцентральной ориентации – не могли бы долго работать без раскола, если только они не объединены общей опасностью. Еще если бы Угланов покорился вполне, согласившись стать ниже Молотова, то тогда возникла бы “упорядоченная тройка” Сталин, Молотов, Угланов из тех трех лиц, которые одновременно входили в Политбюро, Оргбюро и Секретариат. Но он, вроде бы, не хотел изменять Рыкову. И вот наступление начали Бухарин и Рыков. Конечно, Сталин не был незаслуженно обижаемым агнцем. Я представляю, как возмущаются многие читатели этих строк утверждением, что не Сталин “начал дьявольские интриги”; усмотрят тут попытку обелить его. Но таковы факты. Выдержки у Сталина хватало (возможно, это была простая лень или трусость), а кипел и нервничал на 10 лет младший его Бухарин. Конечно, “признаниям” подсудимых на процессах 1936-38 нельзя ни в чем верить буквально, но тем не менее эти признания в извращенной (“превращенной”, как выражался Маркс) форме, в мифологизированном виде отражают реальный факт: противники Сталина сделали попытку его устранить, а он “только защищался” (хотя, конечно, “нарушил пределы необходимой обороны”).

Кубяк, Рухимович и Сулимов. Ни один из этих троих не остался в Оргбюро после 1930. Почему, назначая их, обошли пятерых кандидатов Оргбюро: Лепсе, Михайлова, Уханова, Чаплина и Шмидта? Наконец, почему об этом пленуме умолчали в “ВКП(б) в резолюциях” 1935 года издания?

¹ 17 членов и кандидатов Политбюро, 13 – Оргбюро, 8 – Секретариата. Всего членов и кандидатов ЦК – 121.

На уже упомянутом апрельском 1928 пленуме ЦК, помехивая мечом ОГПУ, Рыков и Бухарин обрушиваются на местных “перегибщиков”, которые омрачили заготовительную хлебную кампанию (местные власти стремились отрапортовать “выполнение плана”, невзирая на неурожай). Пленум принимает резолюцию, сурово одергивающую перегибщиков, и выводит из Оргбюро сталинца Андреева, заменяя его “человеком Угланова” – заведующим орграспредотдела московского обкома Бауманом. Он же назначается кандидатом в секретари ЦК и заводделом ЦК по работе в деревне. Кандидатом в Оргбюро назначается вроде бы сочувствующий Рыкову Антипов. Клиент Томского Шмидт повышается с наркомтруда до зампреда СНК и СТО. Андреев угоняется секретарствовать на Северный Кавказ, так что его кандидатство в Политбюро становится фикцией: он устранен из Москвы.

У меня нет сведений, работал ли уже в это время Бауман на Сталина или переметнулся к нему лишь полгода спустя, когда он уже в открытую выступил против Угланова. В зависимости от ответа на этот вопрос отступление Сталина на апрельском пленуме следует рассматривать как притворное или как реальное. Бухарин же продолжает развивать наступление. Он видит, что Сталин падет с минуты на минуту, что большинство в Политбюро, в ЦК и СНК – на стороне Рыкова. Как политический деятель, обязанный предвидеть последствия своих действий, он беспокоится о том, какие шаги предпримет бывшая объединенная оппозиция Троцкого-Зиновьева-Пятакова и других, когда будет объявлено о снятии Сталина. Ведь они – боролись против Сталина. Не заявят ли они, что снятие Сталина – их победа, и не потребуют ли от бывшего союзника Сталина (Бухарина) неприемлемого? Поэтому в июле Бухарин, получив санкцию Рыкова и Томского, идет на дачу к Каменеву, договорившись через Сокольников, что тот его примет, а не плюнет в рожу. (Собственно, Каменев именно так и поступил, но предварительно отравив слюну.) Бухарин от имени большинства Политбюро пообещал Каменеву не только восстановление в ВКП(б), но восстановление в ЦК и Политбюро, если тот своим и Зиновьева (а еще лучше Троцкого) авторитетом поддержит изгнание Сталина из Политбюро и Секретариата и не выступит против политики Бухарина-Рыкова. Каменев ответил примерно так же, как некогда Маккиавели отвечал Цезарю Борджа, когда тот добивался от

Флоренции заключения союза – искусно сконструированными обтекаемыми фразами. Несмотря на запрет Бухарина, он тут же составил запись разговора и переслал его лютому врагу Бухарина – Троцкому, который в своей среднеазиатской ссылке размножил чуть ли не в восьмистах экземплярах “меморандум” и через верного секретаря Михаила Бодорова, конспиративно работавшего извозчиком, разослал всем своим сторонникам с расчетом, что ОГПУ перехватит хоть несколько копий. Перехватила ЦКК, и под Новый год Орджоникидзе положил на стол Сталину текст, свидетельствующий об интригах “правых”. Лучшего козыря Сталину и не надо. Документированный сговор нескольких членов Политбюро против одного из Политбюро, осуществляемый за пределами Политбюро с привлечением недавно осужденных всей партией оппозиционеров, – чего еще надо для создания атмосферы моральной правоты? Соответствующее постановление ЦК с осуждением Бухарина, кажется, единственное в партийных документах, где употребляется термин “порядочность”.

Сталин не сидит сложа руки. Еще в январе 1928 он, страшно не любивший куда выезжать, отправляется в Сибирь подстрекнуть к активным действиям Сырцова. Сырцов – этот в конце концов изысканный главный герой “Тихого Дона” – еще до революции занимал заметное положение в ростово-нахичеванской организации большевиков. После революции он там же и не раз конфликтует с прямолинейным председателем комитета Жаковым, добиваясь гибкой, скорее иезуитской, нежели насильственной линии при охмурении тамошних меньшевиков, эсеров и вообще казаков. Так, например, внутри казачьего ревкома с номинальным председателем Подтелковым создается “внутренний” тайный ревком во главе с Сырцовым, который и дергает Подтелкова за ниточки. Видимо, прихваченный Молотовым из Ростова Сырцов с 1921 работает в аппарате ЦК, делаясь в 1923 зав агитпропотделом, это один из важнейших отделов в структуре ЦК, так что Сырцов неизменно присутствует на всех заседаниях Секретариата ЦК (с совещательным голосом). В 1926 он вырастает до самостоятельного партийного руководителя всей Сибири. В начале 1928 Сталин вспомнил о нем.

Сталин вспомнил и еще об одном своем помощнике: он призывает с Украины Кагановича. Тому нет еще 35 лет, но сделал он уже очень много. Начав сапожником, этот живой, сообразительный, но малограмотный парень примкнул к

большевикам в 18 лет и работал в Екатеринославе, Киеве, Мелитополе, Юзовке. В 1917 от Саратова попадает на всероссийское совещание военных работников, после чего навсегда закрепляется в списках учраспреда. В дальнейшем он гастролирует уже по директивам сверху. Так, в 1920 под начальством Сокольникова Каганович отправляется в Туркестан. В Ташкенте он занимает все мыслимые посты: предгорсовета, нарком РКИ, член РВС. В 1922 возвращается в Москву и заведует орграспределительным отделом ЦК, т.е. как раз тем, который ведал назначениями и перемещениями ответработников. Он был гением – враги его уточняли: “злым гением партии”. Именно он открыл для ЦК и Сталина деловой талант Бажанова. Он заметил и выдвинул на работу в аппарате Секретариата ЦК и секретариате Сталина таких деятелей, как Щербаков, Ежов, Жданов (первых двух – по Туркестанской комиссии, последнего – через своего брата Михаила, знакомого со Ждановым по работе в Нижегородской области). На XII съезде Лазарь Каганович делается кандидатом ЦК, на XIII – членом ЦК, членом Оргбюро и секретарем ЦК. В 1925 году он послан на Украину генеральным секретарем УКПб, где нужно очистить партию от сторонников Раковского; осенью 1926 делается кандидатом Политбюро. На Украине гнул дуги столь безжалостно, что когда Сталин отозвал его в июле 1928 (заменив Косиором), вся Украина благодарно вздохнула и в знак признательности поддержала Сталина во всех ближайших начинаниях, т.е. в борьбе с Бухариным. Сейчас он возвращен членом Оргбюро и секретарем ЦК. В декабре 1928 он навязан Томскому как зампред ВЦСПС, причем Каганович парализует все действия Томского.

В том же году одним из секретарей Московского комитета (не первым) назначается Молотов, а первым секретарем московского горкома комсомола поставлен зудевший энтузиазмом Косарев. Воспользовавшись трениями между ВСНХ и ВЦСПС, Сталин заискивает перед Куйбышевым:

Как твои дела? Слышал, что Томский собирается обидеть тебя. Злой он человек и не всегда чистоплотный. Мне кажется, что он не прав. Читал твой доклад о рационализации. Доклад подходящий. Чего еще требует от тебя Томский?

Еще через полтора месяца Сталин вслух начинает “борьбу против правого уклона”, не называя никаких лиц пока, напротив, подчеркивает:

...дело тут не в лицах, а в тех условиях, в той обстановке, которые порождают правую опасность в партии...

Ведь нельзя было опорочить признанных вождей партии, ее прославленных всей мощью огосударственной полиграфической промышленности теоретиков, главу правительства и вождя Коминтерна, не провозглашая при этом какую-нибудь политику, не делая вида, будто они-то и мешают проводить эту политику. Времена, когда член Политбюро и председатель Президиума Верховного Совета СССР Подгорный бесследно растворяется и никто не думает ни давать, ни спрашивать объяснений его исчезновению – эти времена еще далеко-далеко в будущем, лишь полвека спустя общество достигнет такой выдающейся стадии монолитной безгласности. Действующее же в конце двадцатых годов поколение вождей – это люди, нуждающиеся в обговаривании, предпочтительно теоретическом, восходящем к Марксу и Ленину, любого политически-значимого события. Сталин был не глуп. Он понимал, что **нужно провозгласить политику**. И он предложил ее.

Правда, сам он выдумать политики не умел, поэтому предложил заимствованную у Троцкого политику, слегка отредактировав ее и пояснив, что Троцкий предлагал такие-то меры в демагогических целях, а партия (Сталин никогда не выражался “я”, но исключительно “партия”) предлагает в интересах рабочего класса.

Политика состояла в индустриализации, т.е. в ликвидации нэпа в области промышленной, замене частного и концессионного капитала государственными предприятиями, массовой вербовке крестьян из деревни в рабочие; проблема рынка для промышленной продукции решалась отказом поисков такого рынка. Если производить потребительские товары, то, действительно, их нужно куда-то сбывать, а при высокой их стоимости и нищете крестьян возникает диспропорция, кризис и разорение промышленности. Если же производить не потребляемую людьми продукцию, так называемые средства производства, то эту продукцию можно не сбывать, не продавать, а распределять по государственным лимитам-заявкам государственным же предприятиям; проблема рынка снимается. И вроде все при деле¹.

¹ Решение, чем-то глубинно родственное фордовскому (см. последний абзац §1): за первичное принимаются потребности серийной технологии, а интересы населения – вторичное. Но из-за демогра-

Впрочем, не все. По-прежнему маячит не уничтоженное крестьянство. К тому же, летом 1928 оно напомнило о себе. Случился некоторый недород. Крестьянство неохотно продавало хлеб. Можно было, конечно, закупить хлеб за границей, как предлагал Бухарин. Но в те годы мысль расходувать валюту, чтобы кормить свой народ, казалась настолько несурзальной, что сам Бухарин на ней не настаивал. Где же взять хлеб, чтобы прокормить город? Покупать у крестьян хлеб по той цене, по которой хочет крестьянин, а продавать его в городе дешевле – это тоже было слишком преждевременным финансовым новшеством. Мысль шла по накатанному руслу: отнять! Возобновить систему продотрядов! Никаких Деникиных и Врангелей в стране нет, эсеры давно ликвидированы, оружия в деревнях нет (это после мировой войны солдаты возвращались в села с пушками и пулеметами), имеется налаженная централизованная система партячек, есть опыт работы ВЧК-ОГПУ, комбедов, продкомиссаров, у крестьян уже есть надежно вбитый страх перед властью – чего же еще надо? Было постановлено обязать крестьян (формулировалось: “кулаков”) продавать столько хлеба, сколько указывала им власть, по твердым ценам, а при отказе – конфисковывать весь наличный хлеб и прочее имущество. Дабы натравить одних крестьян на других, тем крестьянам, которые оказывали помощь в отнятии хлеба (именовались “сельская беднота”), легально дарилось 25% отобранного.

Аппетит приходит во время еды. Начиная эту кампанию, власть сама еще не знала, как далеко сможет зайти. Но в зиму 1929-30 уже началась политика “сплошной коллективизации”, “ликвидации кулачества как класса”. По официальным данным, было раскулачено 6 миллионов семей. Это значит, что в бедной, голодной крестьянской России было найдено 6 миллионов сытых крестьянских семей. А ведь все крестьянское население – включая новорожденных – составляло около 120 миллионов человек. О том, **как** происходило раскулачивание, даже рассказы слушать тяжело. Толпа соседских крестьян под предводительством какого-нибудь рабочего (вспомнили 1918, и рабочих из крупных центров стали командировать “подкормиться” в деревню в виде “двадцатипятитысячников”, уполномоченных наладить колхозы) врывается в дом, обреченный

тичности общества, где действовал Форд, он вынужден считаться и приспособливаться к этим интересам, а тут они игнорируются.

на раскулачивание, растаскивала все, включая сковородки и ложки, главу семьи связанного на телеге увозили в районный город, а семью выгоняли на улицу; избу заколачивали. А завтра громили дом кого-нибудь из сегодняшних громил...

Впрочем, не в “эксцессах” дело. В конце концов формы коллективизации – это вопрос культуры населения. Такими же приемами крестьяне в антоновское восстание громили советские учреждения и жилища советских и партийных работников; почти так поступали они и в других случаях (ср. §16 кн. 1). Разбираясь в становлении современной власти, думаешь о том, что власть **пользовалась** этим бескультурьем, не пресекала эту дикость.

В результате коллективизации было покончено с единоличным хозяйством на деревне. Было покончено с товарной формой хлеба. Хлеб перестал быть продуктом, поставляемым на рынок в условиях конкуренции. Более того, хлеб – продукт труда – перестал принадлежать тому, кто его производит; он весь, за исключением семенного фонда, некоторой доли колхозникам на прокорм и т.п. стал отдаваться государству и только государству. Формы сдачи его государству позже несколько менялись, но существо не переменялось.

Коллективизация, разумеется, не решила проблемы хлебного голода в городах¹. До 1935 существовали хлебные карточки. Но зато коллективизация облегчила проблему управления сельским хозяйством и крестьянством (ср. с крестьянской общиной). Теперь единственным **ответственным** за успех-провал ведения хозяйства в колхозе делалось правление колхоза, формально избираемое общим собранием колхозников. Но на самом деле ни одного решения правление не могло принять без санкции районного управления хлебозаготовок, районного комитета ВКП(б) и т.п. Ни о каких выборах самостоятельного председателя колхоза или правления не могло быть и речи; как правило, председателя присылали со стороны. В этих условиях власть могла продиктовать все, что хотела, но ответственности никакой не несла. В сельском хозяйстве наступила эра управления некомпетентных безответственных людей.

Были продуманы и административные меры, препятствовавшие бегству из этого царства принудительного коллективного труда. Как раз в 1930 введено “Положение о паспортах”. Каждый гражданин СССР обязан иметь при себе всегда пас-

¹ И не только хлебного. Из-за отсутствия мяса в 1932-36 велась пропаганда горожанам разводить кроликов. Разумеется, лопнуло.

порт. Паспорт выдавался только городским жителям. Крестьянам не выдавался. Поэтому, убежав из деревни, крестьянин оказывался в положении травимого дикого зверя: его всюду могут схватить как беспаспортного. Более того, без паспорта его не пустят жить никуда в город: для жительства в городе следует прописаться в милиции, за укрывательство непрописанных полагаются строгие административные кары. Без паспорта его не возьмут никуда на работу. Даже в другой, более богатый колхоз он не может переселиться. Какой бы то ни было выход из колхоза, отъезд из деревни возможен только по разрешению правления, по справке из сельсовета. И горе тому правлению, которое дает слишком много таких разрешений.

Правда, были два механизма, которые давали возможность молодежи ускользнуть из колхоза. Первый – призыв в армию. Еще Троцкий настаивал на сохранении всеобщей воинской повинности в мирное время, объясняя, что армия дает правильную идейную закалку. Поэтому молодежь из деревень призывалась подряд; из армии же можно было идти, куда хочешь. В колхозы редко возвращались. Другой путь тоже был открыт только для здоровых мужиков: организованный набор (“вербовка”) рабочих в промышленность, нечто вроде командировки крепостных на фабрики. Оттуда тоже не возвращались. Эти два механизма работали на то, что в колхозах сосредоточивались женщины, старики, больные, увечные. Но социальные последствия этого сказались через десятилетия.

В городах интенсивно добивали уцелевших нэпманов. Я не стану подробно описывать процедуры добывания: есть блестящий “Мастер и Маргарита”, есть насыщенный фактами “Архипелаг Гулаг”. Самая стандартная процедура состояла в том, что **после** уплаты причитающегося налога налогоплательщика обязывали уплатить **дополнительную повышенную сумму налога** и т.д., пока он не разорился или пока своими выкриками в адрес властей не подпадал под компетенцию ОГПУ¹.

Формы хозяйственной жизни существенно упрощались. Вместо многообразия различных видов предприятий, различных форм собственности, системы налогообложения, налоговых льгот и взысканий, вводилось нечто простое, удобное для

¹ В документированной книге “Ликвидация кулачества как класса” М., 1970, сообщается про закон, согласно которому налоги на кулака должны быть выше дохода этого кулака. При этом запрещалось самораскулачивание.

канцелярского функционирования. Еще Дзержинский, будучи назначен на пост председателя Высовнархоза, сетовал, что ему приходится на подпись и для осведомления слишком много бумаг. Надобно сделать так – поучал он своих подчиненных по ВСНХ, в основном культурных инженеров-беспартийных и меньшевиков, – чтобы начальнику ежедневно приходила только одна, короткая всеохватывающая бумага. Чтобы он мог подписать ее и быть свободным для выработки политического курса. И вот этакий угрюм-бурчеевский бред приспособления живой жизни естественно развивающейся целой страны удобствам канцелярского управления заверил Орджоникидзе. В частности, он упростил налоговую систему, сведя ее к двум налогам: подоходному налогу и косвенному налогу. Первый состоит в отчислении определенного процента дохода (независимо от расходов и их структуры, от источников дохода, от структуры семьи и т.п.). Второй состоит в обложении налогом **всех** потребительских товаров. Ставки этого налога, называемого “налог с оборота”, определяются произвольно министерством (простите, в то время “наркоматом”) финансов, никакой законодательный орган их не утверждает. Они определяются из потребности сбалансировать находящиеся на руках наличные деньги и товары, имеющиеся у государства в продаже. Эти ставки включаются – без афиширования их – в продажные цены товаров. Скажем, если цена килограмма сахара, с учетом всех издержек, трудовых и транспортных, с учетом нормы прибыли и потребностей развития народного хозяйства равна пяти копейкам, то к ней добавляется косвенный налог в размере девяноста пяти копеек, и продается потребителю сахар по цене рубль за килограмм.

Оговорка. Не всем. Продукты, продаваемые членам ЦК, членам обкомов и т.п. через “закрытые распределители”, не облагаются косвенными налогами. Поэтому они там существенно дешевле. Этот трюк был придуман для того, чтобы обойти постановления о “партмаксимуме”, навязанные партии рабочей оппозицией: запрещалось, чтобы член партии получал зарплату, большую определенного максимума. Освобождением от косвенного налога удавалось и невинность соблюсти, и капитал приобрести. Ведь ставки косвенного налога весьма широки, приблизительно на все товары, как в примере с сахаром; меньше 50% не бывает.

Конечно, еще до революции большевики, как и все социалисты во всем мире, требовали отмены косвенных налогов,

потому что косвенные налоги бьют по бедным сильнее, чем по богатым: ими облагается то, что человек может съесть, что может надеть, а это примерно одинаково для бедного и богатого. Следовательно, изымается одна и та же сумма, но отнятая от немногого у бедняка, она значительно больше, нежели отнятая от многого у богача. Юридически говоря, введение “налога с оборота” противоречило пункту 16 программы партии, действовавшей в те годы. Но уж с такой ерундой, конечно, никто считаться не собирался.

Реорганизация налоговой системы знаменовала собой крушение планов укрепить рубль на золотой основе – как предполагалось в начале нэпа. Сделать рубль конкурентоспособным на мировом рынке, т.е. обеспечить свободный обмен на золотую валюту – не удалось. Приходилось строить замкнутую в себе, вырванную из системы мирового хозяйства экономику. Цены – будь то без или с налогом с оборота – оказывались ничему не соответствующими. Точнее, если цены на товары в мировой системе так или иначе отражали достигнутый в мире технический прогресс, отражали те необходимые сырьевые, трудовые, научные и организационные затраты, которые соответствовали передовой технике, то цены на те же товары в СССР отражали либо (в лучшем случае) те же затраты, но в соответствии с наличной в СССР техникой, либо же отражали канцелярский волюнтаризм. Известно, что механизм ценообразования – один из факторов технического прогресса, ибо заставляет с неизбежностью вводить технические усовершенствования, преодолевая барьер начальных вложений. Выключение СССР из этого механизма привело к тому, что в 1955 Булганин смог представить членам ЦК “выставку нашей технической отсталости”.

Отсутствие золота у правительства привело к новому ограблению населения: сажали “за золото”. Сначала открыли магазины торговли с иностранцами – торгсины – где продавали только на валюту или золото. ОГПУ-НКВД следила за русскими посетителями этих магазинов (а только в них бывали некоторые редкие в СССР, хотя и не редкие в царской России продукты), потом брала такого покупателя, сажала его (точнее, ставила, ибо в камерах запрещалось садиться или ложиться, только стоять по стойке смирно от подъема до отбоя), не предъявляя никакого обвинения, и держала до тех пор, покамест тот не соглашался отдать все имеющееся у него золото или валюту государству. Тогда его выпускали; за судимость

или пребывание под следствием время нахождения в тюрьме не засчитывали.

Еще одним последствием ликвидации нэпа оказалась полная неразвитость в СССР сферы услуг. Эта гибкая отрасль производства (как правило, состоящая из предприятий, где работают 2-3 человека, чаще всего члены одной семьи, работают на свой страх и риск) не переносит “накладных расходов”. Развивать ее сверху, канцелярски-административными методами просто невозможно, тем более, что наверху господствовало мнение, что советские люди – не баре, и без услуг перебьются. Как только было ликвидировано частное предпринимательство, стало трудно разрешимой проблемой сходить в парикмахерскую, починить сапоги, сделать дома ремонт, переночевать в чужом городе и многое другое.

Разумеется, жизнь приспосабливается ко всему. И писатели поохатывали в “Золотом теленке” над тем, что обладатель миллиона не имеет возможности потратить его в СССР. И крестьяне – не высланные в Сибирь или на Беломорканал, не умершие в солдатском оцеплении на Украине и на Дону-Кубани в 1933 – приспосабливались жить. Еще за 10 лет до того Зиновьев жаловался, что рабочие государственных заводов, видя отсутствие навару от власти, приспособились ночами работать на частного подрядчика, который им платит едой, а днем приходят на государственную фабрику отсыпаться. Так и колхозники приспособились ковыряться еле-еле, лишь бы начальство не цеплялось, на общем колхозном поле, вкладывая все старания в собственный приусадебный участок. И беззастенчиво начали воровать все государственное. “Несуны” появились именно тогда. “Унести”, “достать” перестало ассоциироваться с заповедью “не укради”. Ибо “казенное” – не личное. Ибо надо же было хоть как-то прокормиться. Поистине, заводы, фабрики, колхозы стали всенародным достоянием – в том смысле, что всякий воровал оттуда все, что только мог, когда только мог. Это, конечно, возвращалось ударом по той же экономике. И Сталин сформулировал классовое обоснование:

Мы утвердили во всех сферах народного хозяйства принцип социализма, изгнав оттуда капиталистические элементы... Это привело к тому, что оказались вышибленными из колеи последние остатки умирающих классов: частные промышленники и челядь их, частные торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие офицеры и урядники, бывшие

полицейские и жандармы, всякого рода буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы.

Будучи вышибленными из колеи и разбросавшись по лицу всего СССР, эти бывшие люди расплозились по нашим заводам и фабрикам, по нашим учреждениям и торговым организациям, по предприятиям железнодорожного и водного транспорта и главным образом – по колхозам и совхозам...

Главное в “деятельности” этих бывших людей состоит в том, что они организуют массовое воровство и хищение государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности. Воровство и хищение на фабриках и заводах, воровство и хищение железнодорожных грузов, воровство и хищение в складах и торговых предприятиях, – особенно воровство и хищение в совхозах и колхозах, – такова основная форма “деятельности” этих бывших людей.

И в этом своем “обосновании” Сталин лишь руководствовался великим примером гениального политика Ленина. Тот ведь тоже, узнав, что Кронштадтское восстание не подавляется сразу, стал кричать, повторяя и повторяя, будто восстание это организовано царскими генералами (используя тот факт, что начальник артиллерии бывший генерал Козловский, назначенный в Кронштадт советской властью как военспец, остался на том же посту и тогда, когда кронштадтцы прогнали коммунистов), что в нем, бесспорно, видна рука Антанты и т.п. Еще в январе 1918 ВЧК, наткнувшись на демонстрацию дворников, разогнало ее и назвало демонстрацией бывших жандармов, переодетых дворниками. Сталин лишь развивал традицию.

Борьба 1928 была напряженной, и заранее победа Сталина была отнюдь не очевидна. Угланов, пользуясь всем аппаратом московской власти, вел яростную пропаганду против сталинцев-загибщиков. Клиенты Бухарина из Института красной профессуры с марксистской пеной на устах отстаивали великое учение своего шефа и в прессе, и на собраниях. “Ленинградская правда” активно поддерживала бухаринцев, но позже Киров от этого откестился, переложив все на П.Г.Петровского, ее главного редактора. В том же Ленинграде заводделом печати и агитпропа Стецкий поносил левые загибы сталинцев, также несколько месяцев спустя перебежав на сторону Сталина. Но осуществленный Бауманом переворот в московской организации решил исход сражения. Он подстроил серию нелегальных – вопреки прямому запрету первого секретаря московского комитета Угланова – собраний партийцев

неопределенного кворума¹ на заводах, вузах и в райкомах. Собравшиеся, кидаясь, как с головой, в бурную реку, игнорировали распоряжения своего прямого начальства, выносили пламенную резолюцию, осуждающую правый уклон и зажим большевистской самокритики, выразившийся в запрете данного собрания. Хотя, вроде бы, Угланов разгонял такие собрания, как пару лет назад троцкистские и оппозиционные, резолюции сих сборищ принимались Секретариатом ЦК как полноценные резолюции законных партийных собраний. Словом, люди Угланова были “переизбраны” повсюду, а в апреле 1929 он сам снят со всех своих постов, включая кандидатство Политбюро, и на всех этих постах заменен Бауманом. Еще в марте 1929 с генсека комсомола и кандидата Оргбюро снимается Чаплин, заменяемый всюду Косаревым (Косарев всего на год моложе Чаплина, ему 26 лет); Чаплин направляется “на учебу”, а потом “под Андреева” на Северный Кавказ. Полгода спустя Угланов покался, но это ему не помогло. В 1930 на XVI съезде он не переизбран в ЦК, а в 1938 даже исключен из ВКП(б). Было в нем какое-то упорство, сделавшее его непригодным материалом для следователя: арестованный в 1936, он не мог быть выпущен на публичный процесс, а умер в лагере в 1940.

По московской организации прокатилась сокрушительная чистка, и ленинградцы, уstraшенные перспективой повторения того, что с ними было три года назад при чистке зиновьевцев, дрогнули, и Киров перестал поддерживать Бухарина-Рыкова. Внутренне же Киров остался верен правому уклону: несмотря на то, что 1930 год был провозглашен “годом **сплошной** коллективизации”, по ленинградской области на 1 января 1931 года было коллективизировано только шесть и шесть десятых процента крестьянских хозяйств. На 1 января 1933 – меньше пятидесяти. К дате смерти Кирова это число едва возросло до 80%. В июне 1929 кандидатом Политбюро и пред СНК РСФСР делается Сырцов. В октябре из РВС СССР и из Оргбюро выводится Бубнов, заменяемый Гамарником, который, как бы для напоминания Ворошилову, полгода спустя становится зампредом РВС взамен Уншлихта. В октябре 1929 кончает самоубийством бывший член Оргбюро Лепсе, а в ноябре возвращается с Урала в кандидаты Оргбюро

¹ Структуралистски этот переворот – последний образчик того, что происходило при созыве II съезда РСДРП, Пражской конференции, II Съезда Советов – делегаты с сомнительными мандатами дают полномочия квазизаконному центральному руководству.

Шверник и из членов Политбюро выбрасывается Бухарин, покрасовавшийся в вождях всего пять лет. В начале 1930 Томский заменен на посту пред ВЦСПС Шверником. Правые разгромлены полностью.

Но эта победа принесла Сталину лишь беспокойство, породив две проблемы: Баумана и Сырцова.

Вырвавшись на поверхность, Бауман решил прославиться на всех поприщах. Он одновременно проводил зубодробительную коллективизацию (как заведомо сельского хозяйства ЦК) и реконструкцию Москвы (как ее первый секретарь). Будучи латышом, он не питал симпатии ни к русскому крестьянину, ни к православной церкви, ни к архитектуре старой Москвы; ее “церквей и колоколен, садов, чертогов полукруг” был ему “до лампочки”. Правда, за отпущенный ему год с небольшим владычества он не то, что построить новой Москвы, – даже снести старой не успел; вырубать Садовое кольцо до последнего деревца досталось Булганину, а взрывать Храм Христа-Спасителя – Михайлову. Основать в Москве автомобильный завод он тоже не успел: Жданов не позволил лишиться свою епархию (Нижний Новгород) такого солидного преимущества. Но зато вместе с Яковлевым и Сырцовым Бауман приналег на коллективизацию и взметнул очередную волну гонений на священников. Когда отрицательные последствия коллективизации стали ясны даже в Кремле, Сталин выпустил свое пресловутое “Головокружение от успехов”, чем приуныл и коллективизацию, и антицерковную кампанию¹, а Бауману было предложено поехать наблюдать за хлопкоуборочной кампанией в Среднюю Азию². Год спустя ему даже нашли там же постоянное занятие: сделали первым секретарем среднеазиатского бюро ЦК взамен Зеленского³. Лишь в 1934 Бауману позволили вернуться в Москву – после подхалимской речи на XVII съезде. Он снова стал членом ЦК

¹ Ради последнего местоблюститель патриаршего престола Сергей согласился покривить душой и публично заявить, будто в СССР никогда **не было** гонений на церковь. Посаженных священников выпустили частично.

² Примечательно, что хотя сняли Баумана в марте, на XVI съезде в июне его, словно ничего не случилось, распубликовали кандидатом Политбюро, секретарем и членом Оргбюро.

³ Также достойная изучения фигура. Избранный на XIII съезде членом Оргбюро и только ставший I секретарем Москвы – он внезапно усылается в Среднюю Азию, т.к. обнаружилось, что до революции его брат работал в самарской охранке (расстрелян).

и даже заводделом науки (взамен Кедрова), на каковой работе перевез Академию Наук из Ленинграда в Москву. Ликвидирован в 1937, без точной даты.

Если Бауман – образец списывания ошибок на ретивость подчиненного, то дело Сырцова гораздо неувимее. Родилось же оно из-за освобождающейся вакансии пред Совнаркома. После того, как в октябре 1929 публично Рыкову было “вынесено предупреждение”, ясно стало, что на посту пред СНК СССР он не задержится. Надо заменить его – но кем и как? Перед Сталиным стояла задача найти такого председателя СНК, при котором этот пост сделался бы второстепенным сравнительно с постом генсека. При Ленине власть генсека была вторичной, явно подчиненной власти Ленина – Совнаркома. При Рыкове она стала параллельной властью, так что власть в стране оказалась разделенной. Наступала пора сделать власть генсека единственной властью в стране, превратив власть пред Совнаркома во вторичную, проистекающую из благодати генсека. Бауман – политически абсолютно ничтожная фигура – превосходно подходил к этой роли. Но его пришлось убрать. К тому же удобнее, если бы на этом посту значился русский. Естественно напрашивалась кандидатура Куйбышева: председатель ВСНХ, зампред СНК и СТО. Именно он на XVI съезде делал тот доклад, который подобает деятелю, назначенному главой правительства, занятого решением экономических задач (шла первая пятилетка). Но его кандидатура была чревата политическими осложнениями: это самостоятельный политик, вождь с авторитетом, не зависящим от службы в Оргбюро. Назначь его – и власть опять окажется разделенной между СНК и Секретариатом. Конечно, не так, как при Рыкове: Куйбышева легче обдурить, да и учен он уже своим падением в 1926. Но все равно спокойствия не будет, за ним не будешь, как за каменной стеной, огражден от всех текущих треволнений. Вот почему с назначением тянулось и тянулось, а тем временем на XVI съезде Рыков был вновь избран в Политбюро, ибо ведь неприлично же главе правительства не входить в Политбюро, не пользоваться политическим доверием правящей партии.

Следовательно, у Сырцова, занимавшего пост пред СНК РСФСР, оставалась возможность повыситься до пред СНК СССР. И, возможно, Сталин назначил бы Сырцова. Но тут, с одной стороны, вмешался Молотов, которому не улыбалась перспектива ходить вторым секретарем Москвы под первым –

Кагановичем (сменившим Баумана). С другой – у Сырцова появились собственные планы. Они были основаны на конъюнктурной растерянности.

Конъюнктурная растерянность состояла в провале затеи с мгновенной коллективизацией. Было бы очень естественно, если бы появился новый руководитель, не слишком связанный с прежним центральным руководством, который бы развил тему “головокружения от успехов” и спустил бы коллективизацию на тормозах, а с ней вместе и самого Сталина, ибо все понимали, что не в Баумане дело. В то же время ни в коем случае нельзя было реабилитировать правый уклон как таковой, ибо тогда не за что выгонять популярного Рыкова из СНК. Словом – “партия была всегда права”, а вот вождей прежних попросим-ка мы подвинуться! Сырцов и не будет ссориться с Куйбышевым из-за поста пред СНК: он отдаст этот пост ему, а сам сядет в генсековский кабинет¹! При таком анализе не так уж нелеп ярлык, позже данный клиентеле Сырцова: “право-левацкий уклон”. Уж не знаю, продал ли Сырцова кто из его клиентов, сам ли Куйбышев дал понять, Молотов ли развил кипучую деятельность, агентура Ежова донесла ли. Но уже с сентября начинаются проработки клиентов Сырцова, в ноябре его исключают из кандидатов Политбюро и членов ЦК (вместе с членом президиума ЦКК Ломинадзе и бывшим вождем Коминтерна Молодежи Шацкиным). В конце декабря Рыков снимается с пред СНК и выводится из Политбюро, на пост пред СНК и СТО СССР назначается Молотов, освобождаемый, однако, при этом от секретарских и оргбюрошных обязанностей. Шмидт снимается с зампредов СНК и СТО и делается зам наркомзема. Куйбышева снимают с пред ВСНХ и назначают пред Госплана вместо Кржижановского – явно не политического, а чисто технического деятеля, даже не члена и не кандидата ЦК. Впрочем, сам Куйбышев остается членом Политбюро². Перестраивается и ЦКК: тот же пленум снимает Орджоникидзе и назначает председателем ЦКК Андреева, отнюдь не члена ЦКК; это, конечно, противоставно, но уже не ново. Орджоникидзе взамен Куйбышева становится пред ВСНХ, а также вводится в члены Политбюро.

¹ Характерно, что некоторые обвинения, предъявленные Сырцову, нацелены посорить его с Куйбышевым: он, де, хаял заводы, построенные по задумке Куйбышева!

² Этот прием – назначать членов Политбюро, подверженных опале, на малозначащие посты, ничем дополнительно их не пороча – получил заметное развитие в послевоенные годы.

В выходящем в середине января 1931 издании stenotchetov XVI съезда снимаются аплодисменты Куйбышеву, как и Сырцову (при их появлении в президиуме съезда).

Власть установилась. Стабильная, на четверть века. Но об этой власти – в следующем параграфе.

Совсем бегло пару слов еще о литературе. На литературе сильнее отразилась не ликвидация нэпа, а изгнание Троцкого и др. из партии. Дело в том, что до 1927 руководство цензурными учреждениями, главреперткомом и т.п. влияние партии на литературную политику осуществлялось родственниками и близкими друзьями Троцкого и Каменева. Они, конечно, были людьми пристрастными и не давали в литературе проявляться ни меньшевикам, ни эсерам, ни злобным пасквилям вроде “Мы” бывшего большевика Замятина. Однако свою партийную историю они отражали более или менее прилично (вечный памятник Каменеву – комментарии и справочный аппарат ко II и III изданию собраний сочинений Ленина; это бесценный источник для историка, уже на XVIII съезде эти комментарии именовались “вредительскими”), допускали даже публикации явных белогвардейцев с соответствующими комментариями, ибо **были уверены в силе и духовном преимуществе** Советской власти перед явной белогвардейщиной. В области же художественной литературы у них не было единого вкуса и они допускали существование различных поэтических, литературных, театральных направлений, школ, группировок. В 1928 была проведена чистка всех этих направляющих и цензурирующих органов; общее руководство ими было возложено на Бухарина. Конечно, он был светлый гений сравнительно с заменившим его в 1934 Щербаковым или, скажем, со Ждановым. Но он решительно изменил ход литературной и историографической жизни. Особенно диким стало его руководство, когда его самого начали травить, и он принимал свои директивные шаги не потому, что так считал нужным, а потому, что надеялся, что так понравится Кобе. Литературные группировки – опять же независимые организации – начали сокращаться, покамест в 1934 на Первом съезде писателей все писатели не были слиты в единую организацию. Цензура ужесточалась. Писатели, попавшие в черный список, обрекались на пожизненное молчание. И все большее число писателей приучалось писать по заказу, писать неправду. Был провозглашен “социалистический реализм”: писать не о том, что есть, а о том, что “должно” быть.

ЛИТЕРАТУРА

Биографии вождей.

“Бюллетень оппозиции”, 1929-1940.

М.Булгаков. “Мастер и Маргарита” – полное, не журнальное издание.

“ВКП(б) в резолюциях”. “Ликвидация кулачества как класса”, М., 1970.

Пильняк. “Повесть непогашенной луны”, “Новый мир”, 1926.

“Стенографический отчет о процессе Савинкова”, издание НКВД, 1925.

Сталин. Собрание сочинений.

Стенограммы съездов и конференций ВКП.

А.П.Смирнов. “Экономическое содержание налога с оборота”, 1963.

Солженицын. “Архипелаг Гулаг”.

“Орджоникидзе” – в серии Жизнь Замечательных Людей.

§ 4. Тридцать седьмой год

Единоличная власть Сталина; его канцелярия, упрощение госструктуры; российские народные традиции; об уголовной репрессии вообще; процессы инженеров 1930-31; провал репрессий в 1932; XVII съезд и усиление Куйбышева-Кирова; убийство Кирова, первый процесс Зиновьева и смерть Куйбышева; персональные изменения весны 1935 года; шестипалая неправда; убийство Горького; второй процесс Зиновьева и смерть Томского; процесс Пятакова и смерть Орджоникидзе; февральско-мартовский пленум 1937; процесс Бухарина; отстранение Ежова и малая реабилитация Берия; амбивалентность ежовщины; психология вредительства.

Юбилейные торжества декабря 1929 по поводу пятидесятилетия Сталина словно символизировали наступление эры его единоличного правления – на четверть века. “Единоличное правление” не означает отнюдь, будто бы все (или хотя бы все государственно-важные) мероприятия в СССР проводились по плану, замыслу-побуждению Сталина или хотя бы с его санкции или только ведома. Не означает это также, будто бы под Сталина не было подкопов, будто его

власти ничто не угрожало. Нет, “единоличное правление” означает лишь то, что никакое прямое или явное противодействие воле Сталина стало невозможным. Более того, всякий – политик ли, рядовой ли гражданин – теперь сознавал, что если в своем поведении он выйдет на стадию прямого или явного противодействия воле Сталина, то будет обречен на сокрушительный неуспех; напротив, если удастся расположить волю Сталина к себе, то увенчается триумфом.

За время правления Сталина формировалась государственная структура и кадровый аппарат, национальная экономика, общественная мораль и идеология. Некоторые из структурных перемен выглядят разительными, но совершились они неприметно, исподволь; к ним относится, например, процент евреев на руководящих должностях в середине двадцатых годов и середине пятидесятых. Или же описания быта страны, сделанные в тех же двадцатых годах Эренбургом (“В Проточном переулке”) либо Ильфом и Петровым, – совершенно неузнаваемы в середине пятидесятых годов. Обратно, быт, описанный Абрамовым в “Две зимы и одно лето”, выглядел бы как совершенно непредставимый, немыслимый для всех деятелей двадцатых годов; автор был бы расценен как куда более злостный клеветник, нежели Замятин. Были и яркие события в правлении Сталина: тридцать седьмой год, вторая мировая война и абортированный погром начала пятидесятых годов.

Как и все происходившее при участии Сталина в описываемый период, тридцать седьмой год имеет, так сказать, четыре источника и четыре составные части: личность (темперамент) Джугашвили, организация дела в канцелярии Сталина, механизм полицейско-политического функционирования в государстве, народные традиции и характер правящей нации.

О личности Джугашвили уже было (§2) сказано: ленивый, трусливый, злобно-завистливый, с комплексом неполноценности, упорно-неотступный в достижении цели, умеющий выбирать себе подчиненных. Не было у Сталина лояльности по отношению к членам ЦК и вообще партии¹: он их скорее ненавидел, и уж во всяком случае не испытывал к ним братских чувств. То обстоятельство, что его жена умерла (или покончила с собой, или даже была убита им же) в 1931, не улучшило его характера, лишив его последнего средства самоограничения.

¹ Любопытно, что, кажется, комплекс лояльности был у Сталина по отношению к Думской фракции РСДРПб.

Соответственно и свою канцелярию он формировал из людей, не связанных никакой дореволюционной традицией, не имевших корней в партийных кругах¹. Секретарей он заводит себе не для развлечения, а для дела, поэтому, в отличие от Ленина, у него ни одной женщины в секретариате. Став генсеком, в 1922 он берет к себе Мехлиса. Тот всего на 10 лет моложе его, но к большевикам примкнул только в свои почти 30 лет – в 1918. До того Мехлис – член социалистической партии. Кстати, Мехлис не дожил всего один месяц до смерти Сталина, всегда до 1952 пользовался его покровительством, и его примером лучше всего опровергаются домыслы о якобы присущем Сталину антисемитизме. Мехлис прекрасно удовлетворял Сталина и пользовался непререкаемым авторитетом в канцелярии Сталина все двадцатые годы. В конце их он командирован в Институт красной профессуры для наблюдения изнутри за степенью влиятельности Бухарина и для коллекционирования недовольных Бухариным и обмолвок Бухарина и его клиентов. В разгар борьбы против главного редактора “Правды” Бухарина Мехлис назначается в апреле 1929 ответственным секретарем “Правды”, т.е. ее главным цензором. На следующий год он заканчивает ИКП и назначается редактором “Правды”, выходя до некоторой степени на самостоятельную политическую арену.

Первый “помощник генерального секретаря” был назначен 9 августа 1923. Это был Бажанов. На 21 год моложе Сталина, в ВКП(б) к этому моменту состоит всего 4 года, так что подобно Мехлису ни к каким дореволюционным традициям не причастен². Показав себя первоклассным работником, он с января 1922 быстро продвинулся от “приходящего” работника в подотделе учета местного опыта отдела орграспреда (у Кагановича) через секретаря редакции “Известия ЦК” (у Молотова) до секретаря Оргбюро и помощника генсека. Довольно быстро он осознал всю пустоту, безнравственность и безыдейность своих хозяев и мог бы стать первоклассным Клеточниковым – да не было за стенами его службы “Народной Воли”! Он же положил несколько лет своей жизни на то, чтобы уйти

¹ Товстуху считать не приходится: он появился у Сталина еще в наркомнаде, когда не было выбора; уволен рано; на формирование секретариата влияния не оказал.

² В частности, впитал со слов молотовско-сталинской канцелярии все их рассказы об отношениях Ленина и Троцкого, которые и повторил в своих мемуарах как 100%-ную истину.

живым из этого змеиного гнезда; это ему удалось в начале 1928, и ко времени описываемых событий он никакого участия в них не принимал. Пример его рельефно показывает, как легко хоть сколько-нибудь инициативный деятель сталинской канцелярии мог выдвинуться и приобрести неограниченную власть. Его измена должна была травмировать Сталина, усилить присущую ему подозрительность, особенно из-за некоторых нюансов, допущенных Бажановым в первой редакции своих мемуаров. Возможно, именно с этих пор Сталин в кадровых вопросах стал руководствоваться принципом: не допускать, чтобы в одном и том же ведомстве (скажем, зав и его зам) работали друзья. Нет, там должны быть только враждующие между собой лица: они не сговорятся друг с другом, а скорее донесут один на другого.

Уже при Бажанове в личном секретариате Сталина выдвинулся Ежов. Он также не имел дореволюционного партийного прошлого. По профессии это чертежник (на сибирских заводах). Утверждают еще, будто он был мальчиком на побегушках у Шляпникова. К 1917, когда, согласно официальной биографии, он вступил в РСДРПб, ему было 22 года. По устным рассказам Р.Г.Боннэр-Алихановой, Ежов был никем до февраля 1918, когда молодой парнишка организовал какой-то отряд для отпора немцам, из-за чего стал лично известен Ленину, чем и началась его карьера. Достоверно, что он воевал на Восточном фронте в мелких чинах, а по окончании гражданской войны осел в завоеванной Семипалатинской губернии секретарем губкома, не первым; потом переместился в киргизский (=казахский) губком. По-видимому, там-то его заметил Каганович, когда ездил в составе Туркестанской комиссии. Этим, а не воспетыми Джамбулом подвигами Ежова в борьбе с баями, скорее всего объясняется перемещение его в Москву, где он сразу же попадает в аппарат ЦК, и уже в 1927 он не менее чем замзав отдела. В декабре 1929 он был смещен Маленковым на посту начальника сектора кадрами в сталинской канцелярии, а сам получил первый “выход в люди” – заместителем наркомзема РСФСР (для догляда за коллективизацией, видимо). В сентябре 1932 он назначается зав особым секретным отделом ЦК и политическим отделом госбезопасности ЦК, а в апреле 1933 вводится в Центральную комиссию по чистке партии; по-видимому, тогда же кооптируется в ЦК.

Одновременно с Ежовым в той же канцелярии поднимался вверх семью годами младший его удачливый претендент – Маленков. Происходя согласно канонической биографии из семьи служащих, а согласно молве – из семьи оренбургского казачьего полковника, Маленков вступил в РКП(б), когда уже не было сомнений в ее победе – в 1920. Уйдя с эскадроном на фронт, он в силу своей грамотности быстро добрался до службы в Политуправлении туркестанского фронта. Там его мог застать и Каганович. В 1921 он устремляется в Москву учиться и заканчивает МВТУ (совместно с Бажановым). После того попадает на работу в секретариате Сталина – секретарь Политбюро, помощник генсека, сначала наравне с Бажановым, потом сменяя того. Он вовсе не впитал никаких дореволюционных, да, думаю, и вообще коммунистических традиций. Приученный точно выполнять, формулировать и отдавать приказы, он оказался бесценной находкой в секретариате, а отсутствие у него бажановских “нравственных предрассудков” помогло ему там обжиться. Не знаю, ставил ли он перед собою сознательную цель реставрации¹ или просто стремился “сделать все, как дома было”, но это его стремление чудесно наложилось на комплекс-тоску Сталина по “порядку”, которого он был лишен и дома, и в своей бурной жизни. В отличие от Сталина, Маленков был антисемит, но долгое время не давал себе позволения выявить эти чувства перед не русским

¹ В пользу версии **сознательного** стремления к “реставрации” есть два типа аргументов. Во-первых, при нем произошло истребление большевистских кадров; идеология интернационального марксизма сменилась восхвалением российской имперской истории; евреи стали изгоняться с руководящих постов; восстановлены многочисленные атрибуты старого строя (министерства, погоны и т.п.); наконец, придя к власти, он провозгласил производство предметов потребления. Конечно, он мог быть к этому непричастен, и само по себе это ни о чем не свидетельствует, хотя и не противоречит версии о “реставрационном умысле”. Во-вторых, Бажанов пишет, что в аппарате ЦК у него были друзья (не называя их, конечно). И они даже знали про “антикоммунизм” Бажанова. Кто же это? Бажанов дает характеристики всем членам секретариата Сталина – резко отрицательные характеристики, так что это – не друзья. Одному лишь Маленкову он не дает никакой характеристики, а это улика, что Маленков **мог** быть другом Бажанову! При оценке “антикоммунизма” и “реставраторства” Маленкова следует иметь в виду также полную расплывчатость и неопределенность терминов. Ну, вот, он все время “против” и “против”, достиг высшей власти – а дальше что?!

хозяином. На этой почве сдружился с Кировым, может быть, даже искренне. В декабре 1929 Маленков становится начальником сектора кадров в секретариате Сталина, а с 1930 заведует при Кагановиче чем-то в московском комитете – выходит на полусамостоятельный пост. В 1934, видимо, не ужившись с Хрущевым (после 1932 начавшим набирать вес в номенклатуре московского комитета) и не желая ему подчиняться после ухода Кагановича из МК, Маленков возвращается в ЦК заведовать отделом руководящих партийных органов.

Мы не упомянули двух секретарей ЦК, верно служивших Сталину и имевших немалый стаж дореволюционной партийной деятельности: Молотова и Кагановича. Но Молотов никогда не входил в секретариат самого Сталина. Он был секретарем ЦК еще до Сталина, безотносительно к тому. Он подчинялся ему как генсеку, позже верно служил ему, но не как своему персональному хозяину (в этом отличие от Мехлиса, Бажанова, Ежова, Маленкова). Наконец, уже в декабре 1930 Молотов перестал быть секретарем ЦК и членом Оргбюро: ему было доверено проводить через Совнарком решения Сталина, но от аппарата Сталина он был отстранен навсегда. Каганович более лично служил Сталину, хотя начинал свою работу в аппарате ЦК заведомо как подчиненный Молотова. Быстро выдвинувшись в секретари ЦК, он поставлял кадры и непосредственно в секретариат Сталина. На XVII съезде он протаскивал в Оргбюро даже своего брата Моисея Кагановича (одновременно со Ждановым, им же протезируемым). Но с февраля 1935 Каганович также навсегда удаляется из секретарей ЦК и, похоже, никогда больше не влияет на подбор кадров Сталину¹.

Секретариат Сталина имел две функции: обеспечивать четкое исполнение всех указаний Сталина и отгораживать его от неприятной, скучной посторонней информации. Если возникала необходимость Сталину нечто сделать, то секретарь был обязан угадать, как бы поступил Сталин, сделать, не спрашивая мнения Сталина (не беспокоя его), требуемое – от имени Сталина. Если Сталин давал директиву (хотя бы смутную), следовало своевременно отрапортовать о ее точном – не смутном! – исполнении. И здесь мы подходим к двум извеч-

¹ Если не считать злополучной реанимации Кагановича в 1947. Однако, как и Молотов, Каганович все время пользовался беспорным парадным почетом как член Политбюро.

ным недугам, подстерегающим всякое самодержавие: как получать правдивую информацию? как выразить свое желание?

Очевидно, что информация, поставляемая наверх, фильтруется. Возможно, кое-кто из подчиненных злоумышляет. Как узнать правду? Ну, развитием сети агентов, подчиненных НКВД и ОГПУ (Менжинскому) ... да нет, много от этого общегосударственного аппарата, в целом подчиненного то Рыкову, то Молотову, не узнаешь. Ну, развитием спецслужбы, подчиненной непосредственно Ежову, узнаешь больше: она никому, кроме Ежова и Сталина, не отчитывается. А если сам он дурак или враг? Заведем еще одну сеть, которую возглавит земляк Берия. Берия – вполне свой. Он тоже не связан никакими дореволюционными традициями. По-видимому, главным его развлечением было шпионить ради самого риска и преодоления препятствий, безразлично, для какой партии и идеологии. Он прославился этим еще в школе, сперев бумажник у попечителя учебного округа и подкинув его в стол директора, и в том же ключе прожил все свои 54 года. Познакомившись с Микояном через его невесту в 1919, он начал шпионить в Баку и на большевиков. Естественно, что после занятия Грузии войсками Орджоникидзе он делается сначала зампред ГрузЧК, а потом, завоевав доверие Сталина¹ и перепрыгивая через троцкистов Цинцадзе и Окуджаву, достигает пред. ГПУ ЗСФСР. В 1931 он даже переводится на вполне приличную и мирную должность: секретарь Заккрайкома (вскоре – первый), а не какой-то там гешефтлер (гешефтлер). Но опять же: а можно ли вполне довериться Берии?? Как узнать, что у него там на уме? И народная мудрость “что у трезвого на уме, то у пьяного на языке” подсказывает выход: продолжая традиции Ивана IV и Петра I с их “всепьянейшими соборами”, Сталин начал попойки в Политбюро. Это были не карнавального типа оргии (вроде Александра Борджа), как-никак облагороженные все же присутствием женщин; это были чисто казарменные выпивки, где высшим эстетическим наслаждением было глазеть, как собутыльник блюет или как под него подсунули помидор и – брызнуло, а он обтирается! Похоже, что сам Джугашвили не пьянел. Так вот он и общался со своими верными соратниками...

¹ Одна из ниточек прослеживается так: бакинская нефть – Астрахань – Царицын – Сталин. Шпионские донесения из Баку попадали к Сталину непременно.

Всякий человек имеет довольно широкий спектр пожеланий: обязательно, до смерти необходимо; весьма нужно и многое можно отдать за; обязательно в нормальных условиях; хочу; мне хочется; эх, кабы случилось; поблазнилось. У самодержца же неизбежно и очень скоро все эти оттенки сливаются. Ведь его окружение не ждет от него четко и квалифицированно сформулированного волеизъявления. Они угадывают его намерения по лицу, по настроению, по громкости шагов. Поэтому даже там, где сам Сталин никогда не отдал бы приказа “сделать!”, они из опережающего угодничества делали. И он тут был бессилен. Максимум, что он мог сделать – убрать очередного угодника, но не изменить систему. В таких условиях управлять просто очень трудно. И единственным спасением являлось то, что он и не стремился управлять, а передоверял управление то Ежову, то Жданову, то Маленкову, которые все-таки встречали сопротивление, при которых как-то функционировала “обратная связь”, этот неперменный атрибут управления.

Управление же в стране существенно упрощается: ликвидируется политический и хозяйственный плюрализм. В 1932 распускается ВСНХ и соответственно все областные совнархозы, так что хозяйство перестраивается по отраслевому, а не по территориальному признаку; при этом Орджоникидзе из равных Молотову попадает ему в подчинение. С другой стороны, Куйбышев, а за ним Вознесенский, резко поднимают престиж Госплана, чем еще более усугубляется централизация. В 1934 упразднен РВС СССР, переведенный на положение коллегии при наркомате обороны; такое принижение главного военного органа было послано введением маршальских званий и т.п. В том же 1934 расформировывается ЦКК, “вторая голова” партии, хотя давно уже фактически не самостоятельная. В том же году ОГПУ (ВЧК) сливается полностью с НКВД, а на следующий год за ненужностью исчезает СТО – прежде параллельный Совнаркому орган. Эта унифицированная структура государственного управления закрепляется в конституции 1936 года. Впрочем, хотя в этой конституции и сказано, что партия является “руководящей и направляющей силой” государственных органов, в Конституцию не включено ее составной частью Устав ВКП(б), что было бы юридически естественно. Полностью ликвидированы все самостоятельные организации, начиная с акционерных обществ, издательств и кончая “Красным Крестом помощи политзаключенным в

СССР”, “Обществом старых большевиков”, “Обществом эсперантистов”. Не ликвидированные внешне самостоятельные организации можно перечесать по пальцам: это Академия Наук СССР, профсоюзы, промкооперация, Союз писателей СССР; но им всюду к их опубликованным уставам добавили с грифом “для служебного пользования” Положения, согласно которым, например, “директор института АН назначается Президиумом АН и утверждается обкомом соответствующей области”. Поэтому исчезли все институциональные возможности корректировать мероприятия, проводимые аппаратом Сталина (в описанных выше условиях искажения намерений и отсутствия информации). Говоря в иных терминах, начисто были устранены из жизни социальные механизмы достижения справедливости.

Ибо не существует общества или государства, где бы все было справедливо. Каждый день в любой стране вершится несправедливости – а в иные годы и крупные. Надеяться¹ построить общество, в котором вовсе не было бы несправедливостей – “бесконфликтное общество” – можно с таким же основанием, с каким надеяться воспитать никогда не испражняющегося человека. Подлинно серьезный вопрос состоит в том, имеются ли в обществе механизмы для устранения перманентно возникающих несправедливостей – этих социальных экскрементов? Если эти механизмы эффективно возникают и включаются вскоре после проявления несправедливости и позволяют устранить или нейтрализовать ее без больших социальных потрясений, то можно говорить о здоровом обществе. Россия XIX века не была таким здоровым обществом: ее подданным запрещено было не только бороться с некоторыми несправедливостями, но даже обсуждать их. Еще менее здоровым оказалось присталинское общество: в стране не осталось никаких сил, не зависящих от сталинской канцелярии, а потому раздувание любого каприза или намека на желание Сталина в общегосударственное мероприятие не встретило бы ни противодействия, ни критики, как бы несуразно или вредно для тех или иных групп населения оно ни было. Даже те несправедливости, которые возникали спонтанно и локально, независимо от сталинской канцелярии, не могли быть нейтрализуемы должным образом: дабы с ними бороться, их прежде нужно заметить, назвать, диагностировать. На каждое из этих действий потребна предваритель-

¹ Как надеялись социалисты до революции.

ная санкция аппарата, подчиненного сталинской канцелярии. А он предпочтет не давать ее, дабы случайно не поступить поперек воле Сталина. Цельный, высокоцентрализованный и дисциплинированный (хотя также нормально коррумпированный) государственно-партийный аппарат поставлен был на обслуживание воли (реальной или угадываемой) одного Сталина, а все население страны было отодвинуто, лишено возможности что-либо решать или высказывать по своей инициативе; оно входило в расчеты упомянутого аппарата только численностью своей рабочей силы да правом обязательных поставок от колхозов.

Да и стало ли бы население противодействовать затеваемой несправедливости, имя которой “тридцать седьмой год”? Иными словами, расценило бы население происходящие репрессии как несправедливость? Я отвлекаюсь в постановке вопроса от факта недостаточной информированности населения; допустим, информация была бы богатой и в вынесении суждения житель не был бы связан страхом перед властями. И ответом, увы, представляется мне, что эти репрессии были бы морально приемлемы большинству населения. Ведь судебные нравы в РСФСР-СССР возникли не на пустом месте, даже не были привнесены горсткой эмигрантов-революционеров; они расцвели как наследие предреволюционной практики “отцов и дедов”.

Основная направленность уголовной репрессии в СССР в те годы была против посягательств на изменение государственного строя; защита того, что кодекс именует “советской властью”, предусмотрена на пару порядков сильнее, нежели защита жизни, здоровья, имущества и достоинства рядовых граждан. Независимо от того, каковы были цели **авторов** кодексов, намерения **законодателя**, — важным вопросом является: почему такая позиция, такая иерархия ценностей оказалась живучей, приемлемой для психики массы судей и подсудимых? По-моему, дело в том, что идея социализма и идеологически неразрывно связанная с ней идея “советской власти” прочно заняла в социальной психике то место, которое прежде отводилось православию¹. Поэтому выступление “против советской

¹ Конечно, те, кто **профессионально** думал о православии (скажем, священники) не могли в ячейку “православие” поместить ни “советской власти”, ни “социализма”; кто профессионально думал о

власти” подсознательно воспринималось как “богохульство”. Давний же исторический опыт приучил население, что за богохульство, за порицание христианской веры или православной церкви предусматривались самые жесточайшие наказания (лишение всех прав состояния и высылка в каторжную работу на срок до 15 лет – по самому мягкому из Уголовных уложений, 1903, т.IV, ст.176-178). Следовательно, в этом пункте позиция законодателя оказывалась внутренне приемлемой как применяющим закон, так и объектам его применения. Уголовный кодекс не проводил различия между деянием, приготовлением к деянию, покушением, намерением, желанием, безответственной болтовней, даже аналогией; **слово** каралось жесточайше. Но это прекрасно вписывалось в традиции страны, где Особое присутствие Сената судило сотни молодых людей “за книжки”. Далее, вся практика поведения царизма в его “диалоге” с движением за гражданские права, начатым в декабре 1825, воспитывала неколебимое убеждение, будто преступления против порядка управления суть самые страшные и должны караться строже всего (см. §§1-3 кн. 1). А к встрече с уголовным кодексом во времена Сталина был призван народ, воспитанный еще традициями царской России.

Поэтому не требуется долго останавливаться на таких аспектах судопроизводства, как отсутствие гласности, состязательности, презумпции невиновности: никакой привычки к названным процедурам не успело выработаться в русском народе. “Презумпция невиновности” – иностранная формула, а вот “Дыма без огня не бывает” – коренное российское присловье. Точно так же психическому укладу социальной жизни отнюдь не противоречила практика, заменяющая **судебное** рассмотрение обвинения **административным** наказанием. Когда пишут о том, что советский суд имел право выносить приговоры, руководствуясь не “буквой закона”, а “революционным правосознанием”, не следует забывать, что согласно “Особому приложению к Законам о состояниях” (1902) (точнее, книги 1 – “Общее положение о крестьянах”) уже в дореволюционной России волостной суд решал дела “по совести”, “руководствуясь местными обычаями”. А волостной суд – это школа правосудия для 80% населения России, половина которого в 20-е и

формах власти (вроде с.-д. и с.-р.), те не могли отождествлять “советскую власть” и “социализм”, хотя, впрочем, бессознательно, второй у них занимал место “святая святых”. Но упомянутые профессионалы составляли ничтожную часть населения.

30-е годы XX века хлынула в города и составила основную массу судей и подсудимых.

В многовековой тенденции разделения властей, специализации профессий, отстранения дилетантской некомпетентности западное правосудие дошло до подразделения “судебной власти” на две независимые институции: профессионалов-судей, знающих законы, но не имеющих права выносить суждения относительно фактов: имело или не имело место инкриминируемое деяние? – и присяжных заседателей, обязываемых по-житейски устанавливать фактические обстоятельства, но не допускаемых до толкования законов и до применения статей уголовного кодекса. Хотя в России в 1864 и был введен суд присяжных, он не вышел за пределы городов (да и там не применялся в политических делах), а в деревнях: “Неграмотность и неопытность судей, привлекавшихся для исполнения их обязанностей на несколько дней в году, превращали волостной суд в слепое и послушное орудие в руках волостного старшины и волостного писаря”. Нет ничего удивительного поэтому в том, что без внутреннего сопротивления, как само собой разумеющееся, была принята сталинская (впрочем, принятая еще в 1918) система судоправления: судейская коллегия состоит из трех человек – один профессионал судья (находящийся в административном подчинении по вертикали вплоть до Совнаркома, а по горизонтали – местного парткомитета) и два дилетанта народных заседателя, которые формально пользуются всеми теми же правами, что и профессионал, но практически не могут не находиться под его полным влиянием; а решают они (в отличие от “коронного судьи” и “присяжных заседателей”!) **одни и те же вопросы**. Такую же реформу провел Гитлер в 1934 (суд шеффенов).

Скажут: но жестокость в лагерях, столь превосходно описанная Солженицыным, разве не возмущала нравственное чувство? Конечно, случалось – возмущала, и самоубийства надзирателей на лагерных вышках свидетельствуют о том. Но это – индивидуальное явление, а социально-значимым было приятие жестокости и соучастие в ней. Начнем с того, что действовавший (точнее – номинально действовавший) в ту пору Уголовно-исправительный кодекс, предусматривающий режим заключения, был одним из мягчайших в мире (он отменен уже при Брежневе). Все зверства и ужасы, строго говоря, являлись **нарушением закона**, произволом. Более того, произвол этот творили не столько какие-то там высокопоставлен-

ные функционеры, а рядовые надзиратели и сама масса заключенных над более слабыми заключенными; Солженицын описал хороший пример белых офицеров, которые на Соловках измывались над своими товарищами по заключению за то, что (по их мнению) во время гражданской войны те не проливали кровь вместе с этими офицерами... Как всякое массовое явление, лагерные кошмары выявляют нам психический уровень массы, т.е. населения страны.

Вот иллюстрация этой мысли на несколько ином материале. Известно, что неразлучные друзья Берия и Багиров любили время от времени предаваться такой забаве: на окраине Баку или на перекрестье горных дорог они самолично вечером ложились в засаду у пулемета и поджидали одинокую машину или запозднившуюся компанию. Ожгут очередью-другую, насладятся паникой и падающими – и домой. Изопренная жестокость на грани психического заболевания? Возможно. Но вот лет через двадцать после того, как и Берия и Багирова расстреляли, случилось, что на тех же грузинских дорогах поставили многочисленные заслоны с целью воспрепятствовать грузинам частным образом везти лимоны и мандарины в Россию. Грузины не слишком-то считались с запретом и у контрольных постов не снижали скорость, а, напротив, разгонялись и прорывались. Тогда начальство дало команду: стрелять по колесам, дабы остановить нарушителя. И вот многие солдатики (“рязанский и курский молоденький новобранец”) с наслаждением наводят стволы чуток повыше по кабинам, по кузовам! Поди там, докажи, что нарушен приказ, а зато так приятно убить человека!! Да, Лесков знал, что говорил, когда сто лет назад вздыхал: “Христианство еще не было проповедано на Руси”...

Отсутствие улик, лишение права на защиту, беспощадные приговоры, мучительное содержание в заключении – все это не только не воспринималось как зло и несправедливость, но, напротив, известной долей населения рассматривалось как справедливое возмездие даже безотносительно к инкриминированным преступлениям. Ведь сажали инженеров да начальников – и эгалитарная идеология нашептывала: “Больно падать – не надо было высоко забираться”, “попили нашей кровушки” и т.п.

Подобно тому, как в индустриализации и коллективизации Сталин фактически следовал политике, предначертанной Троцким, так и в уголовно-пенитенциарном вопросе он следо-

вал предначертаниям т. Рыкова, только решительнее. Сей повар умел готовить лишь острые блюда, а в силу всего вышесказанного “тридцать седьмой год” получился даже по меркам восточной кухни нестерпимо острым.

Вообще в стране, где у людей отнято имущество, трудно проводить пенитенциарную политику. В самом деле, в большинстве стран можно не арестовывать обвиняемого до суда, оставляя его на свободе под залог. В СССР никто не в силах иметь имущества, достаточного для весомого залога. Люди живут от зарплаты к зарплате, как правило, не имея никаких сбережений¹, не имея собственного дома. По той же причине приговор не может состоять в наложении штрафа: реально уплатить человек сможет лишь ничтожный штраф, налагать высокий бессмысленно. Для предпринимателя в частновладельческом обществе штраф, разоряющий предприятие, не отнимая жилья и одежды у семьи, является сам по себе громадной угрозой. Чем можно заменить такую угрозу в обществе, где предприятия не принадлежат никому? Поэтому, естественно, наказание вынужденно направляется против личности осуждаемого: отнимается свобода или жизнь. Если бы по ряду догматических соображений из арсенала карательных средств не были исключены телесные наказания, то, возможно, пенитенциарные нравы не были бы такими зверскими. Сейчас же у суда не остается никакой возможности, кроме как отнять у осуждаемого свободу на какой-то срок и в какой-либо форме.

Формы отнятия свободы – от ссылки до особлага – хорошо описаны в “Архипелаге Гулаг”, я не стану задерживаться на их изображении. По-видимому, бесчеловечности форм наказания способствует обширность страны: наказываемые отсылаются с глаз долой, судья не видит, к чему приводит его приговор. Для меня существенно здесь другое. Сначала власть полагала, что с уничтожением капиталистических отношений автоматически ликвидируется социальная база преступности; поэтому сроки наказания для “социально-близких”, т.е. для большинства населения, были умеренными, амнистии – частыми. Преступность же не уменьшалась, а

¹ По приблизительной официальной статистике в среднем на душу приходится накоплений в размере трехмесячной зарплаты (ниже средней). Это относится к наиболее зажиточному периоду в истории СССР – семидесятым годам. В тридцатые же годы, наверное, было вдесятеро меньше.

росла и росла. Речь идет и о присущей всякому обществу преступности, вроде преступлений против личности; и о специфически советской преступности, которая возникла из-за того, что ЦК выбирал курс, противоречивший стремлениям большинства или значительной части населения; тех, кто не спешил “идти новым курсом”, приходилось подхлестывать репрессиями. К последнему типу преступности отношу не столько даже реально сопротивлявшихся, скажем, коллективизации или раскулаченных¹, но скорее “несунов”, т.е. массовые хищения государственно-колхозной собственности, о которой упоминал в §3. Возрастающая преступность – с которой бороться можно только увеличением числа лет лишения свободы – заставляла думать о том, где размещать осужденных и как. С этой целью уже известный нам Янсон, придумав многолетние сроки, стал начальником Главсевморпути. Увеличение числа лет лишения свободы приводило к уменьшению числа тружеников, числа трудовых часов в народном хозяйстве. Начиная с некоторых пропорций, над этим не могли не задуматься, так родились “трудовые” лагеря, где предполагалось заставлять осужденных все-таки работать на благо страны или хотя бы правительства. Эта концепция утвердилась где-то между 1928, когда Янсон был наркомюстом, и 1932, когда Ворошилов подписал Э.П.Берзину мандат на колонизацию Колымы, а тот же Янсон стал начпути доставки эков. Но в ту пору численность заключенных хотя и возросла сравнительно с началом двадцатых годов и с числом каторжников в царской России, еще далеко не достигала миллиона человек².

После рыковского “шахтинского дела” случилась двухлетняя заминка. Объясняется ли она тем, что арестованные Пальчинский, фон Мекк, Хренников и другие не пожелали дать угодных Ягоде показаний, предпочтя умереть под пытками; объясняется ли тем, что не до них было, пока шла всепоглощающая борьба за власть, – не знаю. В 1930 Менжинский и

¹ Проблема для историков: установить доказательно, были крестьянские восстания против коллективизации? Тут имеются две историко-ведческие опасности: гепеушные сводки (даже секретные, “для себя”), фальсифицированы опережающим пресмыкательством, а лагерные воспоминания искажены речитативом: “Сижу ни за что”.

² Применительно к царской России я не учитываю ссыльных, так применительно к СССР не учитываю выселенных при коллективизации и вообще высланных. Статистика тут трудна и может дать только упадок величины.

Крыленко подряд устроили два крупных процесса: “Промпартии” и “Союзного бюро меньшевиков”. Подсудимые не только все признавали, не только каялись, но и давали решительный отпор попыткам непрошенных защитников из-за рубежа: советские подсудимые просили советской пули от советского суда, отмечая выгораживающие их свидетельства эмигрантского отребья. После суда Суханов из верхнеуральского изолятора слал слезные прошения в ЦК: ведь мне же обещали, что все будет только инсценировкой, что в тюрьме отбывать не придется! Я сдержал свое слово – дал нужные вам показания! Сдержите и вы: выпустите. Он там и умер. Выживший Якубович тридцать лет спустя поведал нам, как прокурор Крыленко именем партии и Революции в полном сознании невинности Якубовича убедил того дать обвиняющие себя признания на суде.

Процессы эти (как и последующие “именные” процессы) не остались изолированным явлением, не выходящим за рамки судебной жизни. Нет, они встречались и провозжались многочисленными и многолюдными собраниями и даже демонстрациями трудящихся, которые организованно требовали сурово покарать тех, кто мешает им строить счастливую жизнь. По многим, если не по всем, заводам прокатились свои кампании по “выметанию нечисти”, т.е. осуждению нескольких инженеров с завода за вредительство. В §1 кн. 3 мы упоминали про влияние солнечной активности на физиологию и психику человека. Так вот, те просвещенные специалисты, которые организовали на Каспии лов рыбы в соответствии с одиннадцатилетним циклом солнечной активности, были все до одного осуждены как наглые вредители (к расстрелу, конечно): ишь, сволочи, хотели заставить советских людей прилаживаться к пятнам на Солнце! Позже сел и сам основатель этой теории Чижевский (кажется, за слишком большую близость к Варейкису). В годы 1932-35 такое шло повсеместно, под разными предлогами и все ширясь. Словом, инженерные процессы оказали глубокое формирующее воздействие на психику почти всего городского населения, они воспитывали настоящего строителя коммунизма – светлого будущего всего человечества.

Видимо, Сталин предполагал сразу перейти к процессам над “уклонистами” и быстренько отмстить им, посажав и постреляв. ОГПУ в 1930 “раскрыло” на Северном Кавказе (при Андрееве) организацию, которая так и называлась “Бюро пра-

вых уклонистов”. На XVI съезде Ярославский именем ЦКК докладывал:

Из показаний Орлова, Смирнова, Гусева, Филатова и др. видно, что т. Угланов и другие правые рассчитывали на то, что у них будет большинство в Центральном Комитете. ... Упомянутые мной четыре члена партии обсуждали неоднократно возможность **насильственного** изменения состава ЦК (голос: Каким образом?) Каким образом? Путем **отстранения** тех или иных лиц; если бы они оказались в большинстве, то может быть путем ареста или какими-нибудь другими путями. ... Если кулак с обрезаем нападает на наших коммунистов, то почему оппортунисту не договориться, как договорились некоторые его рядовые единомышленники, до контрреволюционных планов? ... на почве правого уклона создавались прямо контрреволюционные группы. Здесь уже приводилось сообщение о том, что в Ленинграде имела такая организация – “Рабоче-крестьянский союз”. ... Другая организация – это организация на Украине, называется она “Народно-революционной социалистической партией”. Член этой организации рассказывает, что он получил от одного коммуниста книжку с материалами XVI партконференции, предназначенной только для членов ВКП(б), в которой были отмечены соответствующие выдержки из речей Бухарина, Фрумкина и др. ... Надо сказать, что в этом отношении ГПУ наше довольно хорошо работало и помогло нам избавиться не только от деятельности подпольных организаций и их участников, исключенных из партии, но избавиться от членов партии, которые участвовали в этих подпольных организациях.

Примером таких партийцев, находящихся на грани нелегальной деятельности, кроме Бухарина-Рыкова и Зиновьева-Каменева, называли Шляпникова, Медведева, Г.Мясникова. Даже из той же съездовской стенограммы видно, что Куйбышев был настроен против этих процессов; он выступал под девизом: “Не расстреливать, а использовать по специальности!” Троцкий в своей эмиграции верил в справедливость предъявленных инженерам обвинений и поносил Сталина-Молотова за то, что те опоздали с репрессиями против вредителей. К слову, Троцкий был настолько далек от понимания того, что происходит в стране, что зачислял в рубрику своих активных сторонников все 200 000 членов ВКП(б), вычищенных из партии с ярлыком “троцкисты”; он так и писал: “Множатся ряды большевиков-ленинцев!”

В эти годы неожиданно большое влияние приобретает ныне полностью забытый Иван Акулов. Ему – 42 года к XVI съезду. С 19 лет он в большевистском движении. Он знаком практически со всей партией, связан дружескими узами почти

со всеми руководителями и функционерами областного масштаба¹. Сам из торговой семьи и редакционный работник по профессии, после революции он был и секретарем обкома, но преимущественно работал по профсоюзной линии; в частности, изгнал в 1923 из Донбасса Пятакова. Естественно, что по этой линии в мае 1929 он делается секретарем ВЦСПС, вытесняя людей Томского. Но необъяснимо, что летом 1930 он становится членом Оргбюро ЦК, не будучи членом ЦК, причем одновременно входит в Президиум ЦКК, что дважды противозаконно. И совершенно загадочно, почему он в 1931 назначается взамен Ягоды первым заместителем председателя ОГПУ Менжинского. Понимать ли это назначение как победу Куйбышева, приостанавливающего тем самым репрессии? Или же как подготовительный шаг Сталина, убравшего Ягоду, скомпрометированного близостью с Бухариным, дабы обеспечить надлежащий размах репрессиям? Ягода тем временем громыхает победным строительством Беломорканала да славой Болшевской трудовой коммуны им. тов. Г.Г.Ягоды. Понятно, что если бы он не отпрапортовал в 1933 о досрочном завершении строительства, то он исчез бы из верховной номенклатуры. Однако Акулов сверзился раньше.

В сентябре 1932 всплывает дело Рютина, по которому фигурирует 24 обвиняемых из всех прежних оппозиционных течений, а также почти из всех антибольшевистских социалистических партий; дело, от которого за версту разит вонью каменевской провокации. По времени оно совпадает с письмом Троцкого сыну, где Троцкий беспокоится, что именно сейчас термидорианцы (Куйбышев) предпринимают мощный нажим на Сталина и надлежит из всех сил помогать Сталину. За месяц до распубликования о заговоре Рютина-Слепкова был принят первый из серии беспощадных указов: “семь восьмых” или “за колоски”. По сведениям, восходящим к Бухарину (Николаевский, 1936), Сталин требовал расстрелять Рютина, но потерпел поражение, должен был удовольствоваться тюрьмой для Рютина и изгнанием из партии Угланова и др. Акулов 22 сентября снимается с зампреда ОГПУ и члена Оргбюро и направляется в Донбасс первым секретарем об-

¹ К его близким друзьям относится Петр Баранов – человек со странной судьбой. Будучи помнач ВВС по политчасти и членом РВС с марта 1925, Баранов умер тем, что называется своей смертью, в 1931, но посмертно был причислен к врагам и посмертно же реабилитирован. Мы помним, что такая же судьба была у Мясникова, причастного к переговорам Фрунзе-Троцкий и разбившегося в 1925.

кома; вскоре Донбасс подвергается сокрушительной проработке, а Акулов в марте 1933 возвращается в Москву на впервые учреждаемый пост Прокурора СССР, возвысаясь таким образом над прокурором РСФСР Крыленко. В ту же зиму был отменен партмаксимум и, напротив, введены закрытые распределители для обкомовских работников. Сталин и Каганович обрушились на историков и дали им указание впредь не разводить формализма и не привлекать исторических документов при разработке исторических проблем. Киров и дальше тянул с коллективизацией: на 1 января 1933 было коллективизировано меньше половины хозяйств ленинградской области. И до самой его смерти было вовлечено в колхозы примерно две трети. На Кубани, Дону и Украине свирепствовал голод, с которым боролись солдатскими оцеплениями, не выпускавшими умирающих. Когда станица вымирала, ее заселяли красноармейцами, которым выдавали паек и зерно. В январе 1933 Сталин сформулировал свой тезис об обострении классовой борьбы по мере завершения строительства социализма. Этот тезис в мифологизированном виде выражал тот факт, что чем больше проходит лет с Октябрьской революции, тем более многочисленными, полноправными и вездесущими должны делаться органы, унаследовавшие “чрезвычайной” комиссии, созданной временно и только для устранения непосредственной опасности вооруженных заговоров. И в 1936 он и Жданов недвусмысленно указали, что ОГПУ опоздала с репрессиями точно на четыре года. Это, конечно, не стоит понимать так, будто бы **никаких** репрессий между 1932 и 1936 не было. Были, и население лагерей стало исчисляться уже не десятками тысяч, даже не сотнями тысяч, но миллионами. Однако, Менжинский и Ягода старательно отводили направленность репрессий: от них требуют ужесточить меч пролетарской диктатуры, имея в виду “посадить и расстрелять бывших оппозиционеров”, а они, словно не дослышав, берут, сажают и расстреливают толстовцев, например. Или иных беспартийных. Разумеется, за толстовцев никто из власть имущих не заступится, всем они безразличны. И до тех пор, пока Сталин прямо не выговаривает заветное слово: “Главный враг для нас это враг с партийным билетом”¹, – можно отчитываться о работе

¹ Для педантов, укоряющих меня в том, что я не даю ссылок на источник, уточню, что фраза эта сказана Молотовым в феврале 1937. “А почему приписана Сталину?” – вскричит поборник точности. Да

ОГПУ и НКВД, констатируя небывалый темп роста обнаружения вражеских организаций и т.п. И нечего возразить, не упрекнешь в бездействии!

В 1933 началась чистка партии (“обмен партийных билетов”). Комиссия по чистке состояла из: Ежов, Каганович, Киров, Пятницкий, Рудзудак, Стасова, Шкирятов, Ярославский. Председателем был Рудзудак, вскоре замененный Кагановичем. Из партии выбыло столько, сколько не случилось с 1920/21. Но тогда преимущественно **уходили** из партии сами недовольные. Теперь же изгоняли с клеймом “троцкист”, “перерожденец” людей, вина которых выглядела примерно так: “Поддерживает приятельские отношения с братом своей жены, голосовавшим пять или десять лет назад за платформу оппозиции” (неважно, что потом сориентировался и стал защитником генеральной линии). Разумеется, столь оголенно не формулировали. Вообще, желающим понять **почему подсудимые на открытых процессах все признавали**, полезно всерьез изучить протоколы партсобраний и заседаний комиссий по этой чистке: их мотивировки, аргументацию, мольбы и признания исключаемых. Шла как бы репетиция.

Но, видимо, не все воспринимали происходящее как репетицию. Некоторые надеялись, что чистка послужит заменой репрессий и репрессий не состоится. А главный волк насытится таким жертвенным овном. Ибо на пути к репрессиям, перегораживая его, стояли Калинин, Киров, Куйбышев, Менжинский, Рудзудак; по-видимому, Косиор. Да и вроде бы большинство активных функционеров было против. Но борьба шла подспудно. Это поколение вождей уже несомненно знало, что все телефонные разговоры слушаются. Что каждая реплика, вырванная из контекста¹, может быть вменена в ви-

потому, что Сталин заставил Молотова выступить с этим докладом. Как? Да, например, все ранее осужденные “фашистские наемники” не готовили покушения на Молотова (значит, он им был не опасен, значит, он – с ними), а послеосужденные – и на Молотова готовили... Точность состоит не в реалистическом выписывании деталей, а в сюрреалистических мазках, воспроизводящих кошмарную сказку, сделавшуюся былью.

¹ Вот пример. Бухарин в 1912-16 изо всех сил пытался внушить Ленину, что Малиновский провокатор, а Ленин не верил и отругивался: “Бухарин, дескать, неустойчив в политике и дьявольски доверчив к сплетням!” Так вот, в 1929 Сталин в качестве козырной карты против Бухарина швырнул именно сию цитату. И хотя все в Политбюро знали, что карта шулерская, никто не вспомнил о кон-

ну. Поэтому шла не борьба политиков, апеллирующих к партийному или общественному мнению; не борьба идеологов, цитатами побивающих друг друга, но безмолвная и беспощадная борьба бульдогов под ковром. И лишь по вздутиям ковра то тут, то там доводится нам судить о ее ходе. Самое главное – никогда не произносилось вслух.

К самым важным документам применялся самый защищающий гриф секретности – “регистрации не подлежит”. Следов не оставляли.

Результатом было то, что при выборах нового ЦК на XVII съезде в январе 1934 Сталин не был в него избран. Счетная комиссия в растерянности перебирала избирательные бюллетени, не ведая, кто решится доложить съезду итог тайного голосования. Но недаром ее председателем был Мехлис. Он вышвырнул отвратительные бюллетени в мусорную корзину и отпечатал новые, где Сталин не был вычеркнут. Было объявлено, что он получил 100% голосов. Хотя этому подлогу никто не воспротивился, но в других назначениях этого съезда прослеживается победа фракции Кирова-Куйбышева. Политбюро на съезде осталось в прежнем составе: Сталин, Андреев, Ворошилов, Каганович, Калинин, Киров, Косиор, Куйбышев, Молотов, Орджоникидзе при кандидатах: Микоян, Петровский, Постышев, Рудзутак, Чубарь (Постышев и Рудзутак вновь добавлены). Зато Оргбюро решительно изменено: из 10 его членов выбывают шестеро, заменяемые семью новыми; все четыре кандидата обновлены. Уцелели: Гамарник, Каганович, Сталин, Шверник. Введены: Ежов, Жданов, Киров, Косиор, Куйбышев, Стецкий. Из прежних секретарей остались Сталин и Каганович, а новыми введены Киров и Жданов. Куйбышев, добравшись, наконец, до Оргбюро, бросает свою игрушку Госплан заместителю Межлауку и занимается делом. Вскоре умирает Менжинский. Им были настолько недовольны, что именем его не назвали ни одного города. Наркомвнудел назначен Ягода. Если считать, что высшей властью в стране (начиная с тридцатых годов) обладают лица, одновременно являющиеся членами Политбюро и секретарями ЦК, то высшая власть рисуется как триумвират Сталин, Каганович, Киров. Если включать членов Оргбюро, то квадрумвират: Сталин, Каганович, Киров, Куйбышев. Уже через 15 месяцев он сменится дуумвиратом Сталин-Андреев.

тексте. Народу, де, сойдет. Выглядит убедительно. И каждый понимал, что и на него найдется такой крапленый козырь.

Неизвестно, как бы поступил Сталин, наткнувшись на такое всеобщее и безликое сопротивление и не имея вдохновляющих примеров Гитлера (ср. §1), но летом 1934 Гитлер продемонстрировал всему миру потрясающий по своей откровенности стиль внутрипартийных отношений: он заявился к своему старому партийному товарищу Рему, второму после Гитлера лицу в НСНРП, вождю штурмовиков, и самолично застрелил его. После чего произнес: “Фи, как гадко в квартире Рема. Я встретил там двух голых мальчиков”. И, подумавши, прибавил: “Высшая немецкая доблесть – это верность”. А пару месяцев спустя всеобщим голосованием был избран Президентом Германского рейха взамен усопшего Гинденбурга. Так это же просто откровение, подобно колумбову яйцу: можно поступать так! И вот был затеян сценарий по образцу поджога рейхстага. Собственно, я не изучал по первоисточникам истории поджога рейхстага, поэтому не могу достоверно сказать, что происходило в Германии в январе-феврале 1933, но для объяснения мотивов убийства Кирова достаточно знать лишь то, что думали о поджоге рейхстага и как его объясняли в СССР. Для того, чтобы получить диктаторские полномочия, партия парламентского меньшинства НСНРП тайком поджигает парламент, сваливает преступление на самого мощного своего соперника – коммунистов – и под предлогом спасения страны и парламентской системы от мирового коммунистического заговора¹ решительно, по-военному, без миндальничанья, расправляется сначала с коммунистической партией, завтра – с социал-демократической, затем – с профсоюзами, а потом и с прочими партиями, сохранив “монополию легальности” (если припомнить словечко Зиновьева) исключительно за национал-социалистами. Ужас преступления – посягательство на парламент, на рейхстаг – оправдывал в глазах немцев революционную беспощадность террора против преступников и не давал заметить, что мстящие за покушение на парламент сами отменили парламент.

Такой же гнев и негодование против виновников “злодейского убийства Сергея Мироновича Кирова” возбудила “Правда” на следующий день после выстрела Николаева. Сама личность Николаева стучевалась в грозном звучании

¹ Был случайно среди обвиняемых единственный немец – Торглер, да и тот публично переходит на сторону нацизма. Прочие – болгары, голландец.

того, что означает это преступление. Уже шестого декабря “Правда” сообщает о расстреле 37 человек в Ленинграде, 33 – в Москве, заложников от буржуазии, белогвардейских офицеров, которые не могли не быть повинны в гнусном выпаде мирового капитала против любимца питерских рабочих. Потом расстрелы прокатились в Киеве (28 декабря) и др. городах. Из Ленинграда начались повальные выселения “социально-вредных”, “классово-чуждых”, “непролетарских” элементов (“кировский поток”); первая официально назначенная цифра выселения – 1037 человек. День первого декабря был объявлен днем траура, все сталинские годы он отмечался с подчеркнутой скорбью. На похороны приехал сам Сталин. Многие города были переименованы в “кировограды”, “кировканы”, “кировски” и т.п. Их было столько же, сколько “сталиногородов”, едва ли меньше, нежели “лениногородов”. Кстати, при этом Зиновьевск переименовали в Кировоград.

Гнев и всеобщее возмущение облегчали составление таких обвинительных заключений, которые сейчас кажутся смехотворными; тогда они вели людей на расстрел.

Да, замысел убийства Кирова прост и понятен. И так же ясен его главный вдохновитель – Сталин. Далеко не столь понятна механика его воплощения. Я думаю, что она была трехслойная; условно назовем “слои” именами их заправил: Берия, Ягода, Ежов. Я думаю, что Берия поручил надежным людям без шума и наверняка убить Кирова. Через директора одного из ленинградских тиров был добыт подходящий пистолет, который потом нигде на следствии не фигурировал. Был ли убит Киров в Смольном или в другом месте, а лишь потом труп его был привезен в Смольный – не знаю, но склоняюсь ко второму мнению. Почему Сталину захотелось убрать именно Кирова? Власти тот забрал многовато – раз. Сталин его упрощает расстаться с Ленинградом, переехать в Москву, а он упрямится – два. Никогда публично Киров и Сталин не ссорились, так что у Сталина есть “алиби” – три. Киров громил оппозицию и персонально Зиновьева, так что мотив мести у “троцкистов” присутствует – четыре. Киров со своей позицией “мы, русские, должны быть заодно” явно противопоставляет себя и большинство Политбюро грузину Сталину – пять¹.

¹ Хотя Киров был “истинно-русским” человеком в смысле §§2-3 кн. 2, женат он был на еврейке, Марии Львовне Маркус, а сам происходит из зырян (коми). Именно он, по-видимому, был вдохновителем

Итак, Киров убит. Тело его обнаруживает энкаведистская охрана, т.е. люди Ягоды. Кстати, Ягода выехал в Ленинград по звонку Сталина в ночь накануне официального дня убийства. Ягоде срочно надо отпрапортовать о поимке убийцы, в виде, пригодном для всенародного оповещения. Часом-другим промедлишь – сам слетишь. И с чекистами Смольного он хватается за версию: убил из ревности Леонид Николаев. Это был крупный комсомольский деятель Ленинграда при Кирове, настолько важный, что обладал трехкомнатной квартирой в 1934 – все ленинградцы понимают, какая птица! Но Киров был вивер, любил пользоваться жизнью. Заслуженно Мариинский театр переименован в Кировский: ни одной актрисы не перепробованной не осталось. И Парки Отдыха по праву носят его имя. Так вот, в том числе сошелся он с женой Николаева, своей секретаршей Мильдой Драуле. Николаев вскипел, хватъ револьвер и в Смольный: “Убью, дескать, гада!” Охрана его в каталажку. А Киров великодушно: “Хрен с ним, выпустите и пушку отдайте. Ну, пошумел, ну, с кем не бывает?” Только велел перевести на работу в отдаленный район области. Николаев уперся: не поеду. Его из партии вон. Не едет. Сергей Мироныч и тут махнул рукой: “Восстановите. Из-за меня же все...” Теперь, когда Киров мертв, Ягоде показалось, что мотив убийства Николаевым будет убедительным. Но, для верности, дабы лишнего тот не сказал, его пристрелили тоже и положили их трупы рядышком в коридоре Смольного: дескать, вот он, убийца, который затем сам себе снес полчерепа. Потом, правда, переиграли, что наша советская медицина оживила убийцу и он дал показания, после чего был расстрелян.

Затем на сцене появляется “кировская тройка”: Ежов, Агранов, Косарев, которая получила все полномочия по расследованию. Она сразу отменяет версию об убийстве из ревности как политически негодную, сразу арестует бывших оппозиционеров, а заодно и раскассирует весь ленинградский обком,

разгрома антирусской историографической школы Покровского. К слову, те, кто пишут, будто бы Александра Невского, Минина и Пожарского вспомнили лишь после начала войны с немцами, глупо ошибаются. Их начали возносить еще при Кирове, а громадный подвал в “Комсомольской правде”, восхваляющий победу Невского над псами-рыцарями, опубликован осенью 1938 года! Напомним и то, что кресты над Смольным не были сняты и не были заменены звездами, вопреки тому, что произошло в Кремле.

горком, облсовет и т.д. Погром устраивается почище того, что был тут 8 лет назад¹.

К новому году расстреляли уже не каких-то безымянных белогвардейцев, но пару десятков крупных комсомольских боссов в Ленинграде: Николаева, Котолынова и др.; средний возраст 30 лет. 16 января 1935 судили уже лиц в среднем возрасте 40 лет – это бывшие партийные вожди: Зиновьев, Каменев, Бакаев, Федоров, Кувлин, Евдокимов (Сафаров отвертелся, дав “чего-изволите” показания и минуя суд попал в концлагерь²) и другие, всего 19 партийных функционеров. Весь приговор на 19 человек уместился на трех машинописных страничках (а если, как принято в судопроизводстве, печатать через один интервал, то на полутора). Зиновьев – 10 лет, Каменев – 5, прочие посередке. В тот же день газеты распустили Гениальное и Основополагающее Произведение Товарища Сталина: его доклад в ЦК от января 1919 насчет положения на Восточном фронте. Звучали фанфары. Приговор опубликован 18 января, Куйбышев кончает самоубийством. О его смерти извещают 25 января³.

¹ Почему я не верю в то, что, де, убил Николаев? Вот почему. Николаев был дилетант, а не снайпер и не гангстер. Он стрелял бы из ревности, т.е. волнуясь. Опыт всех покушений говорит, что вероятнейший итог: мимо или не смертельное ранение. Организатору же покушения нужно было бить наверняка: а вдруг раненый Киров по доброте душевной пожелает побеседовать с убийцей (как вдова великого князя Сергея с Каляевым) и тот скажет, **кто** помогал, поощрял или раздувал вражду? То, что готовилась акция **государственного** значения, – очевидно: накануне покушения отменены продовольственные карточки (контрастный жест благодати власти), Куйбышев отослан в Среднюю Азию на пару месяцев (путаться под ногами не будет), и, наконец, в ноябре в белградской белоэмигрантской газете помещена статья с призывом убить Кирова! И неужто такая тонкая продуманная игра будет поставлена в зависимость от настроения неврастеника Николаева? Но, впрочем, повторяю, как и версия “трехслойности” – это моя гипотеза, а роль Берии вовсе гадательна.

² Официальный газетный термин “концентрационный лагерь”.

³ На процессах 1938 утверждалось, будто Куйбышев был убит троцкистами. На этом основании многие историки считают, что его убил Сталин. Было ли убийство или самоубийство – неясно, но что смерть темная – ясно. Жена Куйбышева вскоре была арестована, братья расстреляны. Существенно: видел ли кто Куйбышева живым после 18 января?

Руководящая группа резко меняется: Микоян и Чубарь переводятся из кандидатов в члены Политбюро; на их вакансии кандидатов назначаются Эйхе и Жданов. Эйхе остается наслаждаться властью совсем недолго: уже летом 1938 его, как бешеного фашистского пса, будут выкорчевывать из наркомзема. Жданов одновременно взамен Кирова становится секретарем ленинградского обкома, приводит с собой своих людей – Щербакова (с 1937 – московский секретарь), Вознесенского (с 1937 – пред Госплана взамен арестованного Межлаука) и других помельче. Вскоре он становится главным идеологом партии, но сейчас пока между ним и его влиянием на Сталина неустранимо посредствуют не столь титулованные Ежов и Маленков. Ежов назначается секретарем ЦК, а кандидатом Политбюро он станет не скоро – только в октябре 1937. Каганович назначается наркомпути, где сумел-таки наладить работу транспорта и построить московское метро. В марте 1935 секретарем ЦК назначен Андреев. Более прославлено другое назначение: тогда же прокурором СССР взамен Акулова назначается Вышинский.

Вышинскому перевалило за 50 – он ровесник Зиновьева. За два года до того, как Бухарин стал большевиком, Вышинский сделался меньшевиком (1903). Он из древнего шляхетского рода, известного в хрониках и одаренного. В 1913 окончил юридический факультет Киевского университета и уже до революции приобрел ученые степени. Всю гражданскую войну провел на стороне меньшевиков, хотя на совдеповской территории преимущественно. В 1920 полил грязью побежденных и перешел в партию победителей. Хотя к таким перебежчикам относились настороженно, сумел доказать свою полезность, подписав обвинительное заключение по делу патриарха Тихона¹ и выступив общественным обвинителем по ряду показательных-расстрельных дел с очень слабыми уликами в 1923-24. Председательствовал на процессах Шахтинском и Промпартии. В 1933 он снова в своем амплуа обвинителя на показательных процессах, где об уликах говорить едва ли можно, но зато очевидна государственная необходимость су-

¹ Мне довелось держать в руках гектографированную листовку меньшевиков от 1922-23 насчет большевистских гонений на церковь. Позиция сих социал-демократов такова: большевики виновны в том, что своевременно, в 1918-19 году, не ликвидировали церковь полностью в соответствии с программой. Затяжные же в 1922 репрессии не отвечают текущему моменту, тактически неудачны и подлежат осуждению.

рово покарать зло. Для истребления **большевистской** партии лучшей фигуры подобрать было нельзя, надо отдать должное выдумке Сталина.

Акулов же переводится на должность секретаря ЦИКа взамен снятого Енукидзе. Енукидзе – старинный подпольщик, еще времен Кедровели и бакинской типографии 1903 года – видимо что-то проговорился насчет хронологического несоответствия извещения об убийстве Кирова и проштемпелеванного Калининным и Енукидзе же Указа ЦИК от 1 декабря 1934 насчет процедуры суда над террористами. Последняя состояла в том, что достаточно было обвинить людей в терроризме, как они лишались всех процессуальных прав, права на защитника, права на подачу прошения о помиловании и мн. др. Следствие, суд и приведение в исполнение приговора предписывались невообразимо ускоренными. Закон этот просуществовал менее 20 лет – последним по нему судили Берию. Да, так вот, текст Указа был зачитан по радио через несколько минут после того, как датировано убийство Кирова: не то, что принять Указ было бы некогда, но даже физически написать его текст. Так как это несоответствие свидетельствует либо о том, что репрессии готовились загодя, до убийства, либо о предумышленности, либо о более ранней дате убийства, то разговоры были опасны. Так как Енукидзе был гомосексуалистом, то срочно был принят Указ о введении уголовной ответственности за гомосексуализм¹, Енукидзе сняли “за бытовое разложение”, исключили из партии, посадили. При этом нагнеталась эскалация обвинений, так что, уже осужденного, его по новой судили “за сколачивание белогвардейской организации из числа технических работников Кремля” (имелись в виду секретари-машинистки, получившие высшее образование до революции, так называемые “бывшие”), за организацию “террористического акта против **товарища Сталина** в здании ЦИКа” и т.п. Персонал Кремля был полностью обновлен. В числе сообвиняемых (Петерс, Урусова, Розенфельд – брат Каменева, прачки-кухарки) еще раз проходил Каменев, которому в результате срок повысили до 10 лет (тогдашний потолок), но этот процесс был тайный и даже

¹ До того советское уголовное право гордилось тем, что в 1918 отменило “буржуазные ханжеские преследования” за гомосексуализм, и он карался только при наличии насилия, принуждения и т.п. Гитлер же обостренно ненавидел гомосексуалистов.

извещения в газете о нем не было, а лишь информация по партканалам.

Троцкий поначалу верил всем обвинениям, но когда обвиняемых стали именовать “троцкистами”, он ошарашенно за-протестовал. Судя по всему, никакой информации из СССР у него не было, а потому не было ни организации, ни агентуры. Будь он более широкой натурой, он, может быть, и стал бы неким центром антисталинской оппозиции. Но когда, например, один беглец из советских лагерей (Цилига, в прошлом действительный троцкист) начал на страницах “Бюллетеня оппозиции” публиковать воспоминания о лагерях и высказал “не вполне марксистские” взгляды, то Троцкий тут же пресек публикацию: он позволял себе блокироваться только с “большевиками-ленинцами”. Поэтому позднейшие вымыслы, будто бы Троцкий сговаривался с Гитлером, нелепы не только беря в учет его национальность, но и из-за его фанатичности. К слову, в этом “Бюллетене” очень много антигитлеровских статей, начиная с 1932, а в 1941 редакция призвала всех защищать Советский Союз – первое и единственное государство трудящихся. Я уже не говорю о том, что названные вымыслы ни в какой мере не подтверждены предъявленными в суд “уликами”.

Впрочем, мы забежали вперед. В 1935 ни Зиновьева, ни Каменева не обвиняли еще в том, что они, де, фашистские наймиты. Их обвиняли приблизительно по такой схеме: вот осужденный враг народа Николаев в своих показаниях подтверждает, что причиной его злодеяния была слабая (а по-нашему, по-большевистски, так откровенно вредительская!) идейно-политическая работа ленинградского комсомола. А ну, граждане бывшие оппозиционеры, зиновьевцы-троцкисты, сознавайтесь! Те понесли: да, конечно, недоработка имела место... Да, конечно, не могло на выроodka Николаева не повлиять то, что мы вели антипартийные разговоры. Конечно, когда в 1926 Киров громил – простите, оздоравлил – ленинградскую партийную организацию, мы, сторонники т. Зиновьева (брянский волк тебе товарищ!) выступали с несправедливыми нападками на т. Кирова (не смей, фашистский ублюдок, произносить этого слова! Это слово гордое “товарищ” нам дороже всех красивых слов!) и это не могло не отразиться на формировании мировоззрения неустойчивого Николаева. В чем была его неустойчивость? Ну то, ну это. А почему не сигнализировали про его неустойчивость? а попросту говоря – про его

фашистские замыслы? Ну недооценили, притупили бдительность... Ага, значит, способствовали мировому фашистскому троцкизму, вступившему в неприкрытый союз с бело-гвардейщиной!¹!

К более лобовым обвинениям, зазвучавшим в 1936-38 и отмененным только в 1956, перешли лишь после убийства Горького.

Горький к 1917 прочно завоевал себе мировую славу пролетарского писателя. Будучи знаком практически со всеми социалистическими лидерами, он пользовался среди них огромным влиянием (а вдруг возьмет да опишет меня?) и поэтому в 1917 занял самостоятельную позицию, во многих крупных вопросах осуждая большевиков, но не порывая с ними. В 1922 он окончательно рассорился с Лениным, Троцким и Бухариным из-за процесса против правых социал-революционеров, который в глазах Горького выглядел непристойным сведением партийных счетов. Он эмигрировал в Италию. Связей с СССР он не утратил, и с ним обращались подчеркнуто вежливо и, главное, финансово выгодно в издательских вопросах, что Горький ценил весьма и весьма. Объяснялось это просто: он вывез с собой обширнейший архив, содержащий компрометирующий материал практически на всех знакомых ему большевиков (и др.). Первая жена Горького (Е.Пешкова) возглавляла Российский Красный Крест. Тогда еще по дореволюционной традиции дозволялось существовать легально в СССР организации, пекущейся о политзаключенных и политссыльных в СССР же. Правда, время от времени ОГПУ арестовывала краснокрестных деятелей, но "не за это". Жену Горького не арестовали (не осмелились тронуть и Веру Фигнер, которая испортила много крови гелеушникам), а придумали ход похитрее. Нет ничего удивительного в том, что по роду своей деятельности ей приходилось часто встречаться с чекистами. Не представляло труда познакомиться при таких встречах сына Горького (довольно безликий пьянчуга) с обязательной чекисткой в кожанке; вскоре сам сын Горького стал негласным сотрудником ОГПУ. И на него-то было возложено задание: привезти архив Горького в СССР. Горький безмерно

¹ При всей гротесковой пародийности этого абзаца он почти буквально (только конденсированнее) составлен из текстов Обвинительного заключения, составленного Шейниным и Вышинским и утвержденного Акуловым, приговора, вынесенного Ульрихом, и газетных статей 1934-35.

любил сына. Когда к власти в Италии пришел Муссолини, Горький стал подумывать, что хрен редьки не слаще (см. §1), а с деньгами делалось все туже. Маяковский его уговаривал: “Я знаю, Вас любит и власть, и партия. Вам дали бы все – от любви до квартир”, – и менее поэтические натуры, нежели Маяковский, подкрепляли эти возвышенные призывы щедрыми гонорарами за горьковские публикации в советской печати. С колебаниями, но обложенный со всех сторон, Горький вернулся в 1930 в СССР. Для тайной связи с эмигрантами В.Ходасевич откомандировал с Горьким свою племянницу-художницу. Его окружили поистине королевским почетом, но нигде никуда он не мог появиться иначе как в сопровождении высокопоставленных гепеушников; невестка обычно также всегда его сопровождала; она вскоре стала любовницей Ягоды.

Надо помнить, что прибыл Горький уже в нравственно извращенную страну.

Я с дымящей лучиной вхожу
К шестипалой неправде в избу:
Дай-ка я на тебя погляжу –
Ведь лежать мне в сосновом гробу!

А она мне соленых грибков
Вынимает в горшке из-под нар,
А она из ребячьих пупков
Подает мне горячий отвар.

– Захочу, – говорит, – дам еще...
Ну а я не дышу – сам не рад.
Шасть к порогу – куда там – в плечо
Уцепилась и тащит назад.

Тишь да глушь у нее, вошь да мша,
Полуспаленка, полутюрьма.
– Ничего, хорошо, хороша!
Я и сам ведь такой же, кума.

Не о Горьком ли написал эти строки Мандельштам в 1931? Действительно, шестипалая неправда¹ встретила Горького и арестами-Соловками и, в то же время, неотъемлемо, неслыханным пробуждением интереса трудящихся масс к литературе: читали все, всюду, всё. Так, как нигде на Западе не читают. Советская власть приобщила к грамотности, чтению га-

¹ У Сталина на правой ноге было шесть пальцев.

зет, популярных книжек и специальной литературы огромные слои населения. Ликвидация неграмотности, сеть библиотек, баснословные тиражи и дешевизна книг – все это совместно с афористичной четкостью и простотой основных лозунгов и плакатных принципов социализма воспитало множество людей, сознававших, что всеми своими знаниями¹ они обязаны Советской власти. Более того, эти люди, вырвавшись из темноты безграмотья, ощущали в себе прилив сил; зная, что мир устроен просто, они рвались и брались его усовершенствовать, перестраивая и не жалея обломков старого. Прошлые сложности не мешали им, не присутствуя в их жизни. Например, Твардовский стал писать стихи свободным от знания про акмеистов. Это новое социальное измерение дало первым, кто в него проник, несравненное чувство свободы, удачи, правильности жизни. Горький не мог не заметить таких настроений.

В литературе же укрепился извращенный способ публично высказывать правду. Например, побывав на строительстве Беломорканала (каторжном, убийственно верно изображенном в “Тулаге”) драматург Погодин захотел рассказать, что на этой стройке лица, осужденные за политику (инженеры-“вредители”, священники-“антисоветчики”) содержатся **совместно** с уголовниками (хулиганье, воры, налетчики, блатняки, проститутки); что блатные элементы **терроризируют** “политических”, отнимая у них одежду, еду, измываясь над ними; что почти все руководство чекистов на строительстве – из бывших **уголовников**; что проектные задания (деревянные шлюзы) – бред собачий. И в пьесе “Аристократы” Погодин все это показал; знающему человеку все понятно в первом же акте. Но как показал? Да так, чтобы пропустил и редактор, и цензура, и братья-писатели не сумели бы сочинить доноса. Восславив чекистов, высмеяв инженеров, заставив публику **сопереживать с ворами**, радоваться блатным штучкам. Единицы, посмотрев погодинскую пьесу, **поняли**, а десятки тысяч были **введены в заблуждение**. НКВД устроило поездку нескольких десятков писателей на Беломорканал: дескать, полюбуйте, что и вас ждет, коли рыпнетесь. И среди ездивших нашлись герои, которые

¹ Точнее – полузнаниями, потому что напряженный труд и изнурительный быт никогда не оставляли времени подвести под эти книжные знания фундамент устойчивости относительно критики, сомнений, соотнесенности с фактами. В частности поэтому люди, приобщившиеся к знаниям в те годы, столь болезненно переживают всякую критику.

осмелились **рассказать**, что заключенные узбеки в двадцатиградусный мороз работают в чем жили в Бухаре и Хиве: в тубетейках да тапочках; которые дерзнули поведать нам, что начальник лагеря, неправильно вычисляющий косинус, поучает квалифицированного инженера, как проектировать стройку. Они **зафиксировали** первичную информацию, факты, которые без того канули бы в Лету. Конечно, они имели возможность сохранить для нас с вами эти факты, портреты убийц-гулаговцев и фото изможденных з/к **только** в стиле гаерничанья, как в “Мастере и Маргарите” повествуется и об арестах за золото, и о писательских нравах, и о торгсинах. В стране шестипалой неправды вырабатывался ультраэзоповский язык. На много десятилетий вперед рассказать значимые факты стало мыслимо только “погорьковски”, т.е. сопровождая повесть об одном-двух фактах сотней восхваляющих власть придумок, сопровождая весь текст завывающими людоедскими изречениями.

Например, историк хочет поведать, что В.Бонч-Бруевич до революции дружил с раскольниками, помогал им, защищал от царского суда, а после революции отвернулся от них, даже личных приятелей не захотел оберечь от тюрем. Как он поступает? Он пишет брошюру, где разоблачает религиозный дурман, приписывает сектантам и раскольникам ритуальные преступления, всевозможные и даже невозможные злодейства, и только доведя таким путем редактора, цензора, братьев-историков до состояния отупения, вставляет в текст одну-две цитаты, недвусмысленно припечатывающие Бонч-Бруевича. В таком способе подачи сведений об Украинской Повстанческой Армии прямо обвиняли Я.Галана в 1948. Похоже, что некоторые грузинские драматурги прибегли к нему после снятия Мжаванадзе в 1973-74, отмечая роль уголовников в “перевоспитании” тех, кто при Мжаванадзе занимал видное положение.

Вряд ли в той атмосфере хоть один человек, оставаясь на свободе в СССР, мог бы не сделать ложных шагов. Горький их сделал предостаточно. Он пошел декламировать фразы вроде “Если враг не сдается, его уничтожают”, – но по возможности старался не допустить уничтожения заметных людей в СССР. При нем еще не было лихих расстрелов. Он защищал людей, отстаивая историю: при нем еще считались с историческими фактами, при нем была затеяна “История Гражданской войны в СССР” и вышел первый ее том, где хоть

и с прививаниями, но упомянуты практически все главные политические деятели соответствующего времени. Позже их просто вычеркивали из памяти поколений, чем, конечно, облегчалась работа физического уничтожения. К каким нравственно непредставимым компромиссам был принуждаем Горький – заслуживает отдельного романа. Но мы все тогда жили в фантастической атмосфере:

И ежедневно, ежечасно, трудясь страшились тюрьмы, и не было людей бесстрашней и горделивее, чем мы.

Ибо в те годы не только пугали. Как никогда выросла гордость советских людей. Совершались беспосадочные перелеты в Америку. Спасался экипаж ледокола “Челюскин”. Побеждался Северный полюс. В Москве за 1932-34 было построено полтора миллиона кв. метров жилой площади – больше, чем за предыдущие 15 лет. Широко развернулось кооперативное строительство: ЖАКТы, т.е. жилищно-арендные кооперативные товарищества. Позже эту жилплощадь забрало себе государство¹. В Средней Азии ликвидировались эпидемические заболевания. Осваивалась целина. Строился метрополитен им. Л.М.Кагановича. Гигантские успехи в досрочном завершении первой пятилетки и “планов наших громадь” во второй – вещались всеми газетами и радио². Второе возросло число вузов и второе же – техникумов. Были сложены замечательные песни, мелодии которых звучат до сих пор. Наконец, в 1936 народы Советского Союза получили лучшую в мире конституцию. К этому времени самостоятельное мышление в сфере политики было настолько раздавлено, так прочно упрятаны в тюрьмы и лагеря все прежние политические партии, так беспрекословен стал авторитет Сталина в своей партии, что он мог даровать населению конституцию (написанную Бухариным, всегда готовым дать свое перо победившему), содержащую в себе и впрямь формулы, провозглашающие самую широкую свободу: свободу слова, собраний, уличных шествий, прямое, равное и тайное всеобщее голосование. Если в прежних конституциях всегда выдерживался классовый принцип и нерабочие слои конституционно лишались избирательных прав, то после того, как в нацистской Германии был поставлен эксперимент со всеобщим голосо-

¹ По-видимому, Указом от 19 октября 1940. ЖАКТы ликвидированы в августе 1937.

² Тут Гитлер стал подражать Сталину и ввел у себя четырехлетку, шефом которой назначил Геринга.

нием, в ходе которого избирательные права давались даже узникам концлагерей и все равно за фюрера голосовало 100% голосов и 100% приняло участие в выборах¹, – после этого Сталин ликвидировал все классовые ограничения на выборах. “Морально-политическое единство” народа было столь велико, что до конца сороковых годов никто не осмеливался подумать, что может – имеет легальную возможность – воспользоваться правами, “гарантированными” Великой **Сталинской** Конституцией. Зато все знали, что за опоздание на выборы могут посадить на 10 лет – и не опаздывали, хотя, объективно говоря, сажали за это довольно редко, но ведь достаточно всеобщего убеждения.

В хор прославлений “страны чудес” и своего небывалого времени вливались голоса, руководствовавшиеся и еще специфическим мотивом. Хотели вытащить из-под жернова старых партийцев, скомпрометированных участием в правой оппозиции, и за невозможностью вслух заступиться за них лично, прибегли к прославлению их деяний. Славили Магнитогорск – посвященные знали, что это прославляют Ломинадзе². Славили задумку со строительством Дворца Советов – славили тем самым Михайлова, пострадавшего вместе с правыми, а теперь для своей реабилитации взрывающего храм Христа-Спасителя³. Прославляли крупнейшую в СССР Каширскую электростанцию как развивающую идеи ленинского ГОЭЛРО – славили Залуцкого. Восхваляли наркомтяж – это помимо Орджоникидзе возносили до небес Пятакова и Рухимовича. Приходили в экстаз от Северного Морского Пути – это подымали на щит его начальника Янсона. И так далее. Может быть, даже знаменитая поэма Маршака о почтальоне тоже удовлетворяла желание славить Рыкова, ныне наркомпочтель.

Вот с этой-то склонностью защищать живых людей высылся на пути к расстрелам независимый авторитет Горького, десятью годами старшего Сталина. И 18 июня 1936 он умирает в кремлевской больнице. Одновременно с ним умерли два санитара, позарившиеся на только что полученные

¹ На ноябрьском плебисците даже евреи единодушно голосовали за одобрение внутренней (антисемитской) политики Гитлера.

² Причастного и к “объединенной оппозиции”, и к заговору Сырцова. Он застрелился в 1935.

³ К слову, в те годы имя “Христос” писалось как нарицательное “христос” с маленькой буквы. Нашлись ученые-историки, обосновавшие сие.

Горьким шоколадные конфеты. Врач Плетнев, не сумевший скрыть, что видел коробку без трех конфет и три трупа, был обвинен в изнасиловании пациентки (“кусал ей грудь”), осужден за это на 10 лет, а полтора года спустя приведен уже на политический процесс, где признал себя убийцей Горького (по заданию Троцкого и требованию Ягоды); тогда получил 25 лет, но успел поведать эту историю где-то в лагере под Воркутой человеку, опубликовавшему ее. Первоначальное извещение о смерти Горького гласило, что он умер от болезни. Архив Горького по сию пору находится в совершенно опечатанном виде (строже, чем Архив ЦК), так что никто из самих хранителей архива не знает: уцелела ли там хоть одна бумажка?

Вот после убийства Горького-то и развязываются знаменитые открытые процессы.

В июле проводится торжественное заседание ЦК памяти Дзержинского (10 лет), где докладчик Микоян призывает к бдительности.

19-24 августа 1936 состоялся открытый процесс над Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым, Бакаевым, И.Г.Смирновым, Тер-Ваганяном, Крачковским и еще девятью никому не известными людьми, скорее всего заведомыми уголовниками и гепеушными провокаторами, взятыми по образцу “амальгам” Французской революции, дабы сходу компрометировать перечисленных политических вождей. Они признали публично, что по заданию Троцкого и Гимmlера создали “Объединенный троцкистско-зиновьевский центр”, убили Кирова и готовили покушения против Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе и, конечно же, Сталина. “Взбесившихся собак я требую расстрелять – всех до одного!” – заключил свою речь Вышинский, и суд уважил его требование; 25 августа по официальным сведениям все 16 осужденных были расстреляны¹. Газеты переполнились письмами трудящихся, кипевших негодованием против фашистских выродков, пытавшихся помешать счастью советских людей. Такие письма прислали и Пастернак, и Радек, и Вирта, и Бухарин. Томский покончил с собой сразу после приговора, по видимому, с протестующим письмом. Рыковпил беспорядно.

¹ У меня есть основания думать, что расстреляны были отнюдь не все. В частности, вряд ли был расстрелян Каменев. Доказательства, конечно, слабые, но ведь доказательств противного тоже практически нет.

За рубежом адвокаты Притт и Финнерти, а также “Лига прав человека” выступили с безоговорочным восхвалением московского процесса, как соблюдавшего строжайшие правовые нормы и основанного на исчерпывающем вопросе признания самих подсудимых, которых могли видеть все журналисты. Троцкий кипел от изумленного негодования, публиковал улики, опровергавшие судебные “улики”¹, но его просто никто не слушал. Сталин умел гениально (в этом он ученик Ленина) **выбирать врага**. Нападать на того, за кого заступится как можно меньше союзников, – в этом один из “китов” большевистской стратегии. Ну, скажите на милость, кому на Западе был нужен Троцкий, этот профессиональный бандит, заговорщик, подрыватель, авантюрист и догматик? Искушавшийся по горло в крови в гражданскую войну? Его французское правительство не впускает в Париж, английское – в Англию, норвежское – держит под домашним арестом, немецкое – судит группу троцкистов в Данциге и в Лейпциге... Да из кожи вон выбейся вся троцкистская и объективная пресса, разоблачая неувязки и нелепости инсценированных процессов – никто не заинтересуется, не вмешается. Точно так же внутри страны: когда Сталин незаконно уничтожает блестяще проводивших коллективизацию Баумана или Яковлева или Рудзутака или Сырцова, то разве ему приходится опасаться, что благодарные колхозники заступятся за уничтожаемых?

В сентябре Жданов и Сталин требуют снять Ягоду; он снят и на его место назначен Ежов²; страна берется в ежовые рукавицы. В ноябре в Новосибирске проходит открытый процесс над группой инженеров. Главный обвиняемый – сын Троцкого Седов³, которого, в частности, обвиняют в том, что по заданию папы и Гитлера он подсыпал в пищу в рабочих столовых толченное стекло. Расстрел.

¹ Почти все, что касалось зарубежных встреч обвиняемых, было проверено Троцким и позже комиссией Джона Дьюи (философа) и оказалось, что судебные “улики” – сплошная липа, рассыпающаяся сразу, лишь только возьмешь карту города и расписание авиарейсов. НКВД не утруждала себя хотя бы работой по составлению доброкачественного сценария.

² У Конквиста путаница: он утверждает, будто Ягода был снят только в феврале 1937, а арестован в октябре 1937. Нет, снят в октябре 1936, арестован в марте 1937.

³ Еще в бытность отца у власти он порвал с отцом, интересуясь исключительно техникой. Но публичное заявление о разрыве с Троцким, что от него требовали в 1930, подписать отказался.

23-30 января 1937 в Москве открыто судят Пятакова, Радека, Сокольников, Серебрякова, Муралова, Дробниса и еще 11 человек. Этот “Параллельный троцкистский центр” по заданию Троцкого и Гесса планировал расчленение СССР между Германией и Японией, реставрацию капитализма, железнодорожные крушения, передавал шпионские сведения о химической промышленности, намечал покушения против Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Жданова и Берия¹. Четверых, в том числе Радека и Сокольников, почему-то не расстреляли; впрочем, они жили недолго². Остальным – расстрел. Фейхтвангер одобрил советское правосудие. Орджоникидзе покончил с собой 18 февраля.

25 февраля открылся февральско-мартовский пленум ЦК, принявший коллективное решение об уничтожении партийных кадров. Он начался докладом Молотова: “Уроки вредительской, диверсионной и шпионской деятельности японско-немецких троцкистских агентов” (пока еще – только “троцкистских”, а в заключительном слове Сталина 5 марта уже зарокочут слова: “... нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, ...”). В промежутке был доклад Ежова и попытка Постышева и Г.Н.Каминского воспротивиться репрессиям. Но Сталин требовал:

Прежде всего необходимо предложить нашим партийным руководителям, от секретарей партийных организаций до секретарей областных и республиканских подобрать себе в течение известного периода по два человека, по два партийных работника, способных быть их действительными заместителями. Могут сказать: а где их достать, двух заместителей на каждого, у нас нет таких людей, нет соответствующих работников. Это неверно, товарищи. Людей способных, людей талантливых у нас десятки тысяч...

Эти товарищи должны дать не одну, а несколько смен, могущих заменить руководителей Центрального Комитета нашей партии. Это необходимо и это должно быть сделано.

Трехсоттысячным тиражом партия и страна были оповещены в первых числах апреля 1937, что надо заготовить несколько смен ЦК, секретарям обкомов и низовых партакеек. А куда денутся прежние? К концу 1938 было арестовано свыше 80% членов того ЦК, которое приняло эту резолюцию, и свыше

¹ Цитирую по изданию 1948 и не уверен, что в 1937 фигурировала фамилия “Берия”, а не “Косиор” или “Ежов” или иная.

² Верхний предел лишения свободы был поднят с 10 лет до 25 лет.

60% делегатов XVII съезда, избравшего это ЦК. По сведениям энкаведиста Кривицкого, удравшего в 1938, в мае 1937 было арестовано 300 000 человек. Напомним, что в 1894 году число заключенных, включая каторжников и подследственных, политических и уголовных, равнялось 96 000. Число лагерников (включая бытовиков) в 1936-37 достигло шести миллионов, а в 1938 – семи. Ведь хотя репрессии были нацелены на нынешний и прошлые составы ЦК¹, каждый из чекистов имел свою клиентелу, те – семьи, те – знакомых. Скажем, Пятаков признавался под пытками во вредительстве и наобум перечислял несколько главков, в которых он вел вредительство. После расстрела Пятакова другие энкаведисты, не знавшие даже о том, что Пятаков все придумал под пытками, брали головку каждого из главков и выбивали признания с указанием конкретных заводов, где повторялось то же с директорами и инженерами. Так как спускали **план** по выявлению “врагов народа”, то было опасно отстать в проценте выполнения. С отчаяния местные следователи хватались за любые списки, будь хотя бы список начальников вокзалов такой-то дороги, арестовывали по списку и список же клали в основу перечня членов шпионской организации. Правда, это не спасало и самих чекистов: Ежов начал с поголовных арестов в самом НКВД. Словом, бомбили ЦК, и как всегда при бомбежке в сотни раз больше гибло случайных жертв. Но жертвы эти были безразличны бомбящим.

Другой безотказный способ посадить таков. Лет десять назад троцкие и бухарины, а еще больше их клиенты, наводнили литературу своими писаниями: от истории партии до вопросов быта, от философических трактатов до литературно-критических эссе. Все это писалось как вещание истины с высшей партийно-государственной инстанции и заполняло казенные и личные библиотеки. Теперь же при Ежове достаточно было вашему гостю обнаружить у вас дома книжку со статьей или даже именем “врага народа” (а в сию рубрику автоматически попадал всякий осужденный), как вы делались бесспорно виновным по

¹ До XVII съезда в высшей номенклатуре (члены и кандидаты Политбюро, Оргбюро, Секретариата президиума ЦКК и т.п.) вращались 105 фамилий. Из них в ежовщину репрессированы 61 фамилия, а перешли в высшую номенклатуру на последующий период только 14 фамилий: Андреев, Владимирский, Ворошилов, Вышинский, Жданов, Каганович, Калинин, Маленков, Мехлис, Микоян, Молотов, Сталин, Шверник, Шкирятов. Прочие умерли, застрелились, в отставке-опале и т.п.

ст. 58-10 – хранение антисоветской литературы. Сотни тысяч читателей и библиотекарей ревностно выскабливали ставшие навеки проклятыми имена, вырезали страницы, вымарывали портреты, жгли книги. Не успевшие сделать этого – оказывались на Колыме, в Норильске, на Воркуте, за Тайшетом (там строилась зловещая Байкало-Амурская Магистраль, кончившаяся полной смертью и строителей, и конвоя, которым командовал Мрачковский, пока его не расстреляли).

Кстати, это придание обратной силы осуждению сохранилось в облегченной форме в советском быту и в послесталинские времена. Достаточно Виктору Некрасову эмигрировать в 1974 – как из библиотек изымается, а магазинам запрещается покупать-продавать казалось бы навеки незыблемо вошедшую в советскую литературу его книгу “В окопах Сталинграда”, увенчанную в 1946 Сталинской премией, формировавшую всю последующую советскую литературу о войне (но теперь и в историко-критических-литературоведческих работах упоминать ее уже запрещено намертво), вдолбленную в сознание всех школьников, учившихся между 1950 и 1970, как обязательный материал на уроках литературы. Правда, сейчас ни за ее хранение, ни за распространение не посадят, хотя из партии выгнать могут.

В июне 1937 Ворошилов доложил об аресте Тухачевского, Уборевича и других изменников в наркомате обороны; “подлый трус Гамарник побоялся предстать перед лицом советского правосудия”, – выразился он¹. Расстреляны. К празднику двадцатилетия Октября расстреляны Догадов, Криницкий, Лебедь, Лобов, Милютин, Михайлов, потом Квиринг – ограничиваясь лишь высшей номенклатурой. Ежов делается кандидатом Политбюро. В январе 1938 Мехлис становится членом Оргбюро и маршалом (он заменяет Гамарника на посту начполитуправления армии). Еще один пленум ЦК² одобряет политику партии, беспощадное выкорчевывание врагов народа, но осуждает необоснованные репрессии. Загадка? Ничего подобного! Просто под этим флагом расстреляли Постышева, который в 1937 был снят с Украины

¹ Ходит детективная полуофициозная версия, будто бы фашистская разведка для ослабления Красной армии подбросила компрометирующие материалы на Тухачевского и др. Но как видно из слов Гитлера Шпееру, Гитлер ничего про это не знал. Он даже готов был поверить в настоящий заговор Тухачевского против Сталина.

² Был ли кворум? Или как-нибудь кооптировались новые?

(заменен Хрущевым), переброшен в Поволжье, где с перепугу выказал такое усердие, что посадил всех до одного областных работников. Ворошилов, Молотов и Каганович обрушились на него: “Что, разве ни одного честного человека не было?!” – и расстреляли самого.

2-13 марта 1938 в открытом процессе слушалось дело Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского, Раковского, Розенгольца, Зеленского, Икрамова, Ходжаева, Шаранговича, Плетнева и др.¹ (всего 21 человек). Они обвинялись в покушении на убийство Ленина в 1918, в службе в царской охранке в 1912, в шпионаже в пользу Германии, Англии и Японии с 1920 года по заданию Троцкого, в убийстве Кирова, Менжинского, Куйбышева, Горького, в покушениях на Сталина, Ежова и других вождей правительства, в прокладке дорог через белорусские болота с целью способствовать польской интервенции, в анемии лошадей, в планах отторжения от СССР Украины, Белоруссии, Приморья, Грузии, Армении, Азербайджана и Средне-Азиатских республик. Разумеется, они во всем признались, кроме Крестинского, который пытался было взять назад свои показания, но после немедленного перерыва по требованию Вышинского – взял назад свой отказ. Бухарин казуистически пытался дать понять, будто на Ленина все же не покушался. Но такие частичные оговорки лишь подкрепляли общее впечатление искренности признаний в целом. Кроме троих, всех расстреляли².

Тем же летом во французской больнице убит второй сын Троцкого – Лев Седов, активный политический деятель, правая рука отца. Из-за репрессий против чекистов многие из них бегут (в частности, бежал Ф.Раскольников³) и выступают с разоблачениями. Наиболее опасными оказываются сделанные Игнацием Рейссом. Его убивают в Швейцарии, но нечисто, и в

¹ Все осужденные по перечисленным процессам реабилитированы в судебном порядке, но в партийном только Крестинский, Зеленский, Икрамов и Ходжаев. Почему – неизвестно.

² Мне известен человек, видевший в лагере в 1941 живого Рыкова. В Карелии с баржи на берег летом (уже шла война) сносили под чрезвычайной охраной носилки с людьми, задержанными брезентом. У него брезент свалился, он узнал Рыкова и тот прошептал: “Я – Рыков”. Охрана побоями прогнала его прочь, задержали брезент и всех унесли. Рыков официально числился расстрелянным 15 марта 1938.

³ Удивительно, но его брат Ильин-Женевский не был посажен.

результате проваливается лучшая советская агентура в Европе: “Союз за возвращение в Россию”, состоящий из лиц, эмигрировавших в гражданскую войну, жаждущих вернуться на родину, но не допускаемых, покамест не отработают должной за то платы. В частности, при этом подвергается разоблачению Сергей Эфрон – муж М.Цветаевой. Он отзывается в СССР, где вскоре ликвидирован. Она, приехав к нему в СССР, подвергается среди знакомых тройной изоляции: бывшая белоэмигрантка, жена чекиста и вдова врага народа.

В январе 1938 Хрущев взамен Постышева делается кандидатом Политбюро, а в августе взамен арестованного Эйхе – членом Политбюро. В июле 1938 Берия назначается заместителем Ежова. Репрессии растут, вырождаясь уже в бессмысленное избиение управленческих кадров и городского населения. В декабре Берия сменяет Ежова, делаясь наркомвнудел и маршалом, но Ежов остается нарком водного транспорта и даже попадает на XVIII съезд делегатом в марте 1939, но до сентября 1939 арестуется и попадает в сумасшедший дом, так что в стенограмме съезда его фамилия не значится. За день до съезда скоропостижно умирает Крупская, готовившаяся выступать на нем. Докладчик Жданов подчеркнул, что политика партии была как никогда правильной, но осудил клеветнические доносы и истребление честных советских людей. Была создана во главе с Берия Комиссия по восстановлению законности, которая аннулировала все дела, не законченные производством, и выпустила из лагерей широкую категорию осужденных военных, преимущественно тех, кто не признал себя на следствии виновным. Но реабилитация происходила негласно, с освобождаемых бралась подписка о неразглашении. Газеты стали публиковать списки восстановленных в партии коммунистов. Политбюро XVII съезда состояло (в таком именно порядке перечисления): Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Калинин, Микоян, Андреев, Жданов, Хрущев при кандидатах Берия и Шверник. В 1940 в Мексике был убит Троцкий¹, за что орденом Ленина награжден не

¹ В Мексике было двое соперничавших художников: Ривера и Сикейрос. Так как Ривера поддержал Троцкого, то Сикейрос согласился убить его и ночью с парнями прострелял всю виллу насквозь из автоматов и кинул бомбу; она не взорвалась. Суд счел, что Сикейрос просто ставил художнический эксперимент и не повинен в убийстве. Потом уже другой, тоже с испанской кровью, сумел убить Троцкого.

только убийца, но и его мать, не говоря уже о генерал-полковнике Эйтингоне, организовавшем покушение.

Власть – говорил Муссолини, – опирается на первоначальный авторитет, **не** создаваемый голосованием на выборах.

И Сталин создал себе авторитет, не опиравшийся ни на голосование на всеобщих выборах 1937 года, ни на голосования на партсъездах при выборе ЦК. Потому и приходится останавливаться на этих репрессиях подробнее, что в них – корень авторитета той власти, которая в третьем поколении дошла до наших дней. В терминах социопсихологии самое главное, что в стране установилось **властепоклонничество** в чистом виде: власть права уже по одной той причине, что она власть. Угадывать волю власти и ломать сопротивляющихся власти – вот высшая гражданская добродетель, и все личные “добродетели” должны быть подчинены ей. Психика каждого человека помимо открытых Фрейдом “сознания” и “подсознания” в советско-сталинских условиях получила еще надстройку – “сознательность”: это модельное поведение, автоматически возникающее при общественных контактах, а порой и при семейных.

Бесспорно, Ежов преследовал и свои цели, в частности, сводил счеты с теми, кто недостаточно почтительно выслушивал его приказы, когда он был всего лишь личный секретарь Сталина. Но не меньшую ответственность – **политическую ответственность** – несет Жданов, требовавший назначить Ежова наркомвнуделом для раздувания репрессий. Известно, что члены Политбюро связывались между собой кровавой круговой порукой: на запрос Сталина, что делать с таким-то, члены Политбюро Ворошилов, Каганович, Молотов и другие писали, матерясь, требования расстрела. Наконец, сам факт февральско-мартовского пленума ЦК свидетельствует, что для санкционирования репрессий был привлечен коллективный мозг партии – ленинско-сталинский ЦК. Поэтому винить одного Ежова или Сталина бессмысленно. Хотя непосредственно в “раунде” 1934-39 больше всех выиграл Жданов, массовая ликвидация политических кадров партии была необходимым условием последующего возвышения заведомо руководящих парткадров Маленкова – т.е. партийного аппарата. Фактически старая большевистская партия перестала существовать, и только побочными обстоятельствами можно объяснить, что название ей сменили позже. Большевики были отправлены в лагеря – у власти стали капеэсэсовцы.

Почему подсудимые признавали себя виновными в таких преступлениях, которых они заведомо не совершали, не могли совершить и знали, что не совершали? Это вопрос, выходящий за рамки данного повествования¹. Каждый сам творит свою судьбу. Один спасает жизнь, другой – положение, третий – душу, четвертый – знамя, пятый – семью. Среди осужденных были разные люди. К ним применялись различные приемы выколачивания признаний: от химических (академик А.Н.Бах, старый народоволец, работал по применению химии в военном и следственном деле) до физических (пытки были санкционированы ЦК циркулярно в 1937). Думаю, что наиболее главным фактором согласия сотрудничать со следователем в деле собственного осуждения была вера в пролетарскую революцию. Испытав полное крушение всей личной жизни, рухнув с вершин положения вождя (страны или местного), они должны были цепляться за светлые воспоминания, когда они были героями, революционерами, вождями мирового пролетариата. В этот момент переосмыслить свою жизнь, признать, что шел последние 20 лет или больше по неверному пути – требуется сверхчеловеческое усилие. Отказаться от своего прошлого – что же тогда остается?! Значит, вера в правоту рабочего дела, в правоту мирового социализма расцветала в камерах особенно ярко. Но тогда тем невозможнее делалась **открытая борьба против государства трудящихся**. Они всю жизнь созидали это государство трудящихся, а теперь будут на суде обвинять следователей – **советских следователей** – в применении незаконных методов, станут обвинять Сталина, которого верно или ошибочно все коммунисты мира признают вождем, в ошибках и нарушениях законности, во лжи?! Но тогда они станут работать на мировой фашизм, на мировую социал-демократию! Нет!! Нельзя порочить великое знамя социализма. В мире есть только одна страна победившего социализма, и они не позволят себе сделать ничего, что умалило бы величие этой страны. Такая мысль, такое поведение вытекает из того, что они не мыслили своего отдельного существования (ср. высказывания Пастернака и Солженицына).

Разумеется, подследственные приходили к этой мысли не сразу, а после долгих истязаний, после “конвейера” допросов.

¹ К тому же, признавались далеко не все. Арестовывали тысячами, а на открытых процессах фигурировали отобранные десятки.

Но следует помнить, что, как и в случае с Дегаевым, интеллигента нельзя только пугать, ему надо подсовывать рациональный или квазирациональный путь к отступлению и **объяснению** отступления.

Есть и еще один аспект, о котором почему-то не пишет никто из известных мне авторов. Ведь большое число репрессированных деятелей партии все-таки на самом деле строили козни против Сталина. Сокольников и Бухарин тайком вели переговоры с исключенным из партии Каменевым; другие, как минимум, голосовали против кандидатуры Сталина при избрании ЦК XVII созыва. С точки зрения общечеловеческого права (как сами бы они выразились: “с позиций формального буржуазно-демократического права”), конечно, ничего преступного в их вычеркивании кандидатуры Сталина из тайных бюллетеней для голосования не было. Не так это воспринималось ими самими. Начать с того, что вслух публично никто из них не высказался против кандидатуры Сталина; поэтому в тайном его вычеркивании содержался элемент моральной нечистоплотности, который тем острее ощущался каждым, что само слово “мораль” они презирали, что они гордились своей большевистской принципиальностью и т.п. Далее, разговоры полупрошпотов-намеками перед голосованием создали у них у всех убеждение, что “вся партия с нами против Сталина”, – тогда как объявленные результаты голосования породили ощущение растерянности и “измены где-то”: значит, только один я, дурак этакий, голосовал против!

Поэтому на следствии достаточно было сначала сломиться и показать **правду**, что голосовал на XVII съезде против Сталина: это и было реальным преступлением. Оно, бесспорно, выглядело в тот момент преступлением и в глазах следователя, и в глазах подследственного: делегат съезда именем Сталина получал мандат на съезд, где тайком изменял своим избирателям и пытался свергнуть того, кого так любит весь народ, кто ведет партию по ленинскому пути! После того, как подследственный признавал свою **настоящую вину**, начинались переговоры со следователем, **как ее оформить**, ибо о том, чтобы проболтаться **общим врагам социализма**, как было на самом деле, никому из двоих не могло бы и в голову прийти.

Гораздо важнее даже не причины такого поведения, а последствия.

За 10 лет качественно изменилась численность лагерников: в 1928 их 30 тысяч, в 1930 – 600 тысяч, в 1931-32 – 2 миллиона, 1933-35 – 5 миллионов, 1935-37 – 6 миллионов, 1937-38 – 7 миллионов. Эти цифры есть у Конквеста и у других, причем Конквест проводит очень интересный анализ данных переписи 1959. Ведь когда речь идет о событиях такого масштаба, они становятся факторами демографического значения.

Возникла и глубоко вкоренилась – по сегодняшний день – вера во вредительство. Говоря образно, в СССР широко распространилась манихейская ересь: вера в самостоятельное существование зла. Известно, что большинство зла в мире возникает не умышленно, а из-за несогласованности действий различных людей, из-за того, что действующий не подумал о последствиях своих поступков, из-за того, что у людей различные системы ценностей. Но манихейская вера учила, и Сталин учил, что всякое зло, всякое неустройство, всякая авария, всякая недостача имеет своего живого виновника, носителя зла – дьявола, вредителя, злоумышленника. Живут нормальные, хорошие, простые советские люди. К ним являются – обычно присылаемые Троцким или другим дьявольски-гнусным лицом – вредители, ставящие своей целью испортить, помешать сплошному ликованием победного шествия советского народа. Вредительство свертывается продуманно-хитроумно и в то же время наглядно-очевидно, так что даже простой человек может его вскрыть и обнаружить, так что нет нужды в каком-либо тонком анализе служебных поступков вредителя или его душевного мира, чтобы убедиться в факте злоумышления.

Психология **вредительства** парализовала государственную, хозяйственную и инженерную мысль страны. Эта психология, естественно, связана тысячей нитей с психологией железного занавеса, которым в 1937 году СССР уже прочно отгородился от всего мира. Железный занавес, страх контактов с иностранцами (все до одного эсперантисты были посажены) прекрасно восстанавливал ту ячейку в социальном мышлении, в социальной психологии, которая прежде занималась православием. Та же истовость веры – при той же неформальности, нечеткости символа веры – при том же убеждении, что у нас в стране живет лучше всех, счастливее всех, что если мне лично в чем-то плохо, то это досадное исключение.

К анализу, истинному, глубокому анализу духа советских людей прикоснулся не Солженицын, а Оруэл в “1984”. Это сплав “соленых грибков” и “ребячьих пупков”. Это страх опоздать на выборы, ибо за это посадят, и гордость тем, что у нас самая совершенная в мире конституция, какой нет ни в одной стране мира. Это очереди за продуктами и за промтоварами, раз в много лет выпадает удача достать галоши либо брюки, и в то же время жалостливое сочувствие к живущим под гнетом капитализма: “У них, бедных, небось и керосину-то нет”.

ЛИТЕРАТУРА

- М.Булгаков. “Мастер и Маргарита”.
“Бюллетень оппозиции”, 1929, 1941.
Г.Владимов. “Верный Руслан”, 1965.
Горький. Сочинения последних лет и письма.
Е.Гинзбург. “Крутой маршрут”.
Н.Вирта. “Заговорщики”.
Б.Дьяков. “Повесть о пережитом” – “Октябрь”, 1963.
Б.Дышленко. “Антрну” – “Часы”, № 7, 1977, Ленинград, СИ.
Ю.Домбровский. “Хранитель древностей”, 1964.
“Краткий курс истории ВКП(б)”.
Е.Лебль. “Меня судили вместе со Сланским”.
А.Лондон. “Воспоминания о процессе Сланского”.
Оруэл. “1984”, “Ферма животных”.
Платонов. “Епифанские шлюзы”.
А.Солженицын. “Архипелаг Гулаг”.
Стенограммы процессов 1936, 1937 и 1938 годов; есть и сокращенные газетные издания.
Селимович. “Крепость”, “Дервиш и смерть”.
Л.Фейхтвангер. “Москва 1937 года”.
Н.Я.Хазина-Мандельштам. “Воспоминания”, “Вторая книга”.
Л.Чуковская. “Софья Петровна”.
Шаламов. “Колымские рассказы”.
Б.Ясенский. “Я жгу Париж”, “Заговор равнодушных”.
Якубович. “Письмо прокурору РСФСР”, 1967.

§ 5. Вторая мировая война

Кто начал войну; распределение власти на XVIII съезде (Сталин-Андреев-Жданов); Пакт о ненападении и Договор о дружбе; территориальные изменения 1939-40; противостояние Жданова Маленкову-Берии по вопросу о войне; клиента Жданова; “внезапное” нападение; война – всенародное дело; единение народа с правительством; Жданов возвращается в Москву; высшая власть в 1946; наступление Жданова в 1947-48; блок Маленкова-Хрущева и крах ждановцев; Берия; евреи; подготовка смены Политбюро и широких репрессий; власть на XIX съезде; нищета и страх.

Пока Россия занималась самоистреблением, мир вползал в новую войну. Если относительно первой мировой войны могут быть споры, кто в ней повинен, то относительно второй виновник бесспорен – Гитлер. Однако не так объяснял причины возникновения войны журнал “Большевик” в июле 1940 года; он вопрошал:

И в самом деле, как развернулась война, затеянная в Европе англо-французским империалистическим блоком? (№ 14, стр.2, передовая статья).

Гитлер планомерно и умело готовился к завоеванию всего мира. После Версальского мира Германия была ограблена, частично оккупирована, разделена на части. Национал-социалисты знали, что собирание Германии в единое государство неминуемо наткнется на противодействие тех стран, которые приложили руку к отторжению от Германии населенных немцами территорий: Франции, Чехословакии, Польши, а потому и тех стран, которые связаны с этими государствами союзными договорами – в первую очередь Англии. И нацисты энергично развивали (как я писал в §1, в условиях своего нэпа) военную промышленность. Заодно они ликвидировали безработицу, повысили жизненный уровень и престижный статус немецкого рабочего, чем завоевали себе популярность в массах. Вместе с тем, Гитлер напрягал все свои дипломатические способности, дабы расколоть фронт своих потенциальных противников и побить каждого из них поодиночке. Ни Англия, ни Франция воевать не хотели, к войне готовы не были и относились к агрессивным поползновениям Германии примерно так же, как нынешние

США к вьетнамско-камбоджийским делам: “Не хотим проливать свою кровь за этих желтомазых”.

Внешняя – как принято официально изъясняться “мирная” – политика СССР базировалась на указаниях Ленина вроде таких:

...надо использовать противоположности и противоречия между капитализмами, между двумя системами капиталистических государств, натравливая их друг на друга. Пока мы не завоевали всего мира, пока мы остаемся, с точки зрения экономической и военной, слабее, чем остальной капиталистический мир, до тех пор надо держаться правила: надо уметь использовать противоречия и противоположности между империалистами... Если их обоих нельзя победить, надо уметь поставить свои силы так, чтобы они передрались между собой... Еще больше нас спасло бы то обстоятельство, если бы империалистические державы оказались в войне. Если мы вынуждены терпеть таких негодяев, как капиталистические воры, из которых каждый точит нож против нас, прямая наша обязанность двинуть эти ножи друг против друга... Если возьмете две империалистические страны: Японию и Америку – они хотят воевать ... этот корейский лакомый кусок хотят вырвать американцы. Конечно, защита отечества в такой войне будет величайшим преступлением, будет изменой социализму. Конечно, поддержка одной страны против другой будет преступлением против коммунизма, но мы, коммунисты, должны использовать одну страну против другой.

Эти поучения датированы 26 ноября 1920 и предназначены для секретарей ячеек московской организации РКП(б), именно потому они были изъятые из IV издания собрания сочинений Ленина. Не один Ленин думал так. Напомню директивы Володарского:

Когда продолжают драться империалисты, советская народная Россия может выиграть. И мы говорим: основа нашей политики – это лавировать между двумя империализмами, пытаться пройти между ними, заключив сегодня с одним мирный договор, завтра у другого взяв бронированные поезда, пулеметы, пушки, через три дня порвав и с тем, и с другим. ...Когда через 5-6 месяцев наступление немцев кончится ничем, Германия уложит полмиллиона своих солдат, не менее уложит Англия и Франция, а мы будем иметь под ружьем миллион штыков, мы тогда сможем сказать: господа империалисты, не угодно ли прислушаться к нашему голосу.

Разумеется, эдакое инфантильное высказывание своих планов и стратегических намерений вслух отошло к 1939 в область преданий и публично никто **так** не мотивировал¹ (да и

¹ Впрочем, как следует из интервью Сталина 30 ноября 1939, “Кафешантанные лжецы из агентства ГАВАС” утверждали, будто бы

сегодня в связи с Ближним Востоком не мотивирует) позиций Советского Союза. Но ничего нельзя понять во внешней политике СССР, если забыть эти основополагающие формулы.

Специально к 1939 году отношение к назревающему конфликту между Германией и франко-английским блоком бесспорно определялось дополнительно соображениями относительно родственности социалистических и антипарламентарных общественных устройств СССР и Германии, но сами по себе они не являлись решающими.

Первый жест в сторону заигрывания с Гитлером имел место в Испании: в начале 1939 из Испании были выведены советские войска и советники. Почти немедленно последовал второй жест: на XVIII съезде Сталин резко прошелся в адрес англо-французской и североамериканской прессы, раздувающей “подозрительный шум, имевший своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований”, – но это сочеталось еще с терминологией, в которой Англия, Франция и США именовались неагрессивными государствами, а Германия, Италия, Япония – странами-агрессорами. На эти жесты Гитлер никак не реагировал. Но когда в мае 1939 нарком иностранных дел еврей Литвинов был снят и наркоминделом назначен русский Молотов, Гитлер незамедлительно отозвался предложением выгодных торговых сделок. В 1938-39 году Гитлер присоединил к Германии Австрию, что с точки зрения национального самоопределения немцев не вызывает возражений, хотя способ присоединения, конечно, был бандитским, и фактически присоединил Чехословакию, уступив части ее Польше и Венгрии – обе они были настроены антигермански, их следовало задобрить или хотя бы усыпить. Миротворцы в Париже и Лондоне не склонны были воевать из-за таких малостей. Только “поджигатель войны № 1” Черчилль, находившийся в оппозиции, кричал о необходимости дать вооруженный отпор агрессорам. К лету 1939 под давлением таких голосов британское правительство подтвердило свои союзные обязательства защищать Польшу, если та подвергнется нападению со стороны Германии, Франция присоединилась к заявлению. В то же время Гитлер всю свою внутринемецкую пропаганду уже построил на идее вы-

Сталин на подписании договора с Гитлером произнес в Политбюро именно такую речь, которая напрашивается при чтении Володарского и Ленина.

зволюения из польского рабства немцев Данцига и других местностей, на необходимости соединения Германии с Восточной Пруссией “прямым коридором” и т.п. Отказаться от этих требований означало бы для него утратить авторитет в своей партии, в Германии. Но начинать войну против Англии Гитлер не хотел; он предвидел, что Германия не сумеет выстоять в такой глобальной войне против Англии с ее колониями, разбросанными по всему миру, пользующейся поддержкой США. Промышленный потенциал Британской империи на порядок превосходил промышленный потенциал Немецкого рейха, а Гитлер знал, что в современной войне решающая роль принадлежит промышленности.

Возможно, вторая мировая война не началась бы, или хотя бы оттянулась началом на несколько лет, если бы в столь критическую для судьбы национал-социализма минуту ему на помощь не пришла сталинская дипломатия. Советские дипломаты произвели тот же самый подсчет, который только что привел я, и обнаружили, что Германия существенно слабее Англии. Поэтому с точки зрения гарнизона социалистической крепости (см. §10 кн. 3 о “мировом пожаре”) следовало натравить Германию на Англию, дожидаться, пока Англия обескровит себя в войне против Германии, а Германия полностью выдохнется, и тогда придти на помощь западноевропейскому пролетариату, освободив Европу и от Германии, и от Англии, и от какие там еще есть национальные мелочи.

Я сказал: “дипломаты”. Дипломаты таких вопросов не решают, это компетенция высшей власти в стране – Политбюро и секретариата. Мы уже в прошлом параграфе перечислили Политбюро. Оргбюро сохранило в своем составе Сталина и Жданова, пополнилось за ежовщину Андреевым и Мехлисом, а на XVIII съезде еще Михайловым и Маленковым. Маленков добавился также к тройке секретарей Сталин-Андреев-Жданов. Так прежние личные секретари Сталина Маленков и Мехлис поднялись до высших оргпостов во всей партии. Маленков при этом по-прежнему ведал партийными кадрами, а Мехлис – наркоматом контроля и политуправлением РККА. Михайлов Н.А. ни в каком родстве с расстрелянным своим тезкой В.М.Михайловым не состоял. Он появился наверху взамен арестованного в самом конце ежовщины Косарева: на юбилейном съезде комсомола в ноябре 1938 появился Жданов, после чего почти весь ЦК ВЛКСМ был посажен “за собутельничество и приятельские отношения”, а Косарев расстре-

лян. Примечательно, что за несколько часов до ареста Косарева Сталин его прилюдно обнимал и целовал. Михайлов стал генсеком ВЛКСМ.

Правящая тройка означилась в составе Сталин, Андреев, Жданов. Титулуемые прежде двух последних имен Ворошилов, Каганович, Калинин не обладали, по-видимому, никакой реальной властью: Каганович не мог спасти от ареста в 1941 своего родного брата и тому пришлось застрелиться; Ворошилов в 1940 расстался со званием наркома обороны; Калинин и никогда властью не обладал. Титулуемый непосредственно после Сталина Молотов, председатель Совнаркома, по-видимому, обладал властью, но была ли она сравнима с властью Жданова – сомнительно. Жданов же почти всемогущ, воспринимается как второе после Сталина лицо. В его руках Агитпроп, вся ленинградская парторганизация, вся московская (первый секретарь – зять Жданова Щербаков, второй – Попов, весь Госплан – Вознесенский). Так как Сталин вряд ли сам утруждал себя анализом текущих дел и выработкой военно-политической стратегии¹, то из двух оставшихся триумвиров Жданов как более молодой и свежий должен был главенствовать над Андреевым. Еще обладай тот своим стабильным аппаратом в секретариате ЦК, он мог бы уравновесить шансы, но ведь Андреев сам стал секретарем всего лишь в 1935!

Жданов объезжает страну, свежим хозяйским глазом усматривает то одну, то другую помеху: слишком близки финны к моему городу; отойдет крейсер на сотню километров от Кронштадта – уже и слева и справа по борту чужая земля, чужие орудия, то ли было до первой мировой войны! И в его уме рождается гениальная идея, о которой сказано выше. В конце июня 1939 он публикует в “Правде” статью, где объясняет, что союз СССР с Германией – единственный путь к миру, единственный способ дать отпор англо-французским империалистам, пытающимся спровоцировать войну между Германией и СССР. Гитлер страстно хватается за протянутую

¹ Сталин в это время был занят куда более важным делом: он готовился к торжественному празднованию 60-летия своего рождения, имевшему состояться в декабре 1939. Уже и самый любимый его драматург М.Булгаков сочинял “Сталин в Батуми”, и любимейший его театр МХАТ выехал в Батуми на месте репетировать самую пьесу – да тут вмешалась докучная внешняя политика и помешала единственно интересному в жизни... Моя интроспекция Сталина подсказывает мне, что счет прегрешений Жданова, предъявленный ему в 1948, Сталин начал с “из-за него сорвался мой юбилей в 1939”.

руку. Это для него – единственный выход из тупика, в котором он очутился после подтверждения Англией своих военных обязательств по договору с Польшей. Он возбужденно ходит в своем горном домике и твердит окружающим:

Это – моя единственная надежда. Я все поставил на эту карту. Если потребуется – я сам поеду к Сталину.

Не потребовалось. Достаточно было визита рейхсминистра иностранных дел фон Риббентропа в Москву, чтобы 23 августа был подписан Пакт о ненападении и секретный протокол к этому Пакту, согласно которому проводилась линия раздела зон влияния между Германией и СССР. Газета “Правда” опубликовала без возражений речь Риббентропа, в которой сообщалось, что

между вашим и нашим строем нет никакой принципиальной разницы.

Гитлеровская “Майн кампф” была переведена на русский язык и издана с грифом “Только для членов ВКП(б)”. Риббентроп, вернувшись в Берлин, захлебывался от восторга:

Так легко и хорошо было на приеме у Сталина, словно на банкете наших старых партийных товарищей.

НКВД и гестапо произвели обмен своими заключенными: в Германию были отправлены немецкие коммунисты, эмигрировавшие в СССР и тут в ежовщину осужденные как шпионы; впрочем, это, кажется, произошло несколько месяцев спустя.

Дождавшись, когда экстренная сессия Верховного Совета СССР ратифицирует Договор о ненападении, Гитлер

вынужден был ввести свои войска в Польшу для защиты угнетенного немецкого меньшинства,

будучи уверен, что Англия не посмеет теперь выступить против Германии, имеющей мощного союзника; немалые надежды возлагал он на нашего старого знакомого пацифиста Бертрана Рассела, который изо всех сил уговаривал англичан не ввязываться в войну из-за каких-то поляков, объясняя (совместно с Б.Шоу и др.) англичанам, что война – это безумие, это – отказ от цивилизованных привычек и т.п. Но английское правительство, как и в 1914 из-за Бельгии, сочло себя вынужденным объявить войну Германии, ибо текст договора с Польшей не оставлял ему никакой лазейки; Франция присое-

дини́лась. Гитлер на совещании в своем генералитете сказал, узнав о выступлении Англии:

Господа, мы проиграли войну.

С Польшей немецкая армия расправилась за две недели, а через две недели в тыл полякам ударила Красная армия:

17 сентября 1939 года. Господин посол, польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава, как столица Польши, не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское правительство не может больше нейтрально относиться к этим фактам.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белоруссы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными.

Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно Советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы выволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

Примите, господин посол, уверения в совершенном к Вам почтении. Народный Комиссар Иностранных Дел СССР В.М.Молотов. Чрезвычайному и полномочному послу Польши г. Гржибовскому
Польское посольство Москва

Итак, СССР отрекался от всех договоров (ну, что же, и Володарский, и Гитлер учили, что “всякий договор – это только клочок бумаги”), связывавших его с Польшей, и вводил войска не только в Западную Украину и Белоруссию, но и на собственно польскую территорию (“выволить польский народ”) до той демаркационной линии, которая предписывалась секретными протоколами к Пакту; разумеется, войну начал не Гитлер, а “неразумные правители Польши”. 28 сентября пала осажденная Варшава. В тот же день был подписан

Договор о дружбе между СССР и Германией и текст Совместной Декларации СССР и Германии относительно консультаций против агрессоров, разжигающих мировую войну.

Неожиданный союз СССР и нацистской Германии вызвал взрыв негодования во всем мире и шок в международном коммунистическом движении. Секретарь ЦК Французской компартии Марсель Життон, вождь мирового коммунистического женского движения Бернадетта Каттанео и другие высокие функционеры ФКП, вроде Поля Низана, потрясенные, вышли из партии и выразили осуждение Сталину. Оставшиеся верными советским ассигнованиям члены ЦК ФКП объявили всех упомянутых “полицейскими агентами”, “исключили их из партии”. Французское же правительство запретило публичную деятельность компартии как агента союзника своего военного врага – Германии. В Англии шум был гораздо меньше, ибо там компартия никогда не пользовалась и сотой долей того влияния, что во Франции. В Польше компартия была распущена самим Коминтерном еще за год до этого.

Матерые империалисты и их лакеи из числа лидеров социалистических партий Франции и Англии подняли вой в связи с заключением советско-германского договора. Им хотелось бы, чтобы СССР обязательно втянулся в войну на стороне Англии, против Германии. Но тем самым они разоблачили себя теперь перед народами всего мира как поджигатели войны. Хороший совет дал этим “воякам” товарищ Молотов: Если у них имеется уж такое неудержимое желание воевать, пусть повоюют сами, без Советского Союза

(передовая “Большевика”, 1939, № 15-16). Дадим же слово самому товарищу Молотову:

В войне между англо-французским блоком и Германией до сих пор (март 1940) не было крупных сражений, и дело ограничивалось отдельными столкновениями, главным образом на море, а также в воздухе. Известно, однако, что выраженное еще в конце прошлого года стремление Германии к миру было отклонено правительствами Англии и Франции, ввиду чего с обеих сторон подготовка к развертыванию войны еще больше усилилась.

Германия ... стала, как видно, опасным конкурентом главных империалистических держав в Европе – Англии и Франции. Поэтому, под предлогом выполнения своих обязательств перед Польшей, они объявили войну Германии. Теперь особенно ясно видно, как далеки действительные цели правительств этих держав от интересов защиты распавшейся Польши или Чехо-Словакии. Это видно уже из того, что правительства Англии и Франции провозгласили своими целями в этой войне разгром и расчленение

Германии, хотя эти цели перед народными массами все еще прикрываются лозунгами защиты “демократических” стран и “прав” малых народов.

Поскольку Советский Союз не захотел стать пособником Англии и Франции в проведении этой империалистической политики против Германии, враждебность их позиций в отношении Советского Союза еще более усилилась, наглядно свидетельствуя, насколько глубоко классовые корни враждебной политики империалистов против социалистического государства.

В той же речи Молотов угрожает Франции и Англии разрывом дипломатических отношений, что по ситуации близко угрозе вступления в войну на стороне Гитлера. Не исключено, что если бы “странная война” на французском фронте продолжалась еще год, то СССР присоединился бы к Германии, и тогда итогом второй мировой войны было бы полное уничтожение фашизма на нашей планете. Однако этому помешали неслыханные военные успехи немецкого вермахта. Через три месяца после только что процитированной речи Франция была полностью разгромлена, оккупирована вместе с Бельгией и Голландией, прихвачены также Дания и Норвегия. А к Германии присоединилась Италия, выползшая урвать себе Ниццу от разгромленной Франции. Баланс сил в мире резко изменился. Стало походить на то, что Германия выйдет победителем, что Англия вот-вот капитулирует. Следовательно, воевать придется с Германией. Поэтому СССР улучшил дипломатические отношения с Англией и стал готовиться к войне против Германии; по-видимому, она намечалась на начало 1942 года. Поэтому хотя в речи в августе 1940 Молотов повторяет прежние словеса о миролюбии Германии, аплодисментами встречаются не эти слова, а слова об улучшении отношений с Англией, а ведь всякий знает, как заранее планируются у нас аплодисменты. Много чего говорил Молотов: он говорил, например, о том, что английские империалисты хотят уничтожить национал-социалистическую идеологию, а всем известно, что никакими войнами и штыками нельзя уничтожить никакую идеологию, но мы распростимся с ним и перейдем к обзору фактов тех дней.

В том же августе 1939 в СССР был введен новый закон о воинской повинности (от 1 сентября), который сделал ее абсолютно всеобщей, ликвидировав изъятия, существовавшие еще в прежнем законе: “по религиозным убеждениям” прежде разрешалось уклоняться от службы в армии. Ведь есть немало религиозных сект, которые запрещают брать оружие в руки;

их членов прежде не призывали. И поныне во всем мире их освобождают от службы в армии; впрочем, почти ни в одной стране мира нет всеобщей воинской повинности. Так вот, это изъятие отменили. Ввели в школах военное дело с пятого класса. Сразу же в августе-сентябре была проведена мобилизация. Осенью 1939 Красная армия вошла в Эстонию, Латвию, Литву, покамест еще на правах военных баз в суверенных государствах. Попытка таким же образом ввести войска в Финляндию наткнулась на упорное сопротивление финнов, которые к тому же не были отрезаны немецким флотом от помощи из Англии и Франции. После короткой, но кровопролитной финской войны удалось отодвинуть советско-финскую границу где на 30, где на 100 километров на запад, но присоединить Финляндию не удалось, хотя сразу после штурма Териок и было уже сформировано Териокское Народное Правительство Финляндской Демократической Республики во главе с т. Куусиненом¹. Летом 1940 СССР сделал попытку присоединить полностью всю Румынию; во всяком случае

румынский посол в Москве уже выступил с просьбой к правительству СССР установить протекторат над Румынией.

Лишь из-за того, что в Румынии несколько ранее произошел переворот, проанглийское правительство было свергнуто, пришедший к власти Антонеску попросил заступничества у немцев, и отделившись от дачей Бессарабии (Молдавии) и Буковины Советскому Союзу, а несколько ранее Северной Трансильвании – Венгрии и Южной Добруджи – Болгарии, ему удалось спасти самостоятельное существование Румынии. Тем же летом в Эстонии, Литве и Латвии, вскоре после того как все немцы выехали оттуда в Германию, вдруг как по команде озверевшая буржуазия начала похищать красноармейцев из их казарм на советских базах, убивать, вырезывать на их спинах пятиугольные звезды и подбрасывать трупы назад в казармы. Для защиты красноармейцев пришлось ввести в эти страны дополнительные контингенты войск, что случайно

¹ Териоки – Зеленогорск. Куусинен был после устранения всяких троцких, зиновьевых, бухариных одним из высших руководителей Коминтерна (секретарь его Исполкома). Еще в 1921 он был причастен к какому-то странному убийству лидеров финляндской компартии на территории РСФСР. К 1939 он вроде бы сходил на нет, но остается в живых, видимо потому, что его дочь была вождем финляндской компартии. Куусинен всего на два года моложе Сталина и автор многих тягуче-мечтательных виршей.

совпало с революционным порывом трудящихся масс этих стран, свергших капиталистическое иго и попросивших принять Советскую Эстонию, Советскую Литву и Советскую Латвию в Союз Советских Социалистических Республик¹. Правда, эти сволочи буржуазные правительства успели-таки увезти золотые запасы своих стран в США, что послужило потом поводом для многих трений. Вечно с золотом какие-то неприятности: вот ведь Франко до конца жизни не хотел признавать Советского Союза, требуя, чтобы ему вернули золотой запас Испании!

С Турцией дело обстояло так:

На днях имел место обмен заявлениями между Советским и Турецким правительствами.

Ввиду распространившихся в иностранной печати слухов, согласно которым в случае, если Турция будет вынуждена вступить в войну, СССР воспользуется затруднениями Турции для того, чтобы напасть на нее, и в связи с поступившим по этому поводу запросом, Советское Правительство довело до сведения Турецкого Правительства, что: 1) Подобные слухи совершенно не соответствуют позиции СССР....

Ноябрьские переговоры Молотова с Гитлером в Берлине кончились неуспешно. Немецкая разведка узнала про подготовку СССР к войне в 1942, и Гитлер решил опередить. Советская разведка знала про подготовку Германии к войне. Особенно старались довести до сведения СССР факты планируемого нападения англичане. Ведь летом 1940 над Британскими островами развернулась “битва за Англию”. Решающая битва второй мировой войны, предопределившая сравнительно скорое окончание войны победой над Германией не где-нибудь в 1960 году, а в сороковых годах, происходила между авиациями Англии и Германии. Победили англичане, Гитлер отказался от надежд взять Британию штурмом. (Кстати, именно тогда Рассел из пацифиста сделался воинствующим антифашистом.) Но осажденные немецкими подводными лодками на острове, запасов продовольствия которого хватает на три месяца в году, в соседстве с враждебной пронемецкой Ирландией, англичане лихорадочно искали союзников и кричали во всех радиопередачах на СССР: Гитлер готовится на вас напасть! США по-прежнему не хотели ввязываться в европейские

¹ Чрезвычайным уполномоченным по Литве был Деканозов, по Латвии – Вышинский, по Эстонии – Жданов.

дела, хотя оказывали торгово-промышленную поддержку Англии.

Гитлер столь же лихорадочно искал путей заключения мира; его вполне устраивал статус кво в Европе, и он знал, что тягаться с всемирной империей ему не по зубам. Англичане непреклонно отказывались вести переговоры, покамест не будет восстановлено государственное существование Польши, что, конечно, было для Гитлера неприемлемо. Тогда Гитлер пошел на тотальный шаг. Исходя из концепции, что мировая власть принадлежит евреям, что именно евреи развязали вторую мировую войну, что президентом США, сочувствующим Англии, является, де, еврей Рузвельт, он объявил всех евреев, находящихся на территории германского рейха, заложниками мира. Если евреи, ведущие войну против национал-социализма, не согласятся на заключение мира, то евреи, оставшиеся в пределах досягаемости гестапо, будут уничтожены. Именно летом 1940 в Германии начали строиться лагеря уничтожения людей, а как только они были введены в эксплуатацию, через них потянулись потоки евреев из Германии, с Украины, из Франции, Польши.

Тем временем и в Советском Союзе происходили важные перемены. В финскую войну Красная армия потерпела поражение – это было очевидно для всех управляющих. Собственно, это поражение исторически обернулось счастьем для Сталина: кабы Красная армия лихо вступила в Хельсинки, он не снизошел бы до мира, а тогда ему пришлось бы вступить в военные действия не только с Интернациональной бригадой добровольцев-защитников Финляндии, но и с регулярной французской армией, направленной на защиту Финляндии под командованием Вейгана, т.е. начать войну с Францией, а тем самым и с Англией. Поэтому при победе союзников над Гитлером он был бы сметен как его прихвостень. Но в тот момент он этого не сознавал, а прогнал не справившегося Ворошилова с наркомов обороны, заменив его Тимошенко. Ежова дернули из сумасшедшего дома и расстреляли. Как уже упоминалось, летом 1940 был убит Троцкий в Мексике. Это – выдающееся достижение Берия, надежно укрепившее его положение при Сталине¹. Надо сказать, что Берия в отличие от Ежова

¹ Первое важное – во всесоюзном или даже всемирном масштабе – достижение Берия, сделавшее его почти неустранимым для Сталина, датируется 1935. Ведь после снятия Енукидзе, бывшего до того столпом большевизма в Грузии, пришлось переписывать исто-

и Ягоды умел работать, т.е. добиваться эффективных результатов, наталкиваясь на реальное сопротивление. Ягода и Ежов просто инсценировали преступления и их раскрытие, а Берии пришлось всю войну иметь дело с всамделишной немецкой агентурой – и ее удалось-таки обезвредить! И до войны Берия сумел получить совершенно достоверные сведения о планируемом Гитлером нападении и о его дате – и не вина Берия, что Сталин-Жданов ему не поверили. Вот маленькая иллюстрация, чем различались методы Ежова и Берия. Сталин знал (или догадывался), что у Куйбышева было на него досье с компрометирующими документами. После самоубийства Куйбышева тайник отыскан Ежовым не был, но близкие родственники посажены были. Так как женат Куйбышев был на Руфине Райх, сестре актрисы Зинаиды Райх (жены Мейерхольда), то Берия 15 июня 1939 арестовал Мейерхольда, а 20 июня привел своих людей под видом бандитов прямо на квартиру Зинаиды Райх, где они водили ее по всем углам, тыкали лицом, жгли пятки и т.п.: “Здесь?”, “А не здесь?” – и в конце концов что-то нашли, пришив ее для надежности насмерть. Так как Берия в 1939 вступил в тот сексуально-опасный для мужчин возраст (между 40 и 50 годами), когда “седина в бороду – бес в ребро”¹, то он повадился развлекаться похищением красивых женщин прямо с улицы. Если мужья начинали разыскивать – их расстреливали. Женщин после употребления, кажется, тоже. Но эта маленькая забава покамест не отвлекала т.Берия от решения важных государственных задач, с которыми он эффективно справлялся². А стиль этот не проти-

рию партии в Закавказье. Берия усадил двух чиновников своего секретариата (Бедиа и Людвигова) написать ему “К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье”, где всё и вся приписано Сталину. Книга эта стала фундаментальной и главным источником для истории партии.

¹ Иван Грозный, например, в этом возрасте сменил пять жен и убил родного сына при попытке изнасиловать его беременную жену.

² Забегая вперед, констатируем, что в годы войны Берия успешно справился с главной задачей, которая стояла перед органами безопасности: он даже в месяцы глубочайшего военного поражения СССР не допустил военный заговор, восстание или покушение на Сталина, чего не смогло избежать гестапо в 1944. То обстоятельство, что некоторые генералы, оказавшись в плену, переходили на сторону Гитлера или что население на свежеприосоединенных территориях выступало против Советской власти, – никак не относится к оценке работы НКВД-НКГБ.

воречил общему кремлевскому стилю. Как раз в 1939-40 на одной из закрытых дач веселились детки (Ярославского, Ворошилова и др.) с малознакомыми девицами. Одна из них при темных обстоятельствах утонула. Так вот, дабы и тень компрометации не упала на уважаемые фамилии, не только расстреляли всех прочих девиц, но даже вырубili все деревья в парке: и места-то такого не было в природе, дескать, **все** – клевета!

Полной противоположностью Берии был энтузиастски-инфантильный председатель Госплана Вознесенский. На 4 года моложе Берии, он вступил в партию только на два года позже его – в 16 лет. Попад из глухомани Тульской губернии в 18 лет в Комакадемию им. Свердлова в Москве, он жадно впитывает “единственно-истинные научные принципы”, которым предается на всю жизнь. Жажда командовать и раскладывать свои фишки-планы была у него посильнее, нежели у Куйбышева. Нравственные принципы отсутствовали начисто: им некогда было и неоткуда возникнуть. Если директор института старый революционер Рязанов, узнавши, что его сотрудника Рубина вот-вот арестует ОГПУ, бесспорно и как само-собой разумеющееся берет у Рубина сомнительные бумаги и прячет в свой личный сейф, куда ГПУ не доберется, то Вознесенский, узнав про арест Рубина, разражается потоком оскорблений в статье “Марксизм и контрреволюционный идеализм Рубина”, не смущаясь тем, что на эту “научную критику” Рубину ответить никто не даст... Вот такую-то деятельность Вознесенский называл “заниматься наукой”. Немножко поработав в Донбассе замзавом окружного агитпропа и т.п., он возвращается в Москву учиться в Институте красной профессуры; там же учатся Пономарев, Пospelов, Суслов. Окончив в 1931, он преподает там же: ведь бухаринские кадры выбиты, образовался вакуум. Вознесенский всюду приходит в вакуум, и все начинается наново. Прихваченный в Ленинград Ждановым после ареста всей ленинградской верхушки в начале 1935, он входит в пустой кабинет председателя Горплана и начинает свои далеко идущие диспозиции в социалистической экономике города Ленинграда. После ареста Межлаука и Квиринга опустели кабинеты председателя и его зама Госплана в Москве – туда устремляется Вознесенский и прежде всего ошарашивает немногих уцелевших сотрудников повелением впредь не только планировать, но и осуществлять планируемое и проверять выполнение на местах госплановских задумок.

мок. Таким образом, Госплан превращается в самостоятельный диктаторский орган экономической власти, что понравилось Сталину, ибо отстраняло заботу о хозяйстве. Мечтой Вознесенского было составить Единый План на 15-20 лет, все предусмотрев и все ему подчинив¹. И при малейшем неисполнении приказов Вознесенский безжалостно чиховстил своих подчиненных (заметно даже на общем фоне грубости) – он называл это своей принципиальностью. В феврале 1941 после XVIII партконференции, нацелившей страну на подготовку к войне, он был сделан кандидатом Политбюро; фактически же он был его членом. В октябре 1941 ему было поручено возглавить запасное правительство в Куйбышеве (где Андреев возглавлял партию).

Названная конференция должна была свидетельствовать, что ленинские нормы партийной жизни возрождаются: если прежде промежутки между съездами и конференциями все удлинялись, вопреки Уставу, то теперь законность восстановлена и в уставный срок созывается конференция. Правда, на ней, вопреки Уставу, был доизбран ЦК (на шесть членов и 17 кандидатов; в том числе в ЦК впервые попали Суслов и Куусинен) и кое-кто выведен из ЦК, что вроде бы является прерогативой только съездов, но по сравнению с практикой кооптации ЦК между 1934 и 1938 это, конечно, большой прогресс легальности. Кроме Вознесенского возникают еще два кандидата Политбюро: Маленков и Щербаков. О Маленкове сказано уже достаточно. Ему чужда и увлеченность Вознесенского и лихость Берии. Берия чужд Маленкову и по “партийному происхождению”: он не вырос из аппарата, подобранного отделом руководящих партийных органов, но приближен непосредственно самим Сталиным в обход и Ежова, и Маленкова. Но с Берией область деятельности у Маленкова пока что вовсе не пересекается.

Поэтому в описываемое время Маленков и Берия практически не конкурируют, уживаются. Вознесенский – более аппаратчик, более “принадлежит” Маленкову, а потому то обстоятельство, что возвысил Вознесенского Жданов (не Сталин!) и что тот служит Жданову, должно действовать на Ма-

¹ Можно пофантазировать, что выпало бы из такого плана, будь он составлен в 1939: промышленная роль химических полимеров, кибернетика в управлении, атомная энергия, преодоление звукового барьера в авиации, ракетостроение, телевидение, антибиотики... А надлежало бы выполнять план и “не разбрасываться” на эти постронние мелочи!

ленкова раздражающе. В 1941-42 Маленков предпринимает попытки заменить Вознесенского на посту председателя Госплана своим ставленником зампред Сабуровым, но кончается это лишь изгнанием Сабурова из Госплана. Сталину, наверное, вражда между Ждановым и Маленковым была видна, поэтому возвышение людей Жданова – Вознесенского и Щербакова – он уравнивает возвышением их врага Маленкова (в соответствии с общими принципами подбора кадров; см. §4).

Щербакову в 1941 исполнилось 40 лет. С 12 лет рабочий, с 17 – большевик, он участвовал в подавлении Ярославского восстания (§12 кн. 3), но после его подавления не остался на родине, а перебрался в Москву, где паек. Там он прозябал в аппарате РКСМ (ничтожно малом в ту пору), пока его не прихватили с собой Сокольников и Каганович, направляясь в Туркестан. Окончив в 1924 Коммунистический университет, он посылается секретарем райкома в Нижний Новгород, где Михаил Каганович и Жданов¹. Уже в 1930 Щербаков попадает на XVI съезд; потом на XVII, но никуда не избирается. Зато на съезде писателей в 1934 он почему-то делается главнейшим писателем и избран первым секретарем Союза писателей, возможно, в противопоставление явно метившему на пост Главного Писателя Бухарину. В 1932-36 Щербаков занимает какие-то посты “в аппарате ЦК”. В 1936-38 почему-то беспрестанно перемещается: секретарь ленинградского обкома (при Жданове), потом секретарь восточно-сибирского обкома, потом донецкого. Но в 1938 он оседает первым секретарем московского комитета². В руках Жданова теперь еще вся Москва. На XVIII съезде Щербаков впервые попадает в ЦК (хотя, бесспорно, кооптирован много раньше). В феврале 1941 делается кандидатом Политбюро, а в мае того же года – членом Оргбюро и (пятым) секретарем ЦК. Последнее назначение, видимо, связано с тем, что как раз 6 мая Сталин смещает Молотова на посту председателя Совнаркома и тем самым Щербаков как бы “разгружает” Сталина на посту гене-

¹ Жданов в одном из браков был женат на дочери или сестре Щербакова. Если на дочери – то это не могло влиять на ранние этапы карьеры Щербакова. У Жданова взрослый сын, который вскоре женится на дочке Сталина Светлане.

² В 1937 первый секретарь Москвы Хрущев направлен на Украину. Сменивший его Угаров вскоре расстрелян и сменен Щербаковым. Хрущев так сильно не любил Щербакова, что в 1958 городу “Щербаков” возвращено прежнее наименование “Рыбинск”.

рального секретаря. Семейство Щербаковых имеет глубокие корни в партаппарате: двадцать лет спустя после смерти А.С.Щербакова его брат И.С.Щербаков уже в брежневские времена делается членом ЦК.

Неизбежность войны становится очевидной. В предвидении ее принимаются различные меры: от трудового законодательства до занятия чужих территорий. Летом 1940 принят Указ, согласно которому рабочие и служащие потеряли право менять место работы по своему желанию; самовольное оставление места работы сделалось уголовным преступлением, караемым лишением свободы. Опоздание на работу свыше пяти минут – тоже. Так Вознесенский намечал добиться плановости и четкости функционирования предприятий. С другой стороны, были присоединены прибалтийские государства – так Жданов рассчитывал обеспечить безопасность Ленинграда. Будущее показало, что первое мероприятие резко понизило производительность труда, увеличило число обитателей лагерей (и тем понизило нравственный уровень), затруднило даже хозяйственную деятельность, связанную с использованием специалистов. Второе мероприятие обернулось громадной ловушкой для Красной армии, ударом в тыл ей всех жителей Прибалтики, тогда как останься эти государства независимыми, Гитлеру пришлось бы поначалу завоевать их, тем восстановить против себя, и они были бы естественными союзниками для СССР (в той же мере, как минимум, что Польша, а может быть даже Чехословакия).

Старая линия укреплений возле Ленинграда не оказалась бы брошенной в небрежении, флот не испытал бы таллинского поражения при эвакуации – далеко худшего, нежели дюнкерские ужасы 1940. Но при том стиле мышления, который вкоренился в СССР, названные мероприятия казались самым лучшим решением вопроса, а многим и посейчас кажутся.

Вопреки поверхностным критикам, тщащимся доказать, будто бы Сталин не готовился к войне, Сталин знал, что она неизбежна, и готовился к ней. Правильный вопрос звучит не так: “Верил ли в возможность избежать нападения? Готовился ли к войне?” – а так: “Как и к какой войне готовился? Стремился ли оттянуть ее начало? Кто и как в сталинском окружении отвечал на эти вопросы?”

Маленков и Берия были убеждены в близком нападении Германии на СССР. Разведчики Берии только что не выкрали сам план Барбароссы, но во всяком случае достоверно знали

все меняющиеся даты гитлеровского нападения. Жданов оспаривал эти прогнозы: во-первых, он не хотел, чтобы его соперники оказывались правыми, а во-вторых, он связал свою политическую судьбу с пактами о ненападении и дружбе; переигрывать было поздно. Сталин знакомился с данными Берии, но сам, как обычно, решений не принимал, ожидал, когда его приближенные найдут за него устраивающее его решение. Кое-что делалось: расширялась пропускная способность транспорта, производилось перевооружение армий. За пару недель до 22 июня была загодя написана знаменитая песня “Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой с фашистской силой темною, ...” Еще в апреле 1941 Сталин лично взялся содействовать Эренбургу в его антифашистских писаниях. В таких вещах он понимал толк и мог распорядиться. А вот как подготовить армию, не знавшую настоящей войны, но лишенную половины своих командиров в ежовщину, к современной войне с фантастической армией, блицкригом захватившей всю Европу и опрокинувшей в море англичан, – этого никто в окружении Сталина не знал. Вырванный из “ежопы” бывший военный министр А.И.Верховский по заданию Сталина произвел прикидочный прогноз военных операций:

Отмобилизоваться Красная армия сумеет, только откатившись до Волги.

И что делать при таком прогнозе специалистов – вообразить невозможно. Говорят: надо было привести в боевую готовность пограничников, двинуть войска и прочее. Не остановили бы пограничники, еще больше войск было бы загублено в первые месяцы, и пр. А Жданов твердил: если не дать повода Гитлеру, то и нападение не состоится. Врет твой Берия, будто бы уже дата назначена! Не будет **повода** – никакой “даты” не будет! Вот только берегись, как бы твой Берия с Маленковым, так и рвущиеся повоевать, не спровоцировали бы войну! И, глядишь, Жданов оказался прав: Берия донес совершенно определенно, что Гитлер назначил, де, начало агрессии на 16 мая. Сталин в порядке подготовки к войне сместил Молотова, сделавшись сам главой правительства, оставив того только наркоминдел¹. Для укрепления

¹ Интересно, в какой мере Сталин руководствовался государственными соображениями о поднятии престижа правительства, о централизации власти (партийной и государственной), а в какой – опасениями, что, де, Молотов может устроить путч, опираясь на аппарат правительства и пользуясь сумятицей войны?

секретариата введен Щербаков. И что же? Прошло 16 мая, а Гитлер не напал! Сталин в бешенстве звонит своей дочке, гостившей на даче у жены Берия: “Уезжай немедленно! Я этому негодяю больше ни в чем не доверяю!!” И никаким объяснениям Берии, что, де, Гитлер перенес срок на 22 июня, Сталин уже больше не внимает. Жданов торжествующе уезжает в отпуск под Сочи 19 июня. А когда начинают рваться бомбы, Маленков и Берия с каменными лицами прежде всего собирают и протоколируют свидетельства, что действительно немцы сбросили бомбы, обстреляли и вообще напали: это улики против Жданова. И сами они не отдают никаких приказов о сопротивлении: это были бы улики Жданову против них, что они-то и спровоцировали войну!

В страхе ли, что “другой народ сказал бы такому правительству: “Пошли вон”, – как признался сам Сталин на празднике Победы в 1945, в растерянности ли, по другим ли причинам, но только Сталин исчезает на пару недель отовсюду и все решения первых недель войны принимаются без него. Кем? Теми, кто оказался в Москве и кто рискнул принять на себя бремя ответственности: Маленковым и Берией. Примчавшегося из Сочи Жданова они выставили в ленинградскую ссылку – и на три года тот оказывается отрезанным от центральной власти. Они же привлекают к себе Молотова как внешнеполитического авторитета, для престижа включают давно не влиятельного Ворошилова и провозглашают себя новым правительством под названием Государственный Комитет Обороны (ГКО) под номинальным председательством Сталина, дабы это не выглядело переворотом. Как превосходные политики, они сумели (почти не уклоняясь от истины) создать и прекрасно использовать версию о **внезапном** нападении Германии на СССР¹. А эта басня помогла советским людям (искони жившим преимущественно в аскриптивной системе ценностей) – гораздо больше, существенней, нежели бы смогли помочь несколько дивизий, приведенных в боевую готовность на неделю-другую раньше и все равно обреченных на уничтожение. Ведь миф этот давал исчерпывающее объяснение всем

¹ Нападение Гитлера было **вероломным, агрессивным, коварным**, но только не “внезапным” для правительства. Оно было внезапным для широкого слоя начальников, ибо от этого слоя правительство скрывало свое знание и даже принудительно заставляло верить этот слой нижестоящих в прекрасную дружбу с Германией, сажая людей за “антигерманские настроения”. Вот эту-то тонкую разницу и смазала версия о “внезапном” нападении.

неудачам, препятствуя тем самым постановке вопроса (даже для самого себя) об ответственности правительства. Версия эта влиwała заряд уверенности в том, что “Дело наше правое. Победа будет за нами”. В эту пору начинает свое возвышение начальник штаба главнокомандования Жуков, который по свидетельству очевидцев попросту грубо кричал на Сталина, когда тот осмелился все-таки вернуться в Кремль и начать высказывать свое мнение. Андреев возглавляет Комиссию по эвакуации. Позже расстановка сил на самом верху несколько менялась: в ГОКО в 1942 были введены Булганин, Вознесенский, Каганович, Микоян. Фактически Маленков явился организатором сопротивления и побед во время войны. Его люди, его воля, впитанное с партийным молоком послушание его телефонным указаниям – творили чудеса. Но лавров он не стяжал, ибо действовал именем капризного и подозрительного Сталина, на прославление которого и были брошены все добытые Маленковым и Жуковым успехи.

Возглавляя советские вооруженные силы (Верховный главнокомандующий), Сталин оказался гораздо уместнее, нежели Гитлер в роли Верховного главнокомандующего немецких вооруженных сил. Гитлер, отталкиваясь от своего ефрейторского опыта первой мировой войны, каждый день держал на ногах часами вокруг своего стола с десятков-другой высших генералов и фельдмаршалов, показывая им по наиподробнее-шей карте фронта, куда передвинуть армию, корпус, роту, караульный взвод. Гитлер обо всем имел собственное мнение прежде всех, не считался ни с кем и не переносил возражений, а потому отдавал губительнейшие приказания вопреки единодушному мнению генералитета. Сталин же привык с двадцатых годов не иметь ни по какой проблеме, обсуждавшейся в Политбюро, собственного мнения, научившись зато своевременно облекать в словесную формулировку начинающее возникать в процессе обсуждения мнение большинства (так что возникала иллюзия, будто всегда принимают решение согласно с предложением Сталина). Точно так же в 1941-45 он тоном приказа давал Генеральному Штабу указания, совпадающие с тем мнением, к которому уже пришло большинство руководителей Генштаба. Категоричность и весомость приказа, исходящего от “Самого”, играла в таких условиях лишь положительную роль, устраняя возможность колебаний или недобросовестности в исполнении. Так как Сталину (в отличие от Гитлера) было уже совершенно ясно, что никто из генера-

литета не копает под него лично, не покушается ни сместить, ни подорвать престиж, то он даже терпел возражения: они ведь клонились к пользе дела. Конечно, его капризность и вздорность остались при нем, порой проявлялись и сказывались, но они причиняли вред неизмеримо меньший, нежели вера Гитлера в свою интуицию. Сравнить же стиль руководства войной Сталина с черчиллевским или рузвельтовским – значило бы измерять температуру граммами.

Впрочем, до успехов было еще далеко – только два года спустя советские войска сумели в летнем сражении одолеть немцев в битве под Курском. В лето же 1941 они бежали и сдавались. Были и случаи героического сопротивления, но в современной войне (как, увы, и в мирной жизни) героизм и личное мужество почти не имеют социального значения. Решает техника – а она была у немцев превосходная и отлаженная. Разумеется, армия не смогла защитить граждан своей страны от нашествия, т.е. не выполнила того, чем только и оправдано существование постоянной армии. Даже при прогнившем царском режиме русские войска не откатывались до Москвы и Волги. Даже при прогнившем царском режиме в первый же год войны продовольственные затруднения не доходили до такой остроты, что только американские свиная тушенка да яичный порошок стали едва ли не единственным питанием. Даже при прогнившем царском режиме под знамена иноземных захватчиков не становились миллионы жителей России: армия Власова¹, армии Бандеры, армии Мельника, легионы Идель-Урала. Крах. Это ощущал Сталин.

Но независимо от наличия-присутствия сопротивления германские войска были обречены на поражение: своим высокомерным и бесчеловечным обращением с жителями оккупиро-

¹ Впрочем, роль именно самого Власова чрезмерно преувеличена и Солженицыным, и лагерными рассказчиками. Равным образом неправомерно называть “власовцами” всех тех русских, которые сражались на стороне Германии. До конца 1943 Власов – хотя уже совершивший измену и согласившийся сотрудничать с немцами – никакого отношения к боевым русским частям не имел: ни к воевавшим на восточном фронте, ни к служившим карателями во Франции. Лишь в конце 1944 началось формирование РОА под верховным командованием Власова; была закончена формированием только **одна** дивизия, которая к тому же почти сразу бежала из-под огня советских войск и пробавлялась тем, что грабила немецкие тылы, пробиваясь на запад. См. книгу командира полка этой дивизии Артемьева “Русская Освободительная Армия”, Париж, 1970.

рованных территорий они сами вызывали к жизни массовое² сопротивление. Да и без него немцев не хватило бы, чтобы подчинить своему управлению обширные российские территории. А пошедшие на службу немцам полицаи – это отребье, гнилые и выродившиеся людишки, которые не могли бы стать опорой власти. Когда через несколько месяцев новая идеология – не идеология пролетарского интернационализма, а

пусть имена ваших великих предков Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского вдохновляют вас, –

вызвала в стране мощный подъем национальных чувств, война против немцев сделалась кровным делом каждого жителя СССР.

Убей немца. Если ты его не убьешь, никто его не убьет.

Война стала народным делом, долгом совести каждого. Более того, просуществовав 20 с лишним лет в условиях шестипалой неправды, когда все движения извращались и были античеловечны, когда экономика страны не служила потребностям населения, когда органы государственной безопасности никого не защищали ни от чего, а брали кого хотели актером в свои кровавые инсценировки, когда литература писа-

² Те, кто шел или хотел идти на службу Гитлеру из идейных соображений: освободить Россию от Сталина – не ведали, что Гитлер носился с мыслью передать завоеванные русские земли (ненужный ему клочок) под управление именно Сталина. “Никто, кроме Сталина, не сумеет ими управлять”, – говорил он Шпееру. Гитлер умудрился поспорить даже с теми, кто был в начале войны настроен явно антироссийски и антисоветски: он не признал независимости ни Эстонии, ни Латвии, ни Литвы, ни Украины, а возникшие там антисоветские правительства очень быстро посадил в свои концлагеря, переориентировав тем самым национальное антисоветское вооруженное подполье на антинемецкое партизанское движение. При проведении параллелей между нацизмом и большевизмом (см. §1) следует учитывать и различие между ними: колоссальная гибкость второго при подчеркнутой неуклонности первого. Большевики, имея даже перед собой заведомого врага, предназначенного ими к тотальному уничтожению, обычно всегда начинают с выделения в нем слоя – меньшинства – намечаемого к уничтожению в первую очередь и с изобретением мотивов, по которым сначала оставляемое в живых большинство должно бы возненавидеть названное меньшинство и приветствовать его уничтожение. Затем процедура повторяется с оставшимися. Умение находить союзников – важнейшая составная часть стратегии коммунизма-ленинизма. У Гитлера же в его русском походе это умение отсутствовало начисто.

ла не о том, что есть, а о том, что должно быть по мнению то Каменева, то Раскольникова, то Бухарина, то Щербакова, когда церкви повсеместно взрывались, когда миллионы крестьян лишались свободы передвижения, а иные даже имущества и жизни, – население наконец-то получило возможность участвовать в чем-то, что не противоречит его совести и не пресекается правительством. Не было разногласий между населением и властью в вопросе об отпоре Германии, по крайней мере на неоккупированных территориях. Можно было делать дело старательно, честно, не для “плановой” показухи, а добросовестно. А как светло на душе, когда можно жить, веря своему правительству! На оккупированной немцами территории даже прослушивание советских пластинок тридцатых годов с записями хотя бы речей Сталина – являлось актом утверждения человеческого достоинства. Тот, кто вступал в партию в 1942, руководствовался не теми соображениями, как тот, кто вступал в нее на пять лет раньше или позже. Поэтому память о военных годах до сих пор осталась светлым воспоминанием в сердцах мужчин, прошедших войну.

Англия, США и эмигрантское правительство Франции безотлагательно заявили, что будут оказывать помощь СССР против Германии. Черчилль при этом прибавил в палате общин, что оказал бы помощь самому дьяволу, если бы случилось, что Гитлер рассорился с дьяволом. В 1941 году англичане не дали немецким подводным лодкам выиграть битву за Атлантику. В 1942 СССР на Волге и на Кавказе, а Англия и США в Африке остановили “клещи” немецких войск, которые должны были сомкнуться на нефтеносном Ближнем Востоке. США одержали ряд побед в Тихом океане (Кораллово море, Мидуэй, Новая Гвинея), и с лета 1942 японцам пришлось отступать. Англия и США провозгласили “Атлантическую хартию”, в которой сформулировали цели войны: уничтожение фашизма, восстановление свобод и человеческих прав, предоставление нациям самоопределения. В 1943 англичане и американцы высадились в Италии, после чего Муссолини был свергнут самим Большим Фашистским Советом. Италия вышла из войны. За ней последовала Финляндия, попыталась последовать Венгрия, но немецкая разведка пресекла эти поползновения Хорти. Сталин распустил Коминтерн, восстановил¹ православную церковь, вернул священников из ссылки.

¹ Т.е. разрешил избрать патриарха, создать духовные семинарии и Духовную Академию, издать ряд религиозных книг, основать журнал.

СССР присоединился к “Атлантической хартии”. В 1944 от немцев была очищена Франция ¹, почти вся территория СССР, и против Гитлера выступили и Румыния, и Болгария. В это время обострились трения из-за Польши между СССР и Англией: та требовала вернуться к положению, имевшему место до начала мировой войны, восстановлению Польши в границах до 1 сентября 1939. Советский Союз создал свое правительство Польши, которое согласилось отдать украинские и белорусские земли СССР; в результате в Польше на несколько лет возникла мучительная партизанская война сторонников прежнего правительства против просоветского правительства и советских войск. В апреле 1945 Гитлер покончил с собой, а передравшиеся между собой и взаимно объявившие друг друга изменниками Борман, Геббельс, Геринг, Гиммлер (они искали спасения в сепаратном мире и предлагали его кто русским, кто американцам, соглашаясь выдать своих камрадов по партии) исчезли с политической арены, после чего беспартийный адмирал Дениц от имени Германии подписал капитуляцию.

Не веря в мощь еще не созданной атомной бомбы, американское правительство жаждало заручиться поддержкой СССР в войне против Японии, которая без атомной бомбы грозила затянуться до 1947 года. Поэтому США удовлетворили обширные территориальные притязания СССР на Дальнем Востоке. Впрочем, после первого взрыва атомной бомбы Япония, еще до вступления СССР в войну, запросила пардону, и до сих пор американские политики грызут себе локти: “Зачем это Рузвельт с Труменом столько понаотдавали России!”

Из второй мировой войны Россия вышла с ореолом победительницы, спасительницы пол-Европы от фашистского ига. Сталин вырос до размеров полководца всех времен и народов, гениального стратега, хотя, повторяем, ему попросту были приписаны совокупные заслуги Маленкова, Жукова, Булганина, Василевского, Вознесенского, Берии и других, обеспечивших четкость государственного управления, партийного подчинения, военно-стратегического планирования, нарастания военно-экономической мощи и “морально-политического

¹ Сталин так расценивал помощь союзников: “... без организации второго фронта в Европе, приковавшего к себе до 75 дивизий немцев, наши войска не смогли бы в такой короткий срок сломить сопротивление немецких войск и вышибить их из Советского Союза”.

единства”. Чем меньше люди в Европе знали о жизни в СССР, тем больше они прославляли Сталина и героизм русских. Насколько распространены были в то время симпатии к СССР, видно хотя бы из того факта, что Оруэл, написавши “1984”, не мог в Англии найти издателя для этой книги из-за ее антисталинской направленности. У жителей Британских островов и наивно-экспансивных американцев была уверенность, что “какие там есть недостатки в СССР, они быстро изживутся при наших теперешних тесных контактах, которые, конечно, возрастут”.

Кое-кто и в СССР надеялся на это.

Казалось немыслимым, чтобы неслыханный героизм и самопожертвование советских людей (и на фронте, и в глубоком тылу, и на оккупированной территории) не были бы вознаграждены. Интеллигенция ждала свободы: свободы от лагерей, свободы художественно-научного самовыражения. Пастернак в “Докторе Живаго” точно подмечает это ожидание:

Предчувствие грядущей свободы, которое только и было единственным смыслом идущей войны.

Крестьяне ждали роспуска колхозов – и в окружении маршала Жукова со ссылкой на него самого об этом твердили как об окончательно решенном деле¹. И, наконец, все ожидали каких-то неслыханных улучшений, небывалой радости “в шесть часов вечера после войны”...

Но в стране, где никакие общественные слои и группы не могут выражать никаких своих чувств и ожиданий, не пропустив их через фильтр правительственной цензуры и агитпропа, дальнейшие судьбы решались не этими слоями и классами, а личными противостояниями наиболее влиятельных лиц в окружении Сталина. До 1944 такими были наиболее ему нужные Маленков и Жуков. Жданов был обречен сидеть в Ленинграде, устранен от всех дел центрального правительства, не принял участия ни в одном заседании Политбюро или Секретариата ЦК.

¹ Эти полуобещания структурно-социологически аналогичны тем публичным, но устным, не опубликованным заверениям рейхсминистра экономики Шпеера, которые он давал немецким предпринимателям в 1944, что, дескать, после победы национал-социалистической Германии все немецкие фабрики будут возвращены владельцам, что от социализма откажутся в пользу частной инициативы, произведут денационализацию...

И даже когда его вызывают в Ставку, он присутствует там, словно в насмешку, лишь как представитель Военного совета Ленинградского фронта¹! Маленков и Сталин полагали, что Ленинград все равно не удержать, надо сдавать. Они только что не запретили Жданову на свой страх и риск без помощи из центра организовать оборону города. Но, например, танки и мины, производимые в Ленинграде, забираются на другие фронты, а Ленинграду разрешено оставлять у себя только **сверхплановую** продукцию. При эвакуации детей велено везти продукты с собой – из блокируемого Ленинграда, и т.п. Жданову же без Ленинграда не жить. Даже коли Сталин не расстреляет его (по совокупности – за все), ведь он останется без последнего кресла, когда Ленинград падет. И вот совместно со вторым секретарем обкома Кузнецовым, Попковым, Родионовым и другими Жданов развивает кипучую деятельность, выказывая себя недюжинным политиком: он сумел внушить ленинградцам убеждение, что его личная цель сохранить свой ленинградский пост совпадает с их заветным желанием отстоять город. К 1944 он создал в Ленинграде возвышенную душевную атмосферу, когда порядочные люди вроде архитектора Баранова грезили о масштабном перепланировании Ленинграда; когда Ахматова подписывала наравне со Ждановым документы об ужасах² блокады; когда возник самиздат, хорошо принимаемый властями. Сам-то Жданов остался тем, кем был: равнодушным к населению, которое он якобы представляет, готовым всегда обернуться к этому населению своей испепеляющей стороной. Но портреты его вывешивались искренне и в Ленинграде превосходили численностью сталинские портреты. И население все ждало чего-то небывало радостного от него. И со стороны выглядело, будто бы Ленинград вернулся к ситуации начала двадцатых годов: Жданов перестал быть назначенным из Москвы сатрапом, который с легкостью может быть перемещен назад в Горький или на Украину, или даже в тюрьму, а население и не почешется. Ленинград, казалось, из сатрапии превратился в вотчину, как было при Зиновьеве: за своего хозяина искренне

¹ Такой же насмешкой, но в обратную сторону, было назначение незадолго до 22 июня Маленкова – комиссаром Резервной армии при командующем Буденном. Дескать, хочешь воевать – иди в Киев, Мальбрук этакой! Впрочем, это назначение, кажется, осталось на бумаге или даже до бумаги не дошло.

² В блокаду умерло от голода в Ленинграде вдесятеро больше людей, чем в Хиросиме от атомной бомбы.

стоял не только его ближайший аппарат, но и беспартийные активисты.

В апреле 1944 Жданов вернулся в Москву как член Политбюро и секретарь ЦК. Он сразу же начинает теснить Маленкова: в мае уже отбирает Сталинскую премию у креатуры Маленкова Г.Ф.Александрова; в августе громит другого академика – Юдина, заведующего ОГИЗом, тоже клиента Маленкова. Борьба стимулируется внешними факторами: старость и вскоре смерть Калинина (он заменяется Шверником, а Шверник в профсоюзах – В.В.Кузнецовым); окончание войны, которое делает ненужным маршала Жукова, вскоре понижаемого до командующего второразрядным военным округом; случайная смерть Щербакова 9 мая 1945 на праздновании Победы, что мигом высвободило вакансию и в Политбюро, и в Секретариате; поимка генерала Власова и итальянец, ставший любовником Ахматовой¹, – также добавили специй в этот ведьмин котел, где варилось варево, называемое “послевоенной политикой”.

К весне 1946 Маленков одерживает серьезную победу. В марте состоялся пленум ЦК, на котором расширяется Политбюро: Берия и Маленков переводятся из кандидатов в члены, что попросту узаконивает давно сложившееся положение. Добавляются два кандидата – Булганин и Косыгин. Андреев остается членом Политбюро, но выводится из Оргбюро и Секретариата. Оргбюро же при этом резко расширяется: с 6 до 14 членов. К оставшимся Сталину, Маленкову, Жданову, Михайлову и Мехлису² добавлены пять человек Маленкова: Александров, Андрианов, Булганин, Патоличев, Шаталин; три человека Жданова: А.А.Кузнецов, Попов (после смерти Щербакова ставший первым секретарем Москвы) и Родионов; чьим был Сулов – неясно. К трем секретарям – Сталин, Маленков, Жданов – добавлены двое людей Жданова: Кузнецов и Попов. Впрочем, Попов не столь жестко был связан со ждановской клиентелой. Само расширение исполнительного органа свидетельствовало о напряженной борьбе, поэтому победа Маленкова, выразившаяся в том, что при перечислении Политбюро

¹ Напоминаем, что мы не имели возможности обсудить с автором данное место. Возможно, автор исключил бы его из окончательного текста, но наследники решили – публиковать. – *Прим ред.*

² Несмотря на гнев Сталина против Мехлиса, вызванный керченской катастрофой, когда он разжаловал его из маршалов в генерал-лейтенанты, Мехлис остался на верху власти: и наркомом госконтроля, и членом Оргбюро.

его фамилия следовала непосредственно за Сталиным, далась ему недешево и была ненадежной. По-видимому, Маленков же добился, что Совет Народных Комиссаров был переименован в том же марте в Совет Министров и все наркомы – в министров. “Как раньше было”. Введено раздельное обучение в школах, обязательная школьная форма, напоминавшая гимназическую. Еще раньше (1944) принят закон о браке, практически сделавший невозможным развод и аборт.

В мае 1946 Маленков делает Патоличева секретарем ЦК. Но это последняя победа Маленкова. По-видимому, он намеревался ударить по Жданову, используя “нездоровую идеологическую атмосферу” в вотчине того. Вольные настроения 1944–46 годов, самиздат тех лет (первый вариант “Блокады” Кетлинской, “Родилась в Ленинграде” Берггольц, “У стен Ленинграда” Вишневого, коллективная книга “Говорит Ленинград”, выставки; Ахматова в ташкентской эвакуации читает ряду литераторов “Реквием”, свою незаконченную пьесу, булгаковского “Мастера и Маргариту” – причем читает так, что эмигранты во Франции узнают про эти произведения) не минули внимания Маленкова и явились бы для него хорошим подспорьем при опрокидывании Жданова. Но Жданов proved об этих намерениях¹ и нанес удар первым. Удар политика – двусторонний. С одной стороны, он **сам** разгромил Зощенко-Ахматову, закрыл собственные ленинградские журналы. **Сам** и **первый**. После этого он получил право бить чужих, как Ежов начал ежовщину с того, что расстрелял самые близкие к нему лично семьи. С другой стороны, получив от генерала Власова подтверждение, что именно Маленков лично привез командующему Волховским фронтом Мерецкову, в качестве заместителя его, Власова, Жданов повесил Власова в Ленинграде напротив кинотеатра “Гигант”, где тот провисел уликой Маленкову, “сотрудничавшему” с Власовым, несколько недель. Маленкова вывели из Секретариата и отправили в Среднюю Азию. В титулярном перечислении Политбюро и других “вождей партии и правительства” Маленков понижается до

¹ Тут сработала многочисленность ждановской клиентелы в Оргбюро. Ведь само по себе “большинство” той или иной клиентелы ничего не значит: в “поколении немых” вопросы решаются не большинством голосов. Но численность важна в двух аспектах: легче быть в курсе затей соперников и сподручнее формировать “тройки”, “пятерки” исключительно из своих – для решения каких-то конкретных вопросов.

четвертого-восьмого места, всегда следуя с осени 1946 по лето 1948 за Молотовым, Ждановым и Берией.

Эта реанимация старых вождей характерна для Жданова. На второе место после Сталина попадает не Маленков, а Молотов. Той же осенью Андреев получает важный пост председателя Комитета по делам колхозов – так сказать, проводить вторую коллективизацию после безобразий, творившихся во время войны. В состав этой комиссии включены несколько видных членов Политбюро под начало Андреева. В 1947 Жданов выгоняет из Оргбюро упомянутого Александрова, сменяет Патоличева на Сулова в секретарях. В январе 1947 принято постановление ЦК против маленковского клиента – секретаря Белоруссии Пономаренко.

Пономаренко – ровесник Сулова и Маленкова. Уроженец Кубани, он там же начинал партстаж и учебу на рабфаке, но в 1927 перебирается в Москву, где кончает МИИЖТ, после чего служит в армии на мало поддающейся огласке работе, а с 1937 – инструктор ЦК. Дослуживается до замзав отдела руководящих парторганов (т.е. Маленкова) и в 1938 посылается первым секретарем Белоруссии (видимо, взамен расстрелянного Шаранговича). В марте 1939 – член ЦК, в сентябре 1939 приобщается победному наступлению (“Пограничники смели одну границу – коммунизм сметет все до одной!”) и входит на прежде польские территории в качестве члена военного совета Белорусского фронта. С июля 1941 член военного совета последовательно Западного, Центрального, Брянского, I Белорусского фронтов. С 30 мая 1942 по март 1944 – начальник штаба партизанского движения, получая чин генерал-лейтенанта. Белоруссия была в годы войны территорией специфических кошмаров. Тут сдались немцам летом 1941 сотни тысяч красноармейцев. Поначалу немцы отнеслись к пленным безразлично, и любая сельская баба могла забрать себе из колонны любого пленного солдата, назвав мужем, братом или сватом безо всяких документов. Так эти тысячи расселились по Белоруссии и Смоленщине. Никакой антинемецкой активности не возникло, но напротив, попытки организовать антисталинские формирования утонули в трясине безразличия и “моя хата с краю”. Несколько присланных Берией из Москвы “партизанских” отрядов (т.е. фактически регулярных частей, переодетых в штатское) канули в ту же трясину¹. Но за зиму

¹ Тут имело место какое-то крупное предательство, следы которого отражены в “Августе 1944”, и, изоморфно, в других детективно-

1941-42 немцы сумели восстановить против себя значительную часть населения, и партизаны обрели симпатизирующую им среду. Их еще не хватало на серьезные акции, приходилось посылать с террористическими заданиями 12- и 14-летних детей, но все же движение началось. Тогда антисталинские формирования из русских и белорусов начали войну против “московских партизан” – разгорелась фактически гражданская война. Как таковая, где брат на брата, она была по-домашнему жестока и бессмысленна, а подогреваемая неразбирающимися тотальными репрессиями вермахта и намечающимся переломом сил на фронте в 1942-43, мало-помалу обернулась практически всенародным повстаньем против немецко-фашистских оккупантов под руководством т.т. Пономаренко, Мазурова, Малина, Зимянина, Машерова. Крови было пролито изрядно. И вот этот Пономаренко в 1944 возвращается на пост I секретаря Белоруссии и делается предсовмина БССР. Названные лица получают значимые посты, в том числе дотоле беспартийный учитель физики Машеров, на свой страх и риск организовавший первый партизанский отряд, стал I секретарем обкома ЛКОМ. Теперь в январе 1947 Жданов свирепо “критикует” Пономаренко, в марте снимает, а позже и на пост пред СМ БССР назначен другой – А.Е. Клещев.

В марте 1947 с первого секретаря Украины снят Хрущев, который оставлен в второстепенном посту предсовмина Украины. В секретарстве он заменен извлеченным из небытия Кагановичем. В какой мере тут проявилась линия на возрождение былых вождей, в какой мере сыграла роль дочка Кагановича Роза, ставшая то ли женой, то ли наложницей Сталина, – не ясно. Но для Кагановича перемещение с должности министра промышленности стройматериалов в позицию владыки Украины – огромное событие. В мае 1947 отменена смертная казнь в СССР. В Венгрии заклеямен премьер-министр Надь Ференц. Предвыборные плакаты в Ленинграде обещают, что “в 1950 году мы будем жить при коммунизме”. В Румынии свергнут король. В Польше проведен плебисцит, утвердивший предложенные Советским Союзом границы Польши; наследники Армии Крайовой делают отчаянные попытки отстоять

милицейских романах, где действие происходит летом 1942, но тоже из Минска с безукоризненными бумагами прибывают немецкие шпионы. Видимо, даже те гебисты, которые дают эти сюжеты писателям, позабыли в точности, что и когда было, но помнят, что измена шла из Минска.

“niepodleglosc”. Взамен распущенного в 1943 Коминтерна создается на базе только некоторых европейских компартий Коминформ, на первом совещании которого главный доклад делает Жданов, второй докладчик от СССР – Маленков. Указ об отмене карточной системы питания населения в декабре 1947 подписан: “Сталин. Жданов” – без прочих фамилий. В том же году вводятся “голубые конверты”. Уже отстраненный Александров вторично добит. Дабы вернуть себе расположение всевластного Жданова, он стал писать хвалебные рецензии на “основополагающий труд” т. Вознесенского, что привело к еще одному наказанию через два года. Вознесенский же сочинил “Военную экономику СССР” – этот вдохновенный гимн **приказу в экономике**. Все экономические так называемые закономерности отставлены как буржуазные предрассудки, а творческая воля Госплана и ЦК и лично товарища Сталина созидает чудеса. Наверное, пафосу этого произведения позавидовал бы сам Бухарин в 1920.

13 января 1948 в Минске убит Михоэлс. В феврале 1948 в Чехословакии внеконституционным путем устраняется прежнее правительство и власть безраздельно достается Готвальду и Сланскому, не ведающим, что жить им осталось пять лет.

В том же феврале из кандидатов в члены Политбюро переводятся Косыгин и Булганин. Булганин с марта 1947 министр вооруженных сил (взамен Сталина; до того был замом) и проводил чистку вооруженных сил как раз в Чехословакии в 1947.

Не все шло гладко и не все удавалось. Так, Сталин целый год держал у себя рукопись названного сочинения Вознесенского. Видимо, размышлял: не слишком ли зарвался этот теоретик? Эдак он и мой немеркнувший теоретический вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма-сталинизма затмит? Но все же позволил опубликовать и наградил Сталинской премией 1 степени (200 000 рублей). В Финляндии попытка произвести коммунистический переворот сорвалась, а курировал Финляндию лично Жданов. Во Франции летом 1947 коммунисты были изобличены в чем-то заговорщическом и выставлены из правительства. Те коммунистические партизанские отряды, про которые писали советские газеты в 1947, тоже почему-то не дошли до Рима, а растворились в воздухе.

Наконец, в 1948 выплыли наружу дотоле подспудные разногласия с Тито: тот повел свой независимый курс, и никаким нажимом нельзя было этого бывшего сотрудника НКВД заставить формировать правительство по предварительному согла-

сованию с Москвой, чего уже добились в Польше, Румынии, Болгарии, Венгрии, Чехословакии.

Затеял было Жданов осенью 1947 изничтожить Лысенку, шарлатанская суть которого не могла не быть ясна многим академикам, окружавшим Вознесенского (Берг, Келдыш, Королев, Курчатов). Да не смог с этим родичем Хрущева справиться. Более того, уже в декабре 1947 пришлось вернуть Хрущева на прежнее место, а Кагановича убрать с Украины.

Видимо, Хрущев здорово перепугался и протянул руку дружбы Маленкову. Тот воспрянул и быстро пошел в гору.

История падения ждановцев еще ждет исследователя. Предварительно можно поручиться только в одном: хрущевская версия, будто бы ленинградское дело было организовано Берией и Маленковым, нуждается в исправлении: оно было организовано Хрущевым и Маленковым, а Берия на этом этапе никакого значимого участия не принимал. Каких именно союзников и как приобрел себе Маленков – неясно, но известно, что 31 августа 1948 Жданова “приносят мертвого с охоты”, а точнее это было самоубийство. В номенклатурной титуляции Маленков теперь неукоснительно занимает третье место: “Сталин, Молотов, Маленков”, всегда выше Берии. В октябре вместо Жданова секретарем ЦК назначается Пономаренко, в феврале 1949 из Оргбюро вылетают Кузнецов и Родионов¹, а из кандидатов Политбюро – Вознесенский. Естественно, Кузнецов А.А. снят и с секретарей. В марте 1949 Булганин заменяется Василевским на посту министра вооруженных сил. Косыгин, назначенный было в феврале 1948 министром финансов взамен Зверева, уже в декабре возвращает этот пост Звереву, а сам назначен министром легкой промышленности – пост, настолько незначительный в марксистской номенклатуре, что рождается вопрос: а остался ли Косыгин членом Политбюро? Молотов продолжает понижаться: в 1941 он был первый заместитель главы правительства и министр иностранных дел; в марте 1946 стал просто заместителем предсовмина и министром иностранных дел, а в марте 1949 уступил последний пост “молодому” 68-летнему Вышинскому, оставшись заместителем главы правительства без портфеля. В 1949 арестованы вожди компартий: в Венгрии Ласло Райк, в Болгарии Трайчо Костов, в Албании Кочи Дзодзе (все рас-

¹ Родионов смнен на посту предсовмина РСФСР Б.Н.Черноусовым, который автоматически вводится в Оргбюро, хотя, впрочем до 1952 не удерживается.

стреляны); в Польше – Гомулка, в Чехословакии – Сланский (все – люди Берии). Тогда же арестованы Кузнецов, Родионов, Попков. В январе 1950 восстановлена смертная казнь “для подрывников и диверсантов”, после чего арестуют Вознесенского и его брата (ректора ленинградского университета взамен расстрелянного в 1938 Лазуркина; никакими научными достижениями не отмечен). Все они расстреляны в ночь с сентября на октябрь 1950. В сентябре 1949 объявлено на весь мир о наличии в СССР атомной бомбы (в мирных целях, конечно). В январе 1950 США поясняют, что Корея не входит в зону, находящуюся под защитой американского оружия. В мае 1950 “в ответ на агрессию южнокорейских марионеток” войска Северной Кореи победоносно захватывают почти всю Южную Корею в считанные дни, и только сказочный десант США в Чемульпо заставляет их отступить; после этого начинается затяжная война между китайскими добровольцами и войсками ООН примерно на линии прежней границы между обеими Кореями. В октябре 1949 убит Я.Галан. В декабре 1949 из Оргбюро и Секретариата вылетает Попов, снимаемый также с 1 секретаря Москвы и ее предисполкома. С Украины после 12-летнего отсутствия триумфатором в Оргбюро Секретариата ЦК и первым секретарем Москвы въезжает Хрущев, заменяемый на Украине Мельниковым. Но Попову здорово повезло: назначенный сначала министром горстроя, а потом сельскохозяйственного машиностроения, он уже в 1951 понижается до директора среднего завода в Куйбышеве, но остается живым. Повезло и Москве: Хрущев почти не меняет аппарат в ней. Взамен же ленинградского Попкова назначенный Андрианов, до того с 1938 расчищавший Свердловск от “пятаковской и кабаковско-столяровской банд”, меняет весь ленинградский аппарат, заменяя аборигенов приезжими. Процесс над диверсантами Вознесенским, Попковым, Кузнецовым и др. устраивается публичным (по пригласительным билетам), подсудимые во всем признаются. Но отличие от чисток времен ежовщины налицо: удар локализован по исключительно партийной верхушке, не распространяется вширь на беспартийные массы. Даже бесспорно существовавшие в то время антисоветские молодежные группы, попавшие на глаза МГБ, не присоединены к “ленинградскому делу”.

В декабре 1949 состоялись народные ликования в связи с 70-летним юбилеем Великого Вождя и Учителя, Корифея

Всех Наук¹, Мудрого Зодчего Коммунизма **ИОСИФА ВИС-САРИОНОВИЧА СТАЛИНА** (бурные продолжительные аплодисменты, переходящие в овации, все встают, слышны возгласы: “Спасибо Вам, товарищ Сталин, за то, что Вы живете на земле!” “Пусть солнце погаснет, но Сталин живет!” “Сталин – наша слава боевая, Сталин – нашей юности полет, с песнями борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идет!”). И так с песнями и плясками, непрерывным потоком несколько лет подряд (до XIX съезда) заполняли Музей подарков Сталину (бывший музей Революции) и страницы газеты “Правда” чистосердечными приветствиями Сталину все детские сады СССР и его окрестностей. Главным редактором “Правды” в 1949-50 был Сулов, но почему-то в 1950 он снят с этого поста; заменен Ильичевым. В феврале 1950 из Политбюро с треском и навсегда вылетает Андреев. Жена его сидит. Сидят сыновья Микояна. Когда приходят арестовывать жену Ворошилова, он с оружием в руках выгоняет гебистов (этого они всегда боятся и покорно уходят); Сталин объявил Ворошилова английским шпионом и перестал пускать на заседания Политбюро. Буденный отстрелялся на даче из пулемета. Жена Молотова сидит. Правящая тройка – Сталин, Маленков, Хрущев.

В мае 1950 гений Сталина озаряет новые теоретические вершины: под его именем выходит написанный академиком-лингвистом В.В.Виноградовым “Марксизм и вопросы языкознания”. В 1951 арестован министр госбезопасности Абакумов.

Так нечувствительно ленинградское дело перерастало в подготовку нового крупного погрома.

Можно по-разному убивать ставших ненужными или опасными подчиненных: велеть им застрелиться, отравить их или переехать машиной, судить негласно, заклеить всенародно, казнить на плахе на Лобном месте. Сталин любил зрелища. Он, как и Гитлер, даже в годы войны имел обыкновение заставлять своих генералов смотреть с ним многочасовые кинофильмы. Он многократно крутил одни и те же ленты. Он по кино познавал жизнь и труд колхозников (“Кубанские казаки”), по кино узнавал, как он сам брал Берлин (“Падение Берлина”). Ему нужно было зрелище, всенародные эмоции, когда разоблачают злейших его врагов. На публичную казнь (как делал Гитлер) решиться он не смел по трусости. Больше

¹ Хотел бы я узнать, кто был тот смельчак-насмешник, который рискнул обозвать Сталина “корифеем” в самый первый раз: ведь “корифей” по-гречески “передовой козел”!

всего ему импонировали процессы 1936-38, где все происходит и публично, и безопасно. Но для того, чтобы провести такие процессы, нужно указать народу какого-то бесспорного и мощного врага, выразителем интересов которого и была, де, жалкая горстка отщепенцев и изменников, сидящих на скамье подсудимых. В ежовщину таким врагом была недобитая буржуазия, вредители-инженеры, кулаки с обрезами, на фоне ненависти к которым всенародным негодованием испепелялись бывшие партийные вожди. В 1949 в Венгрии-Болгарии существовало такое силовое поле: остатки эксплуататорских классов, негодяи, сотрудничавшие с немцами. Сфокусировав рождаемую ими ненависть на Райке и Костове, удалось получить внушительное зрелище, воспитывающее подлинных строителей коммунизма. А вот в СССР не было такого фона-поля – потому процесс против Вознесенского-Кузнецова прошел скомканно, не вызвал надлежащих откликов. Для создания такого всеобщего чувства ненависти и гнева надо было указать относительно широкий слой жертв – и Маленков избрал евреев в соответствии со своими антипатиями. На фоне общеврейского заговора любой процесс против прежних вождей будет осмыслен, внушителен и доходчив. Лавиной и организованно стал нарастать антисемитизм. Он шел и снизу. Частично он был занесен армией из Германии, подобно тем вольнолюбивым мыслям, которые занесли русские офицеры из поверженной Франции в 1815-1820. Частично он коренился в сознании русского и украинского народов, что было отмечено всеми наблюдателями гражданской войны. Частично он оправдывался позицией, занятой многими евреями относительно только что возникшего государства Израиль: “Наша родина – там, а не здесь”¹.

Как ни парадоксально, но на пути к такому зрелищно-воспитательному мероприятию стоял Берия. Не будучи с 1942 формально ни главой НКВД (МВД), ни главой НКГБ (МГБ),

¹ Многих лиц, мыслящих в утонченных правовых категориях, коробит словечко “оправдывался”. Но автор – историк, и обязан мыслить и чувствовать в категориях, свойственных описываемым им деятелям. Иначе он просто ничего не поймет в мотивах. Деятелем был российский народ, портрет которого набросан в кн. 1. Главнейшая духовная ценность его искони – казарменная готовность к войне. И если на соседних нарах в той же казарме лежат и шушукуются, что у них, де, есть верность иным знаменам, а не общедивизионной присяге, то для солдата **оправдана** ненависть к так рассуждающим.

ни даже секретарем ЦК по безопасности (пост этот в 1947-49 занимал Кузнецов), тем не менее Берия, по-видимому, был шефом всей службы безопасности. Это значит, что ему были подвластны все органы порядка и безопасности, розыскно-следственные органы, разведка и контрразведка, погранвойска и конвойные войска – все многомиллионные лагеря. Власть эта проявлялась прежде всего в том, что все руководящие кадры этих служб были подобраны Берией, воспринимали его как своего шефа, независимо от того, формально возглавляли Кузнецов или Абакумов. Берия был человеком безжалостным и, конечно, не смутился бы планом Маленкова-Сталина утопить всех евреев в Байкале. Но он был расчетлив и дальновиден. Он понимал, что широко развернутые репрессии неизбежно приведут к ликвидации того, кто возглавляет эти репрессии – его самого, как пали Ягода и Ежов. Этого он, естественно, не хотел. Поэтому раздувание арестов и ненависти было ему не с руки. Он эффективно убирал тех, кто должен был быть убран: Михоэlsa¹, Жданова или Вознесенского – все равно. Но выкапывать самому себе яму он не хотел. Сталину же была нужна не эффективность, но эффект, эффектность. Не убрать мешающих, но насладиться их растянутой агонией.

Была и вторая причина, почему Берия стал докучен Сталину. Чересчур уж он эффективно со всем справлялся. Вот поручили ему создать советскую атомную бомбу (председатель Комиссии по атомной энергии). Все специалисты на Западе были уверены, что дело затянется на десятилетие, и не на одно. И, действительно, в фантастической, призрачной промышленности СССР, где никаких стандартов качества соблюсти не умеют при хоть сколько-нибудь массовом производстве, надеяться повернуть прецизионное производство, связанное с атомным комплексом, выглядело гиблым делом. К тому же, советские физики не горели энтузиазмом давать своему правительству такое сверхмощное оружие. Но Берия преодолел все: заставив работать заключенных (“шарашки”), где экономические критерии отсутствуют, он через супругов Розенбергов выкрал все необходимое для создания бомбы и вдохновил физиков к созидательной деятельности, внушив

¹ Не был ли Михоэls сам агентом Берия, который стал почему-то лишним? Председатель Всесоюзного, хотя бы и антифашистского еврейского комитета не мог не быть доверенным лицом МГБ. Надо бы уточнить роль Михоэlsa – актера театра на идиш – в изгнании из СССР еврейского театра на иврите в двадцатые годы.

им, что в этом они сами заинтересованы, что создав бомбу, они утрут нос ему и другим глупым правительственным чиновникам, которые своими идиотскими распоряжениями только мешают работать с полной отдачей. Словом, как Том Сойер заставил мальчишек красить ему забор, так Берия заставил работать Капицу, Курчатова, Тамма и Сахарова над атомным и водородным проектами. И вот в 1949 таинственно-грозная атомная бомба в распоряжении Берия. Сталину страшно. Надо убирать Лаврентия. В 1949 на Грузию обрушивается первый удар.

Ведь Берия отличался от прочих членов Политбюро еще в одном отношении: он имел территорию, где его бесспорно любило население, где в нем видели **своего**. Это была Грузия. Отвечая на раздраженный выкрик Сталина: “Грузию перепачкать наново нужно!” – “Перепашем, дорогой, перепашем”, – Берия не доводил до массовых репрессий в Грузии, оберегал грузинскую кровь. Конечно, он истреблял всех, на кого указывал Сталин. Конечно, он не допускал попыток выделиться из Грузии нацменьшинствам. Но до бессмысленной бойни ежовщины в Грузии не доходило ни разу. И грузины были его надежной опорой, хотя картвелы, мингрелы и имеретины порозному. За Берией стояла целая страна, тогда как ни за Ворошиловым, ни за Молотовым, ни за Маленковым, ни за Ждановым никакой регион не стоял. Отчасти близок в этом отношении к Берии Микоян, но по влиятельности он не шел ни в какое сравнение. И этим Берия был дополнительно опасен Сталину. Поэтому в 1949 по указке Сталина меняются высшие органы власти в Грузии – убираются некоторые наиболее верные Берии кадры, хотя пока не арестуются.

В мае 1950, как сказано, под именем Сталина выходит статья, обрушивающаяся на академика Марра. Марр, один из немногих старых академиков, которые пошли радостно за большевиками, всячески внедрял в языкознание диалектику и материализм с двадцатых годов. На попрание изгнания прихвостней буржуазной лженауки он, естественно, сблизился с карательными органами СССР; в процессе изучения первобытных языков народов Севера он и его ученики сблизились с командующими погранкругами; во время своих поездок с лекциями к евразийцам в Париж он сблизился с разведовательными органами. Будучи грузином, Марр стал близок Берии. После смерти Марра в 1936 Берия гордился тем, что у него был такой ученый друг, и всячески поощрял Мещанинова и

других учеников Марра. Все прочие направления в языкознании были фактически запрещены¹. При выборах нового ЦК в Грузии Берия представил Сталину список на утверждение. Сталин, ознакомившись, изволил пошутить: “Они что – все члены партии?” Предупреждение более чем понятное. К тому же арестован ставленник Берии министр ГБ Абакумов, замененный ставленником Маленкова Игнатьевым. Игнатьев, происходя из семьи русских переселенцев в Среднюю Азию, не успевший там укорениться до революции, естественно враждебно относился к “инородцам”, “нацменам” и уже в пятнадцатилетнем возрасте принял участие в войне против басмачей. Через 14 лет он поднялся до поста замнач Управления по проверке партийных органов ЦК, после чего посылался Маленковым повправлять мозги тем или иным национальностям: в 1937-42 бурят-монголам, в 1943-46 – башкирам, 1947-49 – белорусам², в 1949-51 – узбекам. Теперь же ему предстояло заняться грузинами. Замминистром ГБ тоже делается клиент Маленкова Епишев, взятый с поста первого секретаря одесского обкома.

Ибо Маленков ничего не имел против широких и основательных репрессий как внизу, так и наверху. Напуганный реакцией старых вождей при Жданове и получивший возможность твердо вступить во власть, Маленков решает убрать всех старых политбюрошников: Андреева, Берию, Ворошилова, Кагановича, Микояна и Молотова, а также и Мехлиса. Сталину они тоже не нужны, – а зато каким украшением заговора американо-сионистской диверсионной агентуры явятся такие имена! Хотел ли Маленков убрать самого Сталина, как утверждают иные авторы? Никаких доказательств таких наме-

¹ Совсем незадолго, в 1947 при Жданове, академик Виноградов подвергся поношению, а Марра восхваляли. Так что у Виноградова были веские мотивы написать “Марксизм и вопросы языкознания”. Проблема конкретно-исторического исследования – узнать каналы, которыми был Виноградов сращен с аппаратом ЦК: Маленковым? Суловым? Удар против Берии начался с удара против покойного Марра: вот, дескать, какой вредный человек был ближайшим другом и советчиком Берии! Как же можно теперь Берии доверять?! Эта компрометация Берии обернулась большим счастьем для лингвистов: был отмечен весь бред, которому учили марристы, и в языкознании стало возможно заниматься настоящей наукой без помех (отвлекаясь от **других** помех).

² Сюда не первым секретарем, что, возможно, связано с тем, что в это время командовал не Маленков, а Жданов. К узбекам же он едет уже выше первого секретаря: уполномоченным ЦК по Узбекистану.

рений нет, даже тени намеков того я не вижу. Конечно, аппетит приходит во время еды, но ведь Маленков был прожженный политик и не мог не понимать, что сам он без Сталина – нуль без палочки¹. К этому трогательному дуэту охотно третьим подключился Хрущев, люто ненавидевший Берию за расстрел своего сына, а прочими перечисленными вождями не слишком-то дороживший.

К открытию XIX съезда (стенограмма его доселе не издана) весь советский народ был осчастливлен новым гениальным произведением, светом научной теории озарившим наше прекрасное будущее: “Экономические проблемы социализма”, – написанным Гатовским и Шепиловым (под псевдонимом И.В.Сталин) по методу отталкивания от рукописи Вознесенского “Политическая экономия социализма”, которую тот сочинял в предарестной истерии 1949 года. Партия была осчастливлена извещением (по закрытым партканалам) о расстреле в августе 1952 нескольких десятков сионистских заговорщиков, иные из которых были даже членами ЦК в момент расстрела. Персонально Лаврентия Павловича Сталин порадовал арестом (в рамках “мингрельского дела”) всех ставленников Берии в грузинском правительстве и ЦК КП Грузии, арестом едва ли не всех секретарей обкомов в Грузии, а также (особенный подарок) – снятием и частично арестом почти всех министров ГБ республик. Съезд (в октябре) переименовал партию: из ВКП(б) в КПСС, что существенно, ибо разрывает с революционной традицией. Съезд ликвидировал пост генерального секретаря ЦК, что мне представляется далеко рассчитанной демонстрацией скромности и демократизма накануне провозглашения себя императором или чем подобным. Съезд ликвидировал Оргбюро, сохранив только Политбюро и Секретари-

¹ Считаю смехотворным утверждение Авторханова, будто бы XIX съезд был созван Маленковым против воли Сталина. Не допускаю и мысли о том, чтобы два-три или более членов Политбюро осмелились бы сговариваться друг с другом насчет отстранения, устранения или ликвидации Сталина: не было между ними такой степени доверия. Неверно утверждение Авторханова, будто у Сталина и Политбюро были расхождения по вопросам войны и мира: во-первых, позицию Политбюро в 1948-52 он выводит из резолюции 1956, что ненаучно. Во-вторых, он забывает про интервью Сталина Стассену и письмо Уоллесу (1947-48), где Сталин прямо заявлял про возможность сосуществования. В-третьих, там, где Авторханову кажется, будто Сталин спорит с Политбюро, на деле тот спорит с расстрелянным Вознесенским.

ат. Так как при этом число секретарей возросло с пяти до десяти, то это просто означало переименование Оргбюро в Секретариат при упразднении последнего, причем незаметно исчез Мехлис (оставшийся, впрочем, членом ЦК). Кроме того, Политбюро переименовано в Президиум, а состав его бескрайне расширен: с 11 человек до 24 при 11 кандидатах. Ясно, что такое расширение по правилам политической арифметики означало подготовку уже предрешенного “вычитания” из числа прежних одиннадцати какой-то весомой группы. Такое расширение тем удивительнее, что в президиуме съезда (а не более узкого органа – Центрального комитета) было всего 16 имен: Андрианов, Аристов, Багиров, Берия, Булганин, Ворошилов, Каганович, Коротченко, Куусинен, Маленков, Молотов, Ниязов, Патоличев, Сталин, Хрущев, Шаяхметов, да и из тех трое в президиум ЦК не вошли. Это делает весьма правдоподобным рассказ Хрущева о том, что ЦК и его президиум Сталин подбирал сам, не пожалев на то времени (на съезд же он явился всего дважды: на открытие и на закрытие; да и то правда – было бы на что время терять!).

Из прежнего Политбюро устранен Андреев; Косыгин понижен до кандидата. Новые члены президиума (Политбюро): Андрианов, Аристов, Игнатьев, Коротченко, В.В.Кузнецов, Куусинен, Малышев, Мельников, Михайлов, Первухин, Пономаренко, Сабуров (с 1949 – пред Госплана вместо Вознесенского), Суслов, Чесноков, Шверник; кандидаты в президиум: Брежнев, Вышинский, Зверев, Игнатов, Кабанов, Косыгин, Патоличев, Пегов, Пузанов, Тевосян, Юдин. Секретари остались все прежние, т.е. Сталин, Маленков, Хрущев, Пономаренко и Суслов, к которым добавлены: Аристов, Брежнев, Пегов, Михайлов, Игнатов. Правящая группа, т.е. секретари, являющиеся членами президиума – Сталин, Маленков, Хрущев, Аристов, Михайлов, Пономаренко, Суслов. Президиум наверняка имел более узкое бюро, ибо орган из 24 лиц не работоспособен; весь вопрос в том, имелось ли одно бюро, или несколько “отраслевых”. Хрущев в мемуарах называет как рабочее бюро из Сталина, Маленкова, Хрущева, Берии, Ворошилова и Кагановича. Если это верно, то власть в стране принадлежала триумвирату Сталин-Маленков-Хрущев.

Обилие новых имен наводит на мысль о новом феномене в партийной истории. Выросло поколение кадров, подобранных Маленковым. Они могли лично к нему вовсе не

испытывать ни дружеских ни просто лояльных чувств, могли не любить его по многим причинам, по которым подчиненные не любят начальника. Для него же они были **свои** кадры, известные насквозь. И они были знакомы друг с другом, спаяны некоторым единством происхождения, навыков, положения, общих устремлений, совместным молчанием об одних и тех же вещах и темах. И раньше к власти выходили те или иные кланы, спаянные прежним общением в трудных ситуациях. Но каждый клан имел свои особливые привычки; чужак, даже изменив своему клану, как Стецкий Бухарину, не мог запросто влиться в новый и погибал. Эти же все были друг другу родными, хотя бы порой даже по-родственному не переносили один другого. И если в конце первого цикла только зарождалась аппаратная власть (Кагановича, Ежова, а о Маленкове говорить было рано), то те были ничтожными единицами сравнительно с этим поколением, вполне созревшим уже к фазе смерти бесспорного вождя во втором цикле¹. Как показало будущее, они не давали погибнуть друг дружке, вытаскивали один другого². Применительно к ним делается бессмысленным вопрос: “Чей он человек? Из чьей клиентелы?” – ответ на который так помогал нам разбираться в коллизиях двадцатых-сороковых годов. Нужны другие, более сложные средства анализа и иная терминология, нежели “клиентела”, “клиент” в их древнеримском понимании. Они все – лица нового поколения – рассматривали себя как равных друг другу, что являлось залогом некоторого “демократизма”, который собственно и возникает в ситуации, где никто ни на кого не может цыкнуть. Сейчас-то, конечно, они ни на какую самостоятельную роль претендовать не могут и не берутся. Они еще ходят в свитах звезд первой величины, сидящих за

¹ Напомним, что цикл власти начинается с фазы становления бесспорного вождя (очень краткая и не типичная в первом цикле; растянутая в третьем цикле), проходит фазу смерти этого вождя и последующую фазу чистки от всего, что было главным и существенным при этом вожде (Бухарин после Ленина, Хрущев после Сталина), когда совершенно исчезают прежние руководители, и снова входит в фазу становления бесспорного авторитета уже на следующем цикле. См. §§ 2-3 и кн.3 §19.

² Многозначительно, что на XIX съезде оживает прибывший в 1946 Жуков – он становится кандидатом ЦК. Другой пример: в декабре 1953 Косыгин не дал расстрелять крупного бериевца М.М.Гвишиани потому, что сын его Д.М.Гвишиани был женат на дочери Косыгина и у них уже был сын – А.Д.Гвишиани.

столом Президиума XIX съезда в первом ряду: Каганович, Маленков, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Берия, Булганин (слева направо). Важнее, однако, не их сателлитность (допускающая переходы с орбиты на орбиту), но общность их друг другу. И все они, как и названные звезды, тонут в ослепительном сиянии солнца – Сталина, который и в президиуме сидит не за общим столом, а “скромно” в стороне слева.

Подготавливаемые и проводимые репрессии заглушались грохотом великих строек коммунизма, сталинских планов преобразования природы, лесозащитных полос, утверждением единственно-истинного учения академика Лысенко. В столичных городах, действительно, в послевоенные годы жилось год от году лучше за счет ежегодного снижения цен на предметы питания¹. Так как снижение потребительских цен осуществлялось не за счет уменьшения косвенных налогов (см. §3), а за счет повышения сельхозналога (точнее, “норм доходности” облагаемого дохода) на колхозников, то происходило систематическое ограбление колхозов, в которых остались одни женщины, престарелые и дети. К 1953 дошло до того, что колхозники перестали выкапывать картошку с полей: выручаемая за нее сумма не окупает труда. Но городское население не знало о крестьянских бедах: поездки по стране, путешествия – не поощрялись, а газеты про это не писали. Уровень газетных статей того времени лучше всего характеризуется излюбленной присказкой главного редактора одной из центральных газет СССР, когда он подписывал ее в печать: “Маразм крепчал”, – говаривал он и потирал руки. И, пожалуй, господствующим настроением населения был страх перед грядущей и неизбежной войной. Страх, покорность и

¹ Снижение цен на ряд товаров провел Косыгин в марте 1948, едва ставши членом Политбюро и министром финансов. Оно ему было нужно как баланс для задуманного им и частично осуществленного в августе 1948 повышения налогов, транспортных и коммунальных тарифов, которые с поры “военного коммунизма” оставались на неправдоподобно нерентабельном низком уровне. Выпадение Косыгина из Политбюро осенью 1948 приостановило этот его курс; министром финансов вернулся Зверев, который до самого 1960, когда Косыгин его одолел-таки, вел свой “антиинфляционный курс”, препятствуя какому-бы ни было повышению цен. Снижение же цен в марте-апреле каждого года стало традицией в 1949-53, хотя экономического значения уже не имело.

убежденность, что за границей еще хуже. Так прошел тридцать пятый год после низвержения самодержавия Романовых.

ЛИТЕРАТУРА

- “Большая стратегия”, тт. 1–7. Журнал “Большевик” за 1939–52 гг.
Бабаевский. “Кавалер Золотой Звезды”, 1948.
В.Гроссман. “За правое дело”.
Газеты с отчетом о XIX съезде.
Жданов А.А. Выступления (о журналах “Звезда” и “Ленинград”; на дискуссиях по книге Г.Ф.Александрова). Сборника произведений Жданова не издано.
“История Великой Отечественной войны”. т.т. 1–5.
А.Крон. “Бессонница”, 1977.
Лебль. “Меня судили вместе со Сланским”.
Р.Мерль. “Смерть – мое ремесло”.
“На защите невской твердыни”.
Постановление ЦК “Об одной антипатриотической группе театральных критиков”, “Об опере Мурадели”.
Песни тех лет.
Сталин. “О Великой Отечественной войне” и другие произведения.
Стенографический отчет о сессии ВАСХНИЛ, 1948.
А.Солженицын. “В круге первом”, “Случай на станции Кречетовка”.
Ю.Трифонов. “Дом на набережной”, 1976.
И.Эренбург. “Оттепель”, 1954.

Глава 2. Эпилог или завязка

§ 6. Хрущевский ренессанс

Смерть Сталина; бериевская реабилитация; победа Маленкова; Хрущев; Суслов; реабилитация по ленинградскому делу; забота о нуждах народа; Жуков и снятие Маленкова; “весна” 1955-56; Венгрия и антихрущевский заговор; победа Хрущева в 1957; Шелепин и КГБ; дипломатические успехи; космические успехи; поражение Хрущева в 1960; XXII съезд; метания 1962-63 годов; снятие Хрущева; оценка новой власти; отношение ее к разным слоям населения; недовольство и пьянство; трудные проблемы, стоящие перед властью.

В разгар подготовки великолепнейшего из процессов Сталин умер. Само по себе это было счастьем для России, но в смерти Сталина ей повезло еще больше. В отличие от Ленина, Сталин не был обожествлен после смерти, а, напротив, деяния его подверглись суровой (хотя и не всегда справедливой) критике и кое в чем даже были клеймены как **преступления**. Это пробудило мысль и действия и оздоровило режим управления. Из шестидесяти лет советской власти самые хорошие, разумные и принесшие пользу управляемому народу – последние двадцать пять лет¹ (и, как уже отмечалось, четыре года войны – годы единения власти с народом). События развивались так.

¹ Напомним, что книга писалась во второй половине семидесятых. — *Прим. ред.*

В ноябре 1952 – феврале 1953 арестован лечащий врач Сталина, умирает начальник личной охраны Сталина, и сам Сталин сажает своего начканцелярии Поскребышева¹, в результате ловко подстроенной провокации Берии, как говорят. Сталин делается – а главное ощущает себя – беззащитным. В макбетовском страхе перед покушениями он скрывается в трудно доступных местах: отдаленная дача, куда грузинская охрана пропускает только по вызову Сталина, предварительно обыскавши пропускаемого (члена Политбюро!). Там несколько **одинаковых** комнат, причем даже охрана не может знать, в которой из них сейчас находится Сталин. Пища подается через кормушки сразу во все комнаты – ставят подносы и уходят. Сталин из своей (изнутри запертой) комнаты берет поднос, когда раздатчик ушел; съевши, ставит пустой на кормушку.

С другой стороны, 13 января 1953 “Правда” извещает, что врачи-убийцы² в Кремле по заданию разведки США и сионистов убили Щербакова, Говорова, Жданова, готовили убийство Сталина и других. Словечко Симонова “убийцы в белых халатах” облетает весь Союз и рождает уйму “разоблачений” вредительского лечения врачами-евреями в районных и городских поликлиниках и больницах. Массовый отклик, о котором говорилось в §5 и который специфичен ежовщине, зазвучал набатом. Подобно тому, как 16 лет назад Жданов и Сталин обвинили НКВД в запаздывании на 4 года с репрессиями, сейчас уже во всеуслышание “Правда” обвиняет все МВД и МГБ в том, что они проморгали заговор сионистского “Джойнта”, чем обеспечивается, что процесс над врачами будет украшен головой члена Политбюро, ответственного за МВД-МГБ. Попутно “Правда” клеймит сионистскую физику Эйнштейна и Нильса Бора³. Михайлов публично объясняет, что в США и

¹ Поскребышев был привезен в Кремль еще Крестинским-Белобородовым с Урала и так и прижился, сначала денщиком, а потом дошел до звания “член ЦК КПСС”.

² Арестованные врачи в большинстве своем безусловно были убийцами: именно они подписали фальшивое экспертное заключение в 1938, по которому были осуждены как убийцы врачи Левин, Плетнев и др. Но обвиняли их, конечно, не в этом преступлении!

³ Это – последний из тех ударов, что с 1946 обрушивались на мысль и интеллигенцию. Громили: литературу, музыку, литературоведение, языкознание, историографию науки, историографию Кавказа, химию, кибернетику, биологию, физиологию, психологию, формальную логику и даже то, что советский марксизм называет фило-

Англии господствует рабовладение и людоедство. Умирает Мехлис; говорят, в тюрьме, но его торжественно хоронят на Красной площади, что, впрочем, уже бывало (с Акуловым). По МГБ секретно готовится внезапная мобилизация войск госбезопасности. В январе секретным указом вводится смертная казнь за убийство¹.

Убил ли Берия Сталина, как утверждает Авторханов? Не думаю. Похоже, что наедине с ним последние недели он не оставался, а в сговор Берии с прочими членами Политбюро я не могу поверить, как уже сказано в §5. Сговор же Берии с Маленковым невозможен, это противоречит всей их направленности в ту пору. Светлана Сталина видела труп отца и не фиксировала никаких наружных несообразностей, так что версия о явно насильственной смерти отпадает. То, что она приметилла незнакомого ей врача, ни о чем не говорит: ведь у Сталина сменился весь врачебный персонал. Конечно, физическая возможность отравить Сталина у Берии оставалась, он был в смерти Сталина заинтересован, но одних этих доводов недостаточно, дабы утверждать, что Берия совершил сию акцию.

Я думаю, что произошло нечто в таком роде. Запуганный и “затравленный” Сталин-Макбет отсиживался на своей даче. Включил радио – и неожиданно услышал на свежей волне передачу радиостанции “Свобода”. Прочие западные станции, вещающие на русском языке, надежно глушились, а эта начала функционировать только 1 марта 1953. Потрясение от наглости их языка, от некомпетентности органов ГБ, не сумевших заглушить, “хотя им было приказано”, от содержания передачи (где могли быть лично Сталину непереносимые вещи) могло оказаться достаточным для мозгового удара у 74-летнего старика, давным-давно не

софией. Возможно, до поры до времени Берия оберегал нужных ему физиков от погрома, но в январе 1953 он был бессилён. Из советских физиков помечены как идеалисты поименно Л.И.Мандельштам и Моисей Марков – академик.

¹ Этот указ был объявлен под расписку каждому заключенному; он предусматривал расстрел за лагерное убийство. Независимо от намерений законодателя, он спас десятки тысяч жизней политзаключенных, терроризируемых в лагерях “ворами в законе” и “суками”, которым никакое набавление срока за убийство было не страшно – они и так имели предельные 25 лет, – но которые тряслись за свою жизнь. Прежде они убивали беззащитных осердясь, для забавы, для отнятия пайка или шмоток, по подсказке оперуполномоченного и т.п. С января 1953 такие убийства и резня в лагерях исчезли.

слыхавшего возражений и никаких вольных слов. Окажись рядом жена-дети-денщик, был бы вызван врач – и ничего особенного не стряслось бы. Но о самом нездоровье Сталина комендант дачи стал догадываться лишь после того, как два раза подряд поднос с едой оказался нетронутым во всех кормушках. Валяться на полу почти сутки – не лучшее средство лечения. Когда же прибыли члены Политбюро, вызванные комендантом (а не врачами!), то приходящий в сознание Сталин услышал не слова любви: “Милый, тебе больно, потерпи, сейчас будет лучше!”, но ликующий возглас: “Тиран сдох!” – открыл глаза и увидел, что кричит это Берия, рядом другие фигуры, неведомо как проникшие в его запертую крепость, понял, как Калигула и Нерон, что сейчас-то и начнут его убивать, – и умер от страха. Разумеется, это лишь моя реконструкция, и я не настаиваю на деталях, но убежден, что происходило нечто подобное, а не то, что вымышлено Хрущевым и повторено Авторхановым насчет тайных сборищ политбюрошников, на которых они, де, поручали Берии опрыскать Сталина ядом и т.п.

Как бы то ни было, 5 марта объявлено о смерти Сталина. И не возникает ни тени сомнения, кто и в каком порядке правит страной в эти дни:

Товарищи Г.М.Маленков, Л.П.Берия, В.М.Молотов, К.Е.Ворошилов, Н.С.Хрущев, Н.А.Булганин, Л.М.Каганович, А.И.Микоян поднимают гроб и медленно несут его в Мавзолей, над входом в который начертаны два бесконечно дорогих бессмертных имени: ЛЕНИН СТАЛИН. Гремят тридцать залпов артиллерийского салюта... Часы на Спасской башне Кремля бьют двенадцать раз.

В таком и только таком на три месяца жестко фиксированном порядке появлялись имена руководителей страны. За пять суток, в течение которых правители знали о смерти Сталина, но молчали, они лихорадочно делили посты, и 6 марта было объявлено о сокращении Президиума ЦК: из 23 членов вылетели 13 и упразднены все 11 кандидатов. Кроме восьми несших в Мавзолей в президиуме остались еще Первухин и Сабуров; кандидаты (четверо всего) – Мельников, Пономаренко, Шверник, Багиров. Последний введен Берией только сейчас. Из 9 секретарей вылетают сначала шестеро¹. Остаются

¹ При этом из кандидатов Президиума и из секретарей вылетает ставленник Хрущева Брежнев. Он, правда, удержался в Москве, но всего лишь на посту начальника политуправления военно-морского министерства (а не всего военного министерства). Когда в том же

Маленков, Суслов, Хрущев, к которым добавляются новые: Игнатьев, Пospelов, Шаталин, Берия. Но уже 14 марта Маленков выводится из Секретариата ЦК (почетно), а 7 апреля из Секретариата ЦК выводится клиент Маленкова и соперник Берии – Игнатьев (с порицанием). Хрущеву предписано “сосредоточиться на партийной работе”, но первым секретарем ЦК он пока еще не сделан: Устав такого титула не предусматривает. От первого секретаря Москвы он освобожден в том же марте; его сменил Михайлов.

Происходит и реконструкция государственной власти¹. Председателем Совета министров назначается Маленков, внешне самый главный в государстве человек, замещающий Сталина, но лишаемый, как сказано, привычной ему орграспредвласти в Секретариате ЦК. Когда в конце марта Маленков разослал было по райкомам свою канонизированную биографию с фото Сталин-Маленков-Мао, предназначенную для обязательного изучения в системе политучебы, как и “краткая биография И.В.Сталина”, то ее через недельку с проклятиями и невнятными объяснениями изъяли назад. Первым зампред Совмина и министром ВД (при объединении МВД и МГБ) стал Берия. Первым зампред Совмина и министром ИД стал Молотов. Соответственно Игнатьев и Вышинский остались ни с чем. Вышинский назначен постоянным представителем СССР в ООН, он так и не вернулся в СССР больше². Игнатьев же еще был в президиуме XX съезда (видимо, как пострадавший от Берии товарищ). 13 заместителей предсовмина упраздняются, и тем самым выпадают Андреев, Косыгин, Малышев, Микоян, Первухин, Сабуров, Тевосян. Кроме Берия и Молотова, назначаются еще два зампреда (тоже

марте военные ведомства были объединены, то Брежнев переименовался в первого зама начальника политупра военного министерства. Это, конечно, всесоюзный пост, не то, что первый секретарь Молдавии, где он был с 1950 по 1952, но далеко не то, что секретарь ЦК, кем он пробыл четыре месяца. Да и не самостоятельный это пост.

¹ Существует версия, что Сталин-Маленков в 1952 затевали ликвидацию параллелизма партийной и государственной власти, для чего и собирались истребить партвождей. Как писалось в §4, в стране были три параллельные власти: секретариат Сталина, партаппарат и госаппарат. С возвышением Маленкова первые два слились. Став предсовмина, Сталин не нуждался в параллельном партаппарате.

² Заместивший его в 1954 Царапкин прославился фразой на сессии ООН: “Я не джентльмен, я – представитель Советского Союза”.

“первых”): Булганин, он же министр вооруженных сил¹ и Каганович, без портфеля². Шверник снимается с поста председателя Президиума Верховного Совета СССР, куда назначается Ворошилов, чем резко повышается престиж этого поста: Ворошилова знает каждый в стране, а кто такой Маленков – еще переспрашивают. Секретарем президиума Верховного Совета делается Пегов, на которого, видимо, Берия рассчитывает, ибо тот в тридцатые годы работал в НКВД. Шверник же возвращается председателем ВЦСПС, откуда снимается В.Кузнецов³ (клиент Маленкова), назначаемый послом в далекий Китай⁴ в ранге “замминистра ИД”.

Берия без промедлений и необратимо проводит реабилитации. 7 апреля публично реабилитируются врачи и публично же “Правда” обличает незаконные методы следствия и натравливание одной национальности СССР на другую. Тогда же публично (в кавказском масштабе) реабилитируются грузинские коммунисты, арестованные по мингрельскому делу в 1951-52. Новое в стиле руководства – публичность реабилитации и осуждение следственных органов. Этого до Берии в

¹ Его первым замом стал Жуков. Вскоре МВС переименовано в Министерство обороны.

² Оживление Кагановича можно объяснить восстановлением роли пригнетенных при Сталине прежних вождей. Однако оно льет воду в пользу версии, будто Каганович сыграл особую роль в гибели Сталина. Могло оно восприняться и как декларация, что власть не будет преследовать евреев как таковых.

³ В спешке позабыли соблюсти формальность, и в постановлении от имени ЦК КПСС было сказано: “назначить председателем ВЦСПС...”, что послужило поводом для вопежа во всех мировых профсоюзах, что, де, профсоюзы в СССР несамостоятельны, подчиняются приказам правительства и т.п. Теперь пишут “рекомендовать ВЦСПС избрать” – и у правозаступников нет аргументов.

⁴ Это второй “нокдаун” В.Кузнецова. Добравшись в 1940 (в свои 36 лет) до поста зампреда Госплана (по металлу), он из-за ссоры с Вознесенским был в 1943 выброшен на малозначущую профработу. К 1952 ему удается подняться до члена Президиума ЦК, но вот в марте он этого титула лишается, и вообще на долгие годы обречен болтаться за границей то в Китае, то в Корее, где много работы, мало почета и далеко от власти. Колоссальная живучесть Кузнецова в таких обстоятельствах нуждается в исследовании, при котором, наверняка, обнаружатся важные данные о внутрицекистских отношениях.

СССР не случалось. Для публичного закрепления реабилитации срочно созывался XV съезд КП Грузии. Снятые были министры ГБ республики и другие генералы ГБ восстановлены на своих постах или повышены (исключая, однако, Абакумова, который продолжал сидеть). Берия выгоняет не только Игнатьева, но и навязанного Маленковым зама Епишева, который возвращается в свой одесский обком. В апреле проводится широчайшая бериевско-ворошиловская амнистия, по которой освобождались подчистую **все** (даже политические), у кого был срок до пяти лет. Женщины с детьми до 5 лет освобождались независимо от статьи и срока. Было разрешено “активировать”, т.е. освобождать по болезни безнадежно больных по ст. 58, и т.п. Бытовикам же всем скостили полсрока или больше. Амнистия применялась независимо от поведения заключенных в лагере. Поскольку амнистия никак не была сопряжена с мероприятиями по трудоустройству или хотя бы с приисканием жилья для освобождаемых, ни с выдачей денег на прокорм на первое время, постольку она привела к вспышке бандитизма, воровства, квартирных краж. Милицейских сил не хватало, призвали на помощь армию, которая применяла довольно-таки бесчеловечные методы расправы с пойманными или заподозренными грабителями-амнистированными (над бетонным полом три раза подбросить повыше и два раза подхватить¹). Одновременно была введена повсеместная безо всяких ограничений продажа распивочной водки и легких вин едва ли не в каждом магазине: вид апелляции власти к населению “бочку рабочим вина выставляю и недоимку дарю”. Впервые после войны населению стала продаваться мука (в ограниченном количестве килограммов на душу). В том же марте-апреле на Лубянке “случился пожар”, когда сгорели архивы МВД-ГБ.

В “Правде” стали попадаться статьи о несовместимости культа личности с марксизмом, но осторожные, без имен. Василий Сталин был арестован уже в апреле 1953, кажется, потому, что в пьяном виде (а трезвым он не бывал) орал, что папочку его убили и т.п. На Первое мая резко уменьшилось количество портретов Сталина, а для маскировки – и Энгельса; официально четырехчленную формулу “Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин” заменяли на двухименную “Маркс-Ленин”. В майской речи Берия вновь обещал смягчить “в ближайшие не-

¹ Думается, отсюда у Брежнева, работавшего тогда в военном министерстве, возникло отвращение к амнистиям.

дели” уголовное законодательство. Начались подготовительные мероприятия по возвращению выселенных с Кавказа народов¹: например, территория Карачая и Балкарии, отданная в 1945 Грузии и заселенная сванами, была возвращена РСФСР, и сваны оттуда были выселены уже весной 1953. Колыма была изъята из ведения МВД, куда она входила с 1932 как “Дальстрой”, и образован Колымский край с выборными Советами; в декабре преобразован в Магаданскую область. Осуждаются неправильные репрессии в национальных республиках: в Прибалтике и на Украине. В частности, Мельников вылетает и с первого секретаря Украины (заменимый Кириченко), и из кандидатов Президиума ЦК².

Берия проводил и более далеко идущие мероприятия. Руководя советской разведкой, он сталкивался с настоящим общественным мнением за границей и знал, что почем. Проводя в свое время репрессии, он знал, что именно отнято у народа и что надлежит ему вернуть³. Руководя советским проектом

¹ По подозрению, что горцы открыли немцам перевалы в 1942, с Кавказа в 1943-44 были выселены ингуши, чечены, балкары, карачаи и др. По-видимому, эффективно этим руководил Суслов (и Багиров с Берией). В аулах остались только мычащие недоенные коровы да ошалелые на привязи собаки. Мифологизированную версию см.: А.Насибов “На перекрестках Европы” – “Звезда Востока”, 1974, №№ 7-10, и доклад Суслова от 10 марта 1943 на пленуме ставропольского обкома.

² В кишашем ошибками Ежегоднике БСЭ за 1958, и только там, утверждается, будто с 1953 по 1955 Кириченко был кандидатом президиума, тогда как все другие источники о его кандидатуре ничего не сообщают, сразу извещая, что с июля 1955 он – член президиума. Вообще-то правдоподобно, что Кириченко мог сменить Мельникова и на этом посту, но хотелось бы все-таки точнее знать: стал он кандидатом в апреле или в июле? И каким же пленумом избран, если вообще избран, а не кооптирован? Аналогичный вопрос возникает в связи с Жуковым, который по более ранним источникам переведен из кандидатов ЦК в члены ЦК (кооптирован) в июле 1953, а по более поздним – в марте 1953.

³ Те, кто сами отнимали и зажимали, помнят, что было до их несправедливых действий, и потому, решившись почему-либо (со страху, из расчета или по велению проснувшейся совести) восстановить справедливость, отдают отнятое полное. Те же, кто не отнимал сам (например, “дети” отнимавших), уже привыкли к несправедливому порядку и даже при желании не умеют вернуть отнятые права. Не случайно бывший опричник Борис Годунов более всех возвратил боярам их права, погранные при Иване IV.

атомной¹ и водородной бомбы, он сталкивался с очень умными и широкообразованными людьми. Поэтому он как никто отчетливо сознавал несправедливость тех или иных внутри- или внешнеполитических действий СССР и в целях завоевания престижа начал энергично исправлять хотя бы самые вопиющие несправедливости. Может быть, он был в самом деле напуган предвыборными речами Эйзенхауэра, только что пришедшего к власти в США и провозгласившего политику “освобождения”.

Было заключено перемирие в Корее, положившее фактически конец развязанной там в 1950 году войне (война китайских войск против войск ООН), хотя переговоры затянулись еще на пару лет; строго говоря, они и сегодня не закончены. В тот момент критическим был вопрос о военнопленных. Китай (и СССР) требовал вернуть ему **всех** военнопленных (свыше 120 000), а ООН соглашалась вернуть всех тех, кто **пожелает** возвращаться (не хотел почти никто). В мае 1953 СССР согласился на формулировку ООН. Были предприняты шаги к примирению с Югославией, которую Сталин жестоко оскорбил в 1949. В июне Берия (на заседании Политбюро) матюкает Ракоши, велит ему уйти в отставку, назначая премьер-министром Венгрии Имре Надя, склонного к смягчению, а не обострению обстановки. Были предприняты шаги к упразднению Германской Демократической Республики (созданной в том же 1949) и слиянию ее с ФРГ в единую Германию. На последнем шаге Берия и сорвался. Он первым делом вывел из ГДР (или из Берлина? а из всей ГДР не успел?) советские войска госбезопасности. И едва лишь власть оккупантов сделалась мягче, в Берлине вспыхнули 17 июня стихийные национальные демонстрации, требующие воссоединения Германий. Находившиеся у власти в ГДР ульбрихты-гротеволи, бывшие стукачами еще в 1937 в Доме Коминтерна в Москве и понимавшие, что находиться у власти они смогут, только опираясь на штык иностранца, изобразили эти демонстрации как путч, как возрождение фашизма². Для Берии

¹ По-видимому, главной силой и угрозой Берии в тот момент были не органы МВД, а загадочная, мистическая атомная бомба. “А вдруг он ее в портфеле принесет на заседание правительства?” – трепетал невежественный Хрущев и его столь же образованные коллеги.

² Похоже, что они же и спровоцировали волнения демонстративным прикручиванием гаек.

такой оборот был неожиданным. Маленков воспрянул духом – его соперник поскользнулся. Кстати, весь март-апрель Берия и Маленков ходили по кремлевским коридорам обнявшись, как осенью 1934 Сталин с Кировым, как обнимал Сталин Косарева в ноябре 1938. И на упомянутом заседании Политбюро Маленков поддакивал Берии.

Маленков арестовал Берию (исполнял приказ Москаленко, а по другим сведениям – Жуков и Москаленко) 26 июня. В Москву пришли армейские танки, сметая по дороге артогнемгебистские контрольно-пропускные пункты, если те осмеливались потребовать пропуска. В тот же день в разных местах страны (преимущественно на армейских аэродромах) были арестованы ставленники Берии и основные функционеры его аппарата. Дача Берии отстреливалась едва ли не до последнего человека, все бумаги там успели сжечь. И после этого, до весны 1954, во многих учреждениях топили папками с делами МВД и прокуратуры. Об аресте Берии было объявлено 9 июля, тогда же – о снятии Багирова. В отличие от арестов 1937 названные аресты не влекли за собой “откликов”, при которых в провинции арестовывали бы “уклонистов”, “вредителей, связанных с разоблаченными”, и т.п. Правда, семью Берии сослали в Среднюю Азию, сына его лишили ученой степени и т.п., но это настолько **нормально** для советской жизни¹, что и за репрессии-то не почитается. Обвинения Берии сформулировали публично не те, что выше; его обвинили в том, что еще в 1918 он стал агентом муссаватистской разведки², а сейчас как англо-американский агент стремился к реставрации капитализма. В закрытом письме ЦК, предназначенном не рядовым членам партии,

¹ Столь же нормальным для сталинско-советской жизни было то, что пару месяцев спустя после ареста Берия от всех подписчиков Большой Советской Энциклопедии затребовали “для исправления” соответствующий том БСЭ, II издание, 1950 год издания, вырезали оттуда статью – “Берия Лаврентий Павлович – выдающийся сын грузинского народа...”, заменили ее расширенной статьей “Берингов пролив” и вернули подписчикам. Нормальность ситуации состояла в том, что никому из подписчиков в голову не пришло не то, что возмутиться, но хотя бы уклониться...

² Напрасно на географических картах станете искать государство Муссават, которое, де, имело такую разведку. Нет, муссаватисты – это азербайджанская партия, функционировавшая до 1920 и бо- ровшаяся за независимость Азербайджана (Берия – грузин).

обвинения были ближе к изложенному мною; в частности, много места отводилось попыткам Берии вступить в тайную связь с руководством фашистской Югославии, т.е. с бандой Тито. Для дальнейшего, пожалуй, самое важное, как в этом письме изображены отношения Берии и Сталина: так, словно Сталин во всем, а особенно в части репрессий, слушался мнения Берии, принимая в Политбюро решения только после того, как перекидывался по-грузински парой фраз с Берией. Это было первое персональное упоминание Сталина в свете неправомерности его деяний.

Хрущев охотно пошел на ликвидацию Берии, но, увидев, что Маленков нуждается в его поддержке, предоставил Маленкову купить ее крайне высокой ценой. О позиции Молотова нет данных. Ворошилов, по-видимому, противился перевороту; во всяком случае, Указ о снятии Берии с поста I зам-пред Совмина датирован 8 августа – месяц спустя после обнародования ареста Берии¹. В титулярной номенклатуре это сказалось тем, что Хрущев стал упоминаться третьим, а Ворошилов – четвертым. Какое-то сопротивление оказывал министр госконтроля Меркулов², его арестовали в сентябре. В сентябре же Хрущев провозглашается **первым** секретарем ЦК, что противоуставно, но никого не смущает. В августе был найден грузин, согласившийся отречься от Берии, – Мжаванадзе, которого за это назначили I секретарем Грузии.

Мжаванадзе был четвертым по счету первым секретарем Грузии за 1952-53 (предыдущие поочередно арестовывались и выпускались) и имел к Грузии весьма отдаленное отношение. Конечно, родился он в Кутаиси, но как в 1924 попал в армию (возможно, на подавление тогдашнего восстания за независимость), так оставался в ней до 1953. Там он в 25 лет вступил в ВКП(б), закончил в 1937 ленинградскую военно-политическую академию, сражался политработником на разных фронтах и дослужился к 1944 до генерал-лейтенанта. После этого он остался на Украине, входя в военные советы областных военных округов. Там же женился на украинке. Там же избран в ЦК Украины и депутатом Верховного Совета Украины. Конечно, там же познакомился с Хрущевым. И вот после

¹ Возможно, сопротивлялся и Пегов. В 1956 он был снят с секретарей Верховного Совета и отослан в Иран послом.

² Меркулов прежде был нарком ГБ. Как и многие его сослуживцы, баловался писанием детективных и шпионских повестей; псевдоним “полковник Всеволод Рокк”.

ареста Берии Хрущев посылает его в Грузию, и эта независимая республика, имеющая (как и Украина) даже право выхода из СССР, избирает его в 1953 депутатом своего Верховного Совета, членом ЦК КП Грузии и первым секретарем одного. Позже на него в Грузии было несколько покушений и, видимо, ощущая свою неустойчивость, Мжаванадзе давал грузинам возможность жить и обогащаться, не допуская русификации Грузии.

Маленков победил и спас свою жизнь. Но дорогой ценой – упустив кормило власти. Он занял высший пост исполнительной власти, но заплатив за него отказом от секретарства. Таким образом, он стал исполнительной властью, перестав быть источником власти. В Совете Министров все лица ему были знакомы, подобраны им же, те, кто послушно изгибался двадцать лет перед телефонной трубкой, услышав: “С Вами будет говорить товарищ Маленков”. Но погасло то солнце, которое придавало Маленкову эту неограниченную силу, и сам он нынче нес какую-то неписаную и трудно формулируемую ответственность за этих самых подчиненных. Они больше не были чужаками, которым он велел – и пусть хоть трава не расти, пусть носом землю роет, а исполняет. Нет, он стал хозяином их – с хозяйской же ответственностью. А из аппарата ЦК, с его же прежнего номера, теперь звонили иные голоса, другие секретари, звонили **его** подчиненным, минуя его и чего-то от них требуя, как поступал он в свое время...

Кто эти другие секретари? Оставались Пospelов, Суслов и Хрущев. Пospelову шел 55-й год, он импонирует дореволюционным стажем. Недоучившийся студент, он встретил Февраль на профсоюзной работе в Твери, где должен был знать пред губкома Криницкого и, может быть, присутствовать при растерзании тверского губернатора Бюнтинга или при разграблении его дворца. В 1918-19 он в подполье работал в Челябинске, где для него должны были греметь имена Голощекина, Белобородова, Серебрякова. В 1924-25 работает инструктором агитпроп отдела у Сырцова. Окончив в 1930 Институт красной профессуры, еще полный бухаринских ребят, он избирается в ЦК к Орджоникидзе и в 1931-34 работает в редколлегии “Правды”, повышается до завотделом партжизни. На XVII съезде выбирается в КПК (под Кагановичем и Ежовым). В 1937, когда идеологией ведает Жданов, он замзав агитпроп отдела ЦК. В 1940 становится главным редактором “Правды”, в 1949 передает этот пост Суслову, в 1952 возвращается в

“Правду” зам главреда. Уже в 1946 покорная Академия Наук избирает его член-корреспондентом, Пospelов пишет похвальное предисловие к переводу книги Сейерса и Кана “Тайная война против СССР”, где со смаком обличаются все наемиты Троцкие-Бухарины, состоявшие в заговоре с Савинковым-Корниловым-Гитлером-Николаем II в борьбе против Сталина и, между прочим, Ленина. В 1949 он – директор института Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина (объединение прежнего института Маркса, созданного Рязановым, и института Ленина, созданного Каменевым). Он секретарь ЦК с 14 марта 1953. На радостях Академия Наук избрала его действительным членом.

Суслову 51 год. Происходя из саратовских крестьян, он участвовал в комбедах (§11 кн. 3), поэтому крутые насильственные меры его не пугают. Жадно кидается на науку (рабфак, Институт народного хозяйства, Институт красной профессуры) одновременно с Пospelовым и Вознесенским. Преподает в МГУ и выработал себе манеры настоящего интеллигента. В отличие от Вознесенского, не витает в эмпиреях, а обладает цепкой деловой хваткой. Поразительно скромнен, избегает рампы. С 1931 при Андрееве, потом Рудзутаке входит в аппарат ЦКК инспектором; потом – в аппарате КСК при Куйбышеве (см. §4). В 1937 посылается (скорее всего, Маленковым) в Ростов-на-Дону заведовать отделом обкома, потом секретарем обкома, потом ставропольского обкома. Как сказано, четко, не валандаясь, до последнего человека выселил в Среднюю Азию заподозренных горцев¹, после чего в 1944 переводится в кшащую антисоветскими партизанами Литву в качестве предбюро ЦК по Литве. Уже в 1946 он возвращается в Москву, еще до коллективизации в Литве (началась в 1947), так что сомнительно, чтобы ему одному можно было приписать уменьшение численности населения Литвы на 30%. Как говорилось, он член Оргбюро с марта 1946, а секретарь ЦК с мая 1947. Он – не член Президиума ЦК, хотя правдоподобно, что с июля 1953 пользуется правами кандидата Президиума. Конечно, влияние его на политику было неизмеримо большим, нежели только-только ставшего секретарем Пospelова. Оба

¹ Зато он вернул Северо-Кавказскому краю, именовавшемуся с 1937 Орджоникидзевским краем, имя “Ставропольский край”, как и центру края, именовавшемуся Ворошиловском, – имя Ставрополь. В том же 1944 году.

они с Пospelовым прежде сознательно искажали историю партии, начиная с ежовщины, поэтому оказались вполне компетентными, чтобы восстановить ее, когда такова стала генеральная линия партии. Во всяком случае, самые первые факты, опубликованные после XX съезда, словно взяты из “Бюллетеня оппозиции” Троцкого двадцатилетней давности.

Решающей фигурой стал Хрущев. Это эмоциональный, довольно невежественный мужик. Был вопиюще неграмотным, например, на докладных налагал резолюцию “Азнакомицца”. Не стеснялся блевать в лицо дамам-поэтессам. Как мы видели, испугавшись за свою судьбу, подвел под расстрел в 1937-38 едва ли не все украинское Политбюро, а в 1948-49 – всех ждановцев. Своей политики он, разумеется, выдумать не умел, но был чуток к возможностям, открываемым той или иной политикой, подсказываемой или навешанной со стороны. Сталина боялся и потому нет ничего удивительного, что он полностью воспринял антисталинские идеи в политике Берия, которые у него совместились с воспоминаниями о временах своей партийно-комсомольской молодости, когда (по восприятию Хрущева) все было так хорошо, за исключением ежовщины, когда было страшно. Задача Хрущева была очевидна: продолжить успешно начатый в 1949 году курс на подминание политбюрошных звезд первой величины: Ворошилова, Кагановича, Микояна, Молотова¹. А раз позиции Маленкова тоже зашатались, раз он воззвал к помощи Хрущева для устранения Берии, то и Маленкова потеснить следует! Эта личная цель (которой Хрущев достиг, как показало время) позволила Хрущеву исполнить

¹ Уже растоптанного члена Политбюро Андреева, с начала двадцатых годов верно стоявшего обок Сталина и в коллективизацию, и в ежовщину, и в войну, никто не думает поднимать и возвращать. Его утешают званием члена ЦК Туркменистана – а в Москве тебе делать неча! Попов, которого Берия вывел из забвения, направив послом в Польшу, уже в 1954 возвращен на пост директора богом забытого заводика. Члены Президиума – они не альтруисты, им сантименты чужды. Это видно, в частности, на примере Аристов и Михайлова – сошек, ретиво приложивших руку к принижению членов Политбюро при Сталине. Аристов из секретарей ЦК загнан даже не на партийную работу – председателем хабаровского крайисполкома. Михайлов додержался в Москве до конца суда над Берией, где ему велено сыграть роль одного из восьми судей, после чего уступает секретарство в Москве Капитонову и вылетает послом в Польшу.

предназначение лидера во второй фазе цикла власти: обновить руководство, убрав соратников покойного вождя. Но в выполнении этой функции, доставшейся в первом цикле Бухарину, Хрущев решительно возвышался над Бухариным как личность. Тот, невзирая на безупречное гимназическое образование, топтал и бессовестно предавал своих конкурентов и, взобравшись на вершину власти, глумился над поверженными. О порядочности и демократических процедурах возопил лишь будучи низверженным. Хрущев же при всей своей дикости был открыт чистым душевным движениям. Всю жизнь шагая вверх через груды трупов, он на вершине власти содрогнулся содеянному, обозрев его в исторической ретроспективе, и до последнего человека реабилитировал в первую очередь всех, загубленных им лично. Это крайне трудно для политического деятеля, ибо реабилитируя **таких** лиц, ставишь себя под огонь попреков-подкопов: “А почему не наказан виновник злодеяний?” Но у Хрущева достало широты душевной, он не закостенел, а продолжал развиваться и впитывать новое. Он научил советских партийных деятелей тому, что поверженных политических руководителей вовсе не обязательно арестовывать и расстреливать. Поэтому справедливо на Новодевичьем кладбище от свободомыслящих внепартийных интеллигентов России поставлен памятник не Бухарину, а Хрущеву. Возможно, такая человечность Хрущева объясняется тем, что у него была совестливая жена. Возможно, сыграла роль подсказка Суслова.

Это своеобразие Хрущева стало видно лишь позже. Тогда, в декабре 1953, со страниц “Правды” шелкнули выстрелы, которыми был расстрелян Берия с присными¹. И было неведомо: последние ли? И Хрущев не различался на фоне прочих членов Политбюро и секретарей.

Перед Хрущевым-Сусловым стоял вопрос о методах достижения названной цели. Как бороться и повергнуть? Вести политическую дискуссию, как в двадцатые годы, когда Бухарин и Сталин нашли уязвимый пункт демагогии своих соперников Троцкого, Зиновьева, Каменева и обвинили тех в “неверии в возможность построения социализма”, да столь

¹ В Китае и Корее расстреляли нескольких клиентов Берии, “капитулянтов”. Арестовали его людей в ГДР, включая редактора “Ноейс Дейчланд”. Возобновили приостановленные было им дела Патраскану и Паукер в Румынии (первого расстреляли), Габора в Венгрии (расстрел), ряд дел в Чехословакии.

мастерски, что и посейчас многие верят в справедливость сего обвинения, – не умел никто в партии. Годы молчания не прошли бесследно. Тот, кто хочет уметь говорить или писать, обязан повседневно говорить и писать, вести разведку словом, оттачивать искусство формулировать мысль, уметь парировать возражения и различать среди них дельные. Они же, за претив какие бы то ни было возражения и осмеливаясь говорить только шепотом на ухо жене, да и то с придавленным подушкой телефонным аппаратом, – какие они были бы политические ораторы и полемисты!

И за всеми словесными перлами проступает пятном немота. Что ни день – фанфарное безмолвие славит многодумное безмыслие.

Просто взять да обвинить, например, того же Ворошилова, как уже делал Сталин в их кругу, что он, де, английский шпион? Пожалуй, не выйдет. Силы не те. Вон из-за Берии в Абхазии да Мингрелии вслух ворчат. Агентура доносит, что на таком-то заводе под Ленинградом бурчат: “Этим новым мы никому не верим! Если посмеют Кагановича тронуть, забастуем!” К тому же интеллигентному Суслову была понятна неприличность такого рода обвинений. А Суслов умел эффективно решать задачи, которые перед ним ставили. И решение было найдено. Прежде всего, Берии переадресовали то обвинение, которое он выдвинул против органов следствия: обвинение в провокационных арестах верных сынов партии. Берию обсмеяли посредством рожденного в Секретариате ЦК фольклора:

Лаврентий Палыч Берия не оправдал доверия – остались от Берии только пух да перья. Цветет в Тбилиси алыча не для Лаврентий Палыча, а для Климент Ефремыча да Вячеслав Михалыча...

Заметим, что ни о Ягоде, ни о Бухарине, ни о Ежове, ни о Вознесенском после их ареста частушек не складывали. И под флагом расследования преступлений шайки Берии-Абакумова (все равно арестованы, жалеть не приходится) повелся подкоп против Маленкова. На этом этапе старые члены Политбюро были союзниками: Маленков пытался их убрать – надо дать ему по зубам. Они были союзниками и в другом. Суслов и Хрущев не стали отказываться от намеченного Берией анти-сталинского курса, хотя и не столь поспешно его афишировали, как тот. Так вот, напуганные замыслами Сталина их ликвидировать и чудом спасшиеся Ворошилов, Каганович, Ми-

коян, Молотов не заступались в ту пору за Сталина и не спешили клясться его именем. “К борьбе за дело Ленина-Сталина будь готов!” сменилось безличным: “К борьбе за дело Коммунистической Партии будь готов!”

В декабре 1953 Маленков восстанавливает заместителей предсовмина, упраздненных в марте: Малышев, Тевосян (клиенты Маленкова), Косыгин (для баланса) и Первухин (сомнительный, но враждебный Косыгину). Но за этот ограниченный успех и за то, что Малышев получает в свои руки дело Берии – Комиссию по водородной бомбе, т.е. министерство среднего машиностроения, приходится опять-таки платить: и не только согласием на Косыгина, но согласием отправить в казахстанскую ссылку (почетно именуемую “освоением целины”) надежного Пономаренко, который тем самым перестает быть кандидатом Президиума. При нем вторым секретарем Казахстана прикомандировывается “политкомиссаром” Брежнев. Меньше чем в год Брежнев съедает Пономаренку, который отсылается послом сначала в Польшу, потом в Непал, потом (1959) ему в Нидерландах доверяется зондаж западного мнения: как оно отнесется к версии, будто члены Политбюро убили Сталина за евонные злочинства? Но самое существенное, что происходит в декабре 1953, вершится в Ленинграде (пятый раз за 36 лет): в ноябре сменяют Андрианова на Козлова.

Козлов имеет нормальную биографию маленковского аппарата: из крестьян, с 32 лет работает секретарем горкома в Удмуртии, потом в аппарате ЦК, с 1947 – второй секретарь куйбышевского обкома. Даже имел отдаленное касательство к Ленинграду, что, возможно, послужило поводом Андрианову прихватить Козлова с собой в 1949 на пост секретаря ленинградского горкома¹. К 1952 Козлов дорос до второго секретаря обкома, став членом ЦК. Поэтому в самом факте его назначения вместо Андрианова нет вроде бы ничего неестественного, ничего пугающего Маленкова. Для Ленинграда в таком назначении – успокоительное новшество, когда хозяин города не привозится со стороны под грохот избиения прежних кадров, как было при сменах Зиновьев – Киров, Киров – Жданов, Попков – Андрианов. Нет, новый хозяин взят из уже обжившихся

¹ Духовный облик Ф.В.Козлова нарисован братьями Стругацкими в повести “Сказка о тройке”, являющейся продолжением “Понедельник начинается в субботу”, в образе Лавра Федотовича Вунюкова. “Ангара”, 1968, №№ 4-5.

здесь руководителей, все прочие кадры сохранились. Нет нашествия варягов.

Но суть этой перемены в ее подтексте. Ведь Андрианова по снятию не переводят на эквивалентную должность, а делают замминистра по кадрам одного из не первостатейных министерств. Для такого функционера, как Андрианов (полтора десятка лет члена ЦК, шесть лет члена Оргбюро, полгода члена Президиума ЦК) – уничтожение полное. Такое уничтожение прежде предшествовало аресту, и, видимо, он ждет ареста. А в этом принижении сквозит намек на неправомерность его назначения в 1949, а значит – на неправомерность снятия Попкова. А коли **снятие** не обосновано, то тем сомнительнее правосудность **расстрела**. А раз он расстрелян совместно с Вознесенским, Кузнецовым, Родионовым, то все эти расстрелы оказываются противоречащими политике партии и правительства. А кто в них повинен? Нет, мы, т.е. Хрущев и Суслов, вершащие сейчас кадровую политику партии, вовсе не говорим, будто бы товарищ Маленков хоть сколько-нибудь к этому причастен. Таких меньшевистских разговорчиков мы не допустим. Нет, его ввел в заблуждение кровавый бандит Берия и его сподручный Абакумов!! Но авгурами улыбаются при этой аргументации Ворошилов, Каганович, Микоян, Молотов и потирает руки Косыгин. А, может быть, в глубине души Суслов думает и о том, как пришибет самого Хрущева запускаемый ныне маховик реабилитаций.

Раз взят курс не на репрессии, а на реабилитацию, то соперники соревнуются не в том, кого посадить да что запретить, а наоборот – в разрешающих милостях. Ведь оружием либерализма можно ликвидировать конкурента не хуже, чем оружием массовых выселений или расстрелов. Началось с сельского хозяйства, как более знакомого Хрущеву и Маленкову. Решительные и порой даже крайние меры в короткий срок приостановили сталинское разорение деревни, создав хотя бы минимальную заинтересованность колхозников в своем труде. Возникнув на этой почве, развилась одна характерная черта, которая отличает начавшийся период от всех предшествующих. Власть – в лице имеющего доступ к решению общегосударственных проблем аппарата – осознала, прониклась необходимостью заботиться об управляемом ею населении. Интересы населения в самом деле сделались из величины пренебрежимой существенным фактором в принятии решения. Наконец-то случилось то, против чего так боролся в свое время Троцкий, именуя это

“термидорианским перерождением”, а именно, вместо того, чтобы руководствоваться отвлеченными идеями, вроде вызывания мировой пролетарской революции и использования своего народа только в качестве армии или трудармии в этих целях, власть стала думать о потребностях страны, нуждах народа, принимать меры для облегчения народу жизни¹. Конечно, некомпетентность и безответственность управления остались. Если до Сталина на съездах ораторы умели **импровизировать** свои речи, при Сталине стали предварительно **писать** свои речи, то после Сталина стали **зачитывать** речи, написанные им референтами. Общий культурный уровень, а потому и компетентность, падали. Нежелание отвечать за успех своих мероприятий – т.е. уходить в отставку в случае провала – сохранилось. Поэтому формула “безответственное некомпетентное управление” вполне справедлива. Но изменилась установка управляющих: для них нужды народа перестали быть пустым звуком, они осознали, что их собственные интересы требуют, чтобы народ процветал, не нищенствовал. И совершенно прекратились репрессии, вроде ограбления деревни, вроде инсценированных процессов, вроде запланированных ликвидаций того или иного общественного слоя.

В марте 1954 восстановлена с публикацией в газетах смертная казнь за уголовные преступления. В дальнейшем на протяжении 25 лет сфера применения смертной казни монотонно расширяется в той части, которая относится к охране жизни, здоровья и чести граждан, а также лиц, осуществляющих эту охрану. В области политической применение смертной казни практически сходит на нет.

Продолжалась политика разрядки международной напряженности: завершились мирные переговоры по Корее, потом по Индокитаю, Австрии, позже Германии. Правда, теперь не было речи о том, чтобы возвращать Германии Восточную Пруссию или объединять ГДР и ФРГ: ведь в 1953 Тамм и Сахаров подарили Малышеву водородную бомбу. Весной 1954 величайший конъюнктурщик в советской литературе Эренбург публикует “Оттепель”, Померанцев – “Об искренности в

¹ Именно этим недовольны западные левые, в этом они упрекают “советских ревизионистов”, ставят в пример – подражайте, де, – Китаю, в котором экономическое благосостояние отвергается, заменяясь “воспитанием нового человека”, нахождением “правильного курса взаимоотношений руководства и массы”, в котором, де, процветает бескорыстный энтузиазм.

литературе”¹, Твардовский пишет “Теркин на том свете”. В декабре того же 1954 на съезде писателей тот же Эренбург выступает с речью, где, наряду с рвущимся из глубины сердца холуйством, решительно требует признать поэтами и допустить в Союз писателей группу молодых (Евтушенко, Вознесенский и др.), едко высмеяв узколобость нынешнего правления СП. К слову, после перерыва в два десятилетия снова стали собираться съезды различных профессионалов: от писателей до математиков. Такой оборот вовне политбюрошной борьбы пугает кое-кого из тех, кто положил всю свою жизнь на вымораживание искренности не только из литературы. Повидимому, в это время на сторону Маленкова переходит Молотов, тогда как Микоян и Ворошилов остаются его противниками. О позиции Кагановича данных нет. Размышление в среде Президиума ЦК растет, и Хрущеву-Суслову удастся завоевать Булганина.

Решающим аргументом тут послужил Жуков.

В русле политики поощрения, либерализма и возрождения справедливости надо было немедленно назначить Жукова министром обороны. Но куда девать Булганина? Попробовать его снять, и точка – значило бы загодя восстановить его против себя, а он – влиятельный член Президиума. И тут позиция Хрущева-Суслова оказалась выигрышнее позиции Маленкова-Молотова. Они могли предложить Булганину повышение в премьер-министры как плату за освобождение вакансий Жукову и за поддержку их, тогда как Маленков ничего предложить не мог: он сам занимал премьер-министровское кресло! Сколько раз проклинал он себя, должно быть, что решился уйти с секретарского поста: ведь тогда всеми этими государственными постами он распоряжался бы отчужденно, не в убыток себе!

В декабре 1954 в Ленинграде “открытым судом” осужден к расстрелу как организатор “ленинградского дела” Абакумов и еще некоторые из МГБ. В феврале 1955 Маленков освобождается от должности главы правительства². Булганин назнача-

¹ А ведь с этой статьи, точнее с писем и выступлений в ее защиту начинается общественная биография такого борца, как Кронид Любарский.

² Успев, правда, перед своим снятием разгромить Имре Надя в тщетной надежде переадресовать ему те обвинения, которые против него самого выдвигал Чжоу Энь-Лай и которые довольно муссировали Хрущев-Булганин-Шепилов. Вместе с падением Маленкова пал его секретарь ЦК по кадрам Шаталин, посланный на Даль-

ется на нее, а Жуков – министром обороны. Опять восстанавливаются 13 зампредов Совмина, что должно символизировать окончание “чрезвычайного положения”, когда власть сосредоточивалась в немногих руках. Булганин начал с того, что устроил для ЦК секретную выставку отсталости советской экономики: убогость ее промышленных изделий сравнительно с мировыми стандартами.

Вкратце ее состояние было таково. Не привязанная к потребителю, промышленность развивалась по фантастическим причинам, не имела рынка сбыта (плановики употребляют более обтекаемый термин “наличествуют диспропорции”), и качество промышленной продукции не шло ни в какое сравнение с мировыми стандартами.

Производительность труда была низка, и, что гораздо существеннее, в СССР не произошло “второй промышленной революции”, имевшей место в мировой промышленности в 30-50-е годы нашего века. Когда-то в начале XIX века первая промышленная революция сказалась в том, что отдача прибыли на один рубль капиталовложений была высокой, порядка одного рубля прибыли на один рубль вложений¹; потом она неуклонно падала, достигнув приблизительно ко времени второй мировой войны пяти-шести копеек на рубль. Этот процесс был одинаков и для России (СССР), и для всемирной экономики, хотя нюансы были. Но во всем мире к середине XX века он сменился подскоком прибыли до рубля–девятиста копеек на рубль вложений, а в СССР – не произошло скачка. По-видимому, это связано с тем, что принудительный характер труда, отсутствие материальной, личной заинтересованности в сочетании с бюрократическим, канцелярски-волонтарным и некомпетентным безответственным управлением не позволили внедрить новейшие достижения менеджизма, препятствовали внедрению даже чисто технических усовершенствований. Отсутствие контроля качества (потребитель, будь то личность, будь то учреждение, не имел возможности выбирать продукцию, торговаться из-за ее цены, не мог отказом от приема-покупки продукции влиять на ее качество) превращалось в цепную реакцию, приводило не только к резкому снижению качества, но и к устранению из

ний Восток.

¹ Например, в России за четверть века до 1914 на 1783 миллиона рублей капиталовложений прибыль была 2325 миллионов рублей, т.е. примерно 140%.

решающих узлов промышленного управления тех лиц, которые стремились добиваться высокого качества, как мешающих арифметическим выполнениям и перевыполнениям плана на бумаге.

В июле 1955 формируется первый состав хрущевского руководства. Членами президиума ЦК делаются Суслов и Кириченко, а в Секретариат (состоящий, как мы помним, из Хрущева, Суслова и Пospelова) дополнительно вводятся Аристов, Беляев и Шепилов. Первые двое, вскарабкавшись в Политбюро в 1952, были низвергнуты оттуда далеко от Москвы в марте 1953, а потому испытывали чувствительнейшую благодарность деснице, вернувшей их из Алтая и Хабаровского края. О Шепилове я практически ничего не знаю; он член ВКП(б) с 1926, уже в 1939 публикуется в “Большевике”, за агитпропом ЦК в 1949, член ЦК с 1952 или раньше. Клиент он Пospelова или Суслова, решить трудно. Он доцент-экономист, считавший себя интеллигентным человеком, которому по душе был хрущевский курс, но которому претила личность Хрущева. В 1953-55 он был главным редактором “Правды”.

Тот же июльский пленум принимает решение о массовой реабилитации, о резком сокращении карательных функций КГБ, об изменении их кадрового состава. Различные школьные и студенческие кружки, стихийно возникающие в учебных заведениях, перестали автоматически подпадать под квалификацию Уголовного кодекса “58-11 – антисоветская организация”. Отменена предварительная цензура на толстые журналы. (“Наши редакторы достаточно идейно грамотны, чтобы над нами еще цензоров сажать.”) Совмин принимает детализованное постановление о денежной компенсации реабилитированным и их наследникам, о засчете срока лишения свободы в трудовой стаж реабилитированного. В Тбилиси в сентябре объявлено о прошедшем судебном процессе над “членами преступной шайки Берии” – быв. министром ГБ Грузии Рухадзе, быв. следователем по особо важным делам Рапава и еще шестью обвиняемыми. Санкция – расстрел. Юмор этого объявления в том, что Рухадзе сажал бериевцев в 1952, и первый, кого в марте 1953 посадил Берия, – был как раз Рухадзе. Но дело в том, что новых арестов с лета 1953 не ведется, а на уже сидевших по тому времени ставится печать: “Бериевец. Виновен в истреблении честных партийцев”.

В то же время кто-то умудряется срочно запустить в набор переиздание “Судебных речей” Вышинского. Сопrotивление курсу на пересмотр не только ленинградского дела, но и многих других, растет. Для острастки приходится дважды публично осадить Молотова. Один раз после опубликования речи Молотова (мининдел) по югославскому вопросу публикуется резкое возражение со стороны Тито против точки зрения Молотова, причем оно помещается в “Правде” безо всяких комментариев, и ему опровержения нет ни в этом, ни в последующем номерах “Правды”. Такое обращение с Молотовым приводит читателей “Правды” в столбняк. Из этого столбняка их выводит прямая критика одного изречения Молотова уже не по вопросам внешней политики, а по схоластической проблеме “построены основы социализма” или “социализм в основном построен” в СССР? Впрочем, Молотов и не думает аргументированно доказывать свою точку зрения: после принятия большинством резолюции, что он не прав, он послушно пишет в “Правду” пояснения, что он, де, допустил обмолвку, следует вместо белого читать черное.

Несмотря на решительное организационное укрепление Хрущева, все-таки в это время фактически все решения ЦК принимались коллегиально. “Коллегиально” не означает “единогласно”. Напротив, единогласие обычно свидетельствует о чьей-то могучей воле¹, парализующей всякое возражение и обсуждение. “Коллегиально” означает, что решения, публикуемые от имени ЦК, принимались на заседаниях Президиума ЦК (возможно, расширенного состава), причем все присутствующие лица имели реальную возможность ознакомиться с обсуждаемыми вопросами до начала обсуждения, высказать и отстаивать свою точку зрения по ним, а члены Президиума (и, возможно, кандидаты, а также секретари) – равноправно голосовать при принятии решения за конкурирующие предложения. Само собой, они не были бы гроссмейстерами интриг, кабы пренебрегали возможностью отозвать оппонента к телефону в момент голосования, подсунуть ему нужную бумагу в толстенной папке похожих, но ненужных, “позабыть” известить о порядке дня и т.д. Проиллюстрирую одним примером из процедуры XX съезда. Искони было принято приветствовать членов Политбюро, выступающих с речью, “бурными ап-

¹ На собраниях в низовых организациях эта внешняя могучая воля проявляется в форме апатии и безразличия участников собрания, которыми владеет одна мысль: “Скорее бы кончилось. Домой!”

лодисментами, все встают”. Когда выступал в отчетным докладом Хрущев, все встали. А когда по его докладу выступали Микоян, Маленков, Ворошилов, то не встали. Почему? Да потому, что каждому из них был предпослан **иностраный гость**: Ульбрихт, Ракоши, Цеденбал. Тех приветствовали вставанием. И кабы вставали после тех еще для своих, то как бы церемониал почета иностранным гостям не умалился! Надо же соблюдать какое-то различие в почестях. Так вот и получилось, что встали для одного Хрущева, чем дополнительно отделилось его превосходство над прочими членами Президиума.

К этому времени органы госбезопасности и политические лагеря были парализованы. Не только посягнуть на членов ЦК, но даже на рядовых граждан Советского Союза КГБ не смело без весомых оснований, причем во всех своих действиях гебисты испытывали пристальный контроль партийных инстанций. Попытки как следственный прием исчезли. Никаких инсценировок “вредительских организаций” или вообще инсценировок враждебных заговоров КГБ не могло организовать и не организовало за последующие двадцать лет¹. К XX съезду из лагерей по тайной амнистии были выпущены едва ли не все политзаключенные; осталось меньше одного процента. К оставшимся стал применяться мягкий исправительно-трудовой кодекс 1930 года. Процесс упразднения ГБ шел параллельно с процессом публичной реабилитации жертв тридцать седьмого года (см. §4). Старый враг Берии, много лет проведенный на сталинской каторге, А.Снегов, оказался близок Хрущеву в период подготовки XX съезда и написал ему текст доклада, получившего название “секретный доклад Хрущева о культе личности Сталина и его последствиях”. Снегов целиком валил вину за репрессии на Берию и Сталина, Ежова упоминал вскользь, а о Ягоде умалчивал. Приводил душераздирающие примеры, оглашение которых и на съезде, и при позднейшем зачитании доклада на закрытых собраниях всегда вызывало эмоциональную реакцию зала. Хотя в докладе при внимательном анализе можно выявить точку зрения Снегова, что в ужасах “культа личности” повинны Молотов, Ворошилов, Каганович (судя по всему, Снегов очень жаждал их крови; об Андрееве не упоминалось, будто его и не было), но Хрущев суще-

¹ Некоторые сомнения вызывает процесс Пеньковского (см. ниже), грузинские процессы “взяточников” 1973-75, а также несколько второстепенных дел, но они не меняют общей картины. Не надо путать “инсценировок” с “неправильным осуждением” и т.п.

ственно смягчил его, и доклад прозвучал как всеобщее примирение в верхах, как **совместное** избавление от ужасов Сталина-Берия. Ворошилов приговаривал: “Весна, весна!” – как бы отталкиваясь от эренбургской “Оттепели”. Микоян назвал XX съезд “первым после Ленина съездом партии”, тем самым вычеркивая XIII-XIX съезды, а может быть и XII.

Реабилитация многих имен означала освобождение историков от целой сети запретов на упоминания. Критика в адрес Сталина позволила историкам указывать на ошибки Сталина – и партии – в прошлые годы, приписывая ошибки партии персонально Сталину. Началось приглушенное, не открытое обсуждение своей истории. Правда, в очень узких пределах, но все-таки обсуждение и критика. Кое-кто при этом перехлестывал через край, ибо думал, что наконец-то настала долгожданная свобода (Пастернак с “Доктором Живаго”), кое-кто перехлестывал, потому что думал, будто такова директива партии на данный момент (Бурджалов как редактор “Вопросов истории” в №№ 4-9 за 1956). Их одергивали, но тем не менее в стране стали раздаваться **критические легальные** голоса, появились **разные** точки зрения.

Правда, не все выдерживали такой поворот: в марте 1953 покончил с собой Готвальд, видимо из-за того, что Берия велел ему реабилитировать свежеповешенного Сланского. В марте 1956 умирает Берут одновременно с освобождением Гомулки. В апреле 1955 кончает с собой Фадеев, запутавшийся в бесконечных искренних прилаживаниях своего литературного дара к зигзагам генеральной линии партии. Весной 1956 в Тбилиси студенты демонстрируют в защиту Сталина-Джугашвили.

Чувство освобождения охватывало не только мысляще-пишущую часть общества плюс сидевших. Оно коснулось и просто работающих: были отменены драконовы законы 1940 года о запрете увольнений по собственному желанию, о приравнивании опоздания на работу – уголовному преступлению. Даже школьников коснулась милостивая волна – раздельное по полам обучение было заменено совместным. Даже кинозрители получили живые и увлекательные фильмы. Любовники получили свободу аборта.

Президиум ЦК на XX съезде (март 1956) сохранился без перемен сравнительно с июлем 1955: Булганин, Ворошилов, Каганович, Кириченко, Маленков, Микоян, Молотов, Первухин, Сабуров, Суслов, Хрущев. Из них Каганович, Маленков, Микоян, Молотов были “без портфеля” (на посту мининдел

Молотова сменил Шепилов). К единственному кандидату Швернику (тоже утратившему портфель, ибо на посту пред ВЦСПС его сменил Гришин) добавлено целых пять: Брежнев, Жуков, Мухитдинов, Фурцева и Шепилов. Отчетливо прослеживаются “намечаемые вакансии” и претенденты на замещение оных. К имеющимся шести секретарям добавлены Брежнев и Фурцева. Такое раздувание числа секретарей характерно, как мы помним из §§2-3, для “бухаринской фазы” цикла власти, но оно сохранилось, оказывается, и для после-хрущевских времен. Таким образом, правящая тройка (секретари, являющиеся одновременно членами Политбюро) сформировалась в составе Хрущев-Суслов-Кириченко. Опять возникает уже известное нам расщепление власти между Политбюро и Секретариатом: из одиннадцати членов Президиума Хрущев мог рассчитывать всего на четыре голоса, тогда как в Секретариате все голоса были его. Поэтому приходилось лавировать, вместо прямых оргвыводов прибегать к улаживанию.

В целом же по стране возникла та трудность, преодолевать которую в странах тоталитарного режима не умеют. Правительство вот уже два-три года говорило много правды и делало разумные дела, в отличие от предшествовавших десятилетий, когда оно сплошь и планомерно лгало. Многие в обществе поверили, будто правительство наконец-то решилось жить не по лжи, а по истине, а потому заинтересовано знать правду. Правда – неделима, поэтому неизвестно, на какой грани нужно остановиться, чтобы начавшее говорить правду правительство не усмотрело в сказанном вредную себе правду. И вот в странах, где народ еще не столь сильно утратил свою активность, врожденное ощущение “неотъемлемых прав” (см. §12 кн. 3), сознание гражданской ответственности за происходящее в собственной стране, – начались обсуждения неприятных для властей проблем. Это случилось в Венгрии и Польше.

Одна из самых болезненных тем для власти была постановка вопроса об ответственности тех, кто совершал преступления в годы культа Сталина. В СССР из-за большой инфантильности общественно-политической мысли (подробнее о ней см. в §7) говорили главным образом об ответственности следователей и гебистов. Ведь в хрущевскую схему первоочередной виновности Берии и МГБ-НКВД уверовали все мгновенно. Для инакомыслящих такого сорта в апреле 1956 уст-

роили процесс Багирова в Баку, где его судили “за бандитизм во время гражданской войны”, “за соучастие с Берия в массовом уничтожении верных сынов партии и народа”. Приговорен к расстрелу с несколькими подельниками¹. В запасе еще оставался упомянутый на XX съезде следователь Родос и пр. Но в Польше и Венгрии заговорили о **политической** ответственности за репрессии – и это мгновенно привело к краху двух надежных правительств, поприветствованных на XX съезде: правительства Ракоши и правительства Охаба. Если смена Охаба на Гомулку произошла хоть и возмутительным образом: под давлением уличных демонстраций, забастовок, беспартийных и инопартийных общественных сил, на поводу у коих пошли руководители ПОРП, но что пришлось санкционировать и Хрущеву, отозвав с поста министра польских вооруженных сил советского маршала Рокоссовского, то смена Ракоши на Гере не только не удовлетворила те же чуждые ВТП силы, но развязала восстание, в ходе которого все национальные венгерские части (исключая гебистов) перешли на сторону восставших, к ним перебежало несколько десятков советских солдат и офицеров. Будапешт оказался полностью вне советского контроля. Советскому правительству крайне повезло, что послом в Венгрии оказался не долдон Михайлов (вполне пригодный публично клеймить сионистов в феврале 1953 или исполнять роль судьи в “суде” над Берией в декабре), но активный, сообразительный, умеющий вовремя обмануть нужных людей Андропов. Ему было 42 года. В ВКП(б) он вступил уже после ежовщины в 25 лет, до 30 работал по комсомольской линии, а в 1944 переходит в карело-финский партаппарат при Куусинене, а затем – в московский аппарат. В 1953 его на короткий миг при обновлении кадров делают зав IV Европейским отделом МИД, а потом бросают в Венгрию, где с июля 1953 у власти Имре Надь, ведущий в стиле Берия совсем откровенные речи об исправлении допущенных ошибок и в стиле Маленкова развивающий производство предметов потребления. К 1955 его укрощают, отовсюду изгнав. Когда же яростные требования взбудораженных масс вырывают его из отставки в

¹ Говорят, что Багиров держался резко-вызывающе, словно это он – прокурор, а судьи – его подсудимые. Ни в чем виновным себя не признал. Относительно приведения в исполнение приговоров достоверно известно, что по крайней мере **один** из тех, о расстреле которого было объявлено в печати в связи с Берией, не был расстрелян.

сентябре 1956 и ставят во главе самочинного, однако санкционированного венгерским парламентом правительства, еще не рвущего пуповину с СССР и социализмом, тогда Андропов разыскивает тоже сидевшего Кадара и уговаривает его возглавить **настоящее** правительство Венгрии, надежно опирающееся на советские штыки. Одновременно для успокоения Надя из Будапешта **выводятся** советские войска (к тому же ставшие ненадежными; им на смену в Галицию – пока только в Галицию – прибывают узбеки). Словом, Андропов блестяще провернул всю дипломатическую часть операции, включая завершающее выкрадывание Надя из югославского посольства, хотя военная часть операции затянулась по вине героического сопротивления коменданта Будапешта Бела Кираи, а также Йожефа Дудаша, не признававшего не только советскую власть, но и самого Надя. Нет ничего удивительного, что в 1957 Андропов поднимается в зав отделом ЦК по странам соцлагеря.

Но хотя с восстанием было покончено и позже было объявлено о расстреле Имре Надя и его сообщников, впечатление оно произвело куда большее, нежели 17-июньская демонстрация 1953 в Берлине, жертвой которой пал Берия. Маленков, Молотов, Каганович, Ворошилов заговорили о политической ответственности Хрущева за венгерские, польские и внутрисоветские события. Испуг был такой, что из-за слишком бурного обсуждения повести Дудинцева “Не хлебом единым” в Ленинградском университете премьер Булганин произносил: “Начинают, как в Ленинграде, а кончат, как в Венгрии”. Немедленно начались кадровые мероприятия. КГБ получило разрешение и приказ хватать инакомыслящих. Восстановлена предварительная цензура в журналах. В декабре 1956 Шепилов снят с секретаря ЦК, удерживаясь лишь на посту министра иностранных дел. Ликвидируются 7 из 13 зампредов Совмина; оставлены только Каганович, Маленков, Молотов, Первухин, Сабуров. Получается четкое противостояние Совета Министров – Секретариату ЦК. Не знаю, какими средствами, но в феврале 1957 Хрущев улучшает позиции: в кандидаты президиума вводится Козлов, а Шепилов меняет пост: министром интел становится на двадцать с лишним лет Громыко, а Шепилов возвращается секретарем¹.

¹ Не знаю, имело ли это отношение к описываемым событиям, но в мае 1957 возникает еще один зампред Совмина – вовсе новый

Маленков, залучив на свою сторону Булганина, т.е. весь аппарат исполнительной власти, начинает наступление на Хрущева; не знаю – персонально на него или на всю троицу Хрущев-Суслов-Кириченко. 29 июня 1957 на заседании Президиума ЦК явным большинством Хрущев снимается с первого секретаря ЦК; за снятие голосуют Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Молотов, Первухин, Сабуров, т.е. семеро из одиннадцати. Кандидаты, правда, за Хрущева, но они не имеют права голоса, да и один из них – Шепилов – дисциплинированно примыкает к большинству, изменяя Хрущеву-Суслову. Положение даже хуже, нежели у Сталина на XVII съезде: там отрицательные для того результаты голосования так и остались необъявленными, не получив тем самым законной силы. Впрочем, вошло ли в законную силу только что прошедшее голосование?! Нет, ибо впервые (может быть, единственный раз в истории КПСС) вспоминается, что решение Политбюро **не есть** решение ЦК, что секретарь ЦК избирается не на Политбюро (президиуме), а на пленуме ЦК. Хрущев требует немедленного созыва пленума и отказывается сложить секретарские регалии. Расчет Хрущева на рядовых членов ЦК был несложен и основывался на точном знании их примитивной психики: ведь если бы скинули Хрущева, то в Политбюро высвободилось бы одно-два места, а если бы скинули его противников, то высвободилось бы пять-шесть мест. Поэтому большинство ЦК – по крайней мере в той части, которая мечтала сама со временем сделаться членами Политбюро, – было на стороне Хрущева¹. Жуков на военных самолетах мгновенно и в обход чекистского и правительственного аппарата свозит нужных членов ЦК. Кремль заполняется войсками. Мне трудно гадать о мотивах, почему Жуков столь решительно поддержал Хрущева. Возможно, нападки Маленкова-Молотова на реабилитацию испугали его, только что по своему почину реабилитировавшего Тухачевского, Гамарника, Якира (что выглядело как пощечина Ворошилову) и разжаловавшего в рядовые нескольких генералов, о которых выяснилось, что они были доносчиками с 1938. Возможно, Жуков предполагал, что теперь править будет он, а Хрущев станет покорно подчиняться

Кузьмин, пробывший на посту менее двух лет.

¹ Мы помним (§2-3), что аналогичное соотношение было в бухаринскую фазу: в “ленинском ядре руководства” Зиновьев-Каменев-Троцкий представляли бесспорное и авторитетное большинство, но на пленумах ЦК они терпели сокрушительные поражения от фракции Бухарина-Сталина.

его военной власти. Возможно, причины лежат в совсем иной плоскости. Но его поддержка решила исход дела. И когда 5 июля пленум ЦК закончил заседания, из 11 членов Политбюро были устранены пятеро: Каганович, Маленков, Молотов, Первухин, Сабуров; из кандидатов вылетел Шепилов; из зампред Совмина – соответствующие пять замов. Зато и расширилось Политбюро до 15 членов и 9 кандидатов (всем по лакомого кусочку). Прибавились Брежнев, Жуков, Козлов, Фурцева, Шверник (из списка кандидатов), а также Аристов, Беляев, Куусинен (сделанный одновременно секретарем) и Игнатов (станет секретарем в декабре). Кандидаты: Калнберзин, Кириленко, Коротченко, Косыгин, Мазуров, Мжаванадзе, Мухитдинов, Первухин, Пospelов; Ворошилов и Булганин еще остаются членами, а Первухин кандидатом, но это маскировка, дабы уж не вовсе неприличным выглядел переворот. Булганин фактически отстраняется от полномочий предсовмина, хотя формально это промульжировано только 27 марта 1958, когда сессия Верховного Совета единогласно выбирает предсовмина Хрущева. Таким образом Хрущев осуществил то, что не удалось пять лет назад Маленкову – объединил высшую партийную власть с государственно-исполнительной. В этом смысле страна вернулась в ситуацию при Сталине между 1941 и 1953. Тогда же было сообщено о выведении Булганина из Политбюро. Изгнанные именуются “антипартийной группой Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова”, так что вроде бы речь идет всего о трех лицах, а не о большинстве Президиума ЦК.

Почему в октябре 1957 Хрущеву-Суслову-Кириченко-Брежневу потребовалось срочно проверить абсолютно непристойную акцию снятия Жукова (выехавшего с торжественным визитом в Югославию) с постов в Президиуме ЦК, в ЦК и с министра обороны – я не знаю. Докладчиком-доносителем по обвинению в бонапартизме согласился выступить все тот же изгнанный из Польши Рокоссовский, который однако облизнулся на вожаемый пост министра: министром обороны назначили малопрославленного и туповатого Малиновского. Жуков умер в 1974, успев издать мемуары в СССР лет через пять после снятия Хрущева. На падении Жукова в Политбюро попадает Мухитдинов, а в Секретариат вводятся Мухитдинов, Игнатов и Кириченко. Такая цифра – 11 секретарей – в дальнейшем делается устойчивой, что свидетельствует о наличии внутри какого-то узкого рабочего ор-

гана, ибо такой коллектив неработоспособен. Возможно, что возникают временные узкие рабочие “тройки”, “комиссии” или т.п. Правящая группа вычленяется в целую девятку: Хрущев, Суслов, Аристов, Брежнев, Игнатов, Кириченко, Куусинен, Мухитдинов, Фурцева. Это тоже чрезмерно большая группа, чтобы ей быть работоспособной. Уже через три года она разваливается воочию, хотя распад ее начался раньше.

Вне политбюрошное последствие этой борьбы за власть проявилось как возрастание роли КГБ в жизни постсталинского общества. С декабря 1956 ГБ получило разрешение вновь применять статью 58 во всем ее объеме; часть лиц, амнистированных в 1955-56, была признана “амнистированными по ошибке”, и их без суда вернули в лагеря и тюрьмы досаживать. Но главной поживой тех месяцев для ГБ были молодые диссиденты, возмущенные политикой СССР в Венгрии (см. §7). Не имея никакого розыскного умения и не осмеливаясь прибегать к привычным формам допросов, ГБ практически ничего не умело тогда находить и хватало только тех, кто сам лез на рожон, рассылая письма-воззвания-протесты, выступая на комсомольско-профсоюзных собраниях или совершая тому подобные дилетантские промахи. Впрочем, в России дилетантов всегда хватает, так что даже ничего не умевшее КГБ насажало-таки изрядно народу. В 1959 ГБ нащупало, наконец, способ реабилитировать себя (Серова в 1958 сменил Шелепин): оно начало газетную шумиху с судами над военными преступниками. Этот ход был дважды беспроницательным: во-первых, этих преступников не надо было искать – они либо находились в лагерях, не подпав по пункту 4 под амнистию 1955, либо же были освобождены и жили по адресам, хорошо известным ГБ. Во-вторых, эти полицаи и каратели, предавшие Россию во время войны и мучившие-убивавшие своих же русских людей, были нравственно грязными личностями; позже они в советских лагерях как правило сотрудничали с администрацией, были стукачами, преследовали интеллигентных политзаключенных, в лагерных хорах пели “Партия наш рулевой” и т.п. Поэтому никакого сочувствия даже у оппозиционно настроенных лиц военные преступники вызвать не могли, а большинство пострадавшего от немцев населения относилось к полициям с ненавистью. Абстрактно-юридическим нормам “сроков давности” или “нельзя дважды судить за одно и то же преступление” в России делать нечего, их никто не приемлет (см. §4), а то обстоятельство, что в ФРГ и США

стали ссылаться на эти нормы в связи с процессами военных преступников, было даже на руку советскому правительству, ибо подтверждало его версию, что там всем заправляют недобитые реваншисты.

Энергично восстанавливая застоявшийся аппарат ГБ, “железный Шурик” (т.е. Шелепин) распространил его компетенцию на религиозных сектантов, на валютчиков и даже на крупные взятки. В 1961 состоялся потрясший весь мир процесс валютчика Рокотова, к которому была применена смертная казнь, хотя закон о ее введении за совершенные им преступления был принят не только после ареста Рокотова, но даже после первого суда над ним; приговор был отменен в сторону ужесточения. Но мы забежали вперед, вернемся в 1957 год.

Свержению убежденных централистов, сторонников отраслевого управления, сопутствовало введение территориального и комплексного управления в виде возрожденных совнархозов. Они были учреждены в областях и республиках разнообразными законодательными актами, и их полномочия никогда не были четко означены; только в марте 1963 на их базе возник Высший совет народного хозяйства во главе с Устиновым. Хрущев уговаривал Жукова, что, дескать, такое экономическое новшество повысит обороноспособность, но реальное содержание его состояло в ликвидации абсолютной централизации (введенной Куйбышевым-Орджоникидзе-Вознесенским) промышленно-хозяйственной власти, в предоставлении областям возможностей реальной экономической инициативы и в оставлении в распоряжении областей плодов их хозяйственных усилий. В терминах собственности: создавался новый вид собственности, промежуточный между личной (частной), давно упраздненной, и “всемирной” (государственной, т.е. ничейной) – собственность областническая. Шаг этот сочетался с принижением роли Госплана; его председатель Сабуров был заменен малоавторитетным Кузьминым, который не только в члены Политбюро взамен Сабурова не был введен, но даже не входил в ЦК. Сразу же закипела хозяйственная жизнь в областях: провинция пошла строить сначала новые здания обкомов и домов для партийно-советской верхушки, а потом постепенно улучшать общий экономический уровень жизни в районах. В деревнях появился сахар. Через какое-то время в деревнях стали продавать печеный хлеб. В городах и районных центрах появились промтовары, люди стали одеваться не как оборванцы, не в кители и

шинели, а разнообразнее и наряднее. Если применительно к сталинской эпохе термин “нищета” является адекватным описанием быта, то к концу хрущевской он становится полным анахронизмом. Исчезли принудительные “займы” у населения, которые с двадцатых годов вымогали у всех трудящихся не менее одномесячной зарплаты (а для колхозников, не имевших наличных денег, являвшиеся особо тягостными). К тому же “займы” при Сталине никогда не выкупались, а конвертировались, т.е. выплата по ним отсрочивалась. Хрущев также отнес “на после себя” расплату по займам, но зато искоренил их, а Брежнев с Косыгиным даже стали выкупать займы, что явилось небывалым примером верности правительства своему слову перед народом!

Та же смена принципа принуждения – выдуриванием (взамен займов – добровольная лотерея) сказала в возрождении былой гибкости и хитроумия дипломатии. Вместо закостенелого противостояния СССР всему остальному цивилизованному миру советская дипломатия – где признанием своих ошибок (Югославия), где предательством недавнего союзника (Индокитай, 1955), где заигрыванием с общественным мнением и возвращением похищенной Готской библиотеки да Пергамского алтаря (ФРГ), где приисканием подходящих сил, на которые опереться (Куба или молодые афро-азиатские страны), где помахиванием водородной бомбой (Берлин) – выиграла дипломатическое состязание с США и выбила США из позиции руководящей силы на международной дипломатической арене. Возник так называемый “третий мир” (в историческом плане играющий роль меньшевиков и эсеров в Петроградском Совете 1917 года), который сплошь да рядом поддерживает советские предложения, советскую инициативу против “американского империализма” (ср. “капиталистов-кадетов” в кн. 3 гл. 1). На поверхности этого “третьего мира” пестрели имена Бен Беллы, Насера, Неру, Сукарно, но планировал его Мухитдинов.

Подоспевшие успехи СССР в космосе – первый спутник, баллистические ракеты, способные ударить атомом и водородкой в любую точку Земли, первый человек на околоземной орбите, фотографии обратной стороны Луны – оглушили всю мировую общественность, а не одно лишь население Советского Союза, как то было в 1937 с беспосадочными перелетами советских пилотов да станциями “Северный Полюс” (см. §4). Одновременно в стране разворачивалось жилищное строи-

тельство. С 1958 по 1964 построено столько квадратных метров жилья в СССР, сколько не было построено за все предшествовавшие 40 лет советской власти. Опять же, в духе традиций времен молодости Хрущева-Суслова, широко развернулось кооперативное строительство. В отличие от времен молодости Хрущева оно не сопровождалось ограблением крестьян и массовым голодом 1933 года, а, напротив, сопровождалось введением пенсий по старости (взамен смехотворных нищенских присталинских пенсий), – поэтому жить, действительно, становилось все лучше и веселее. Еще во вполне сталинском духе громыхали призывы и заверения: “Догнать и перегнать Америку по мясу, молоку, маслу в считанные годы” (но и тут – ближе к народным потребностям – при Сталине было: “по стали и чугуну”), “К 1980 мы будем жить при коммунизме!!” (но и тут осторожнее, чем при Сталине, где в 1946-48 дата пришествия коммунизма называлась 1950-55). После кратковременной борьбы со “стиляжничеством” (в процессе которой иногда в городах доходили до порки стиляг, но никогда – до серьезных арестов) власть перестала усматривать в нарядах девушек и парней и в их танцах “идеологический вызов” и позволила юности беситься естественным образом.

Хрущев несомненно победил. Он низринул членов Политбюро, достиг того, что единственно оставленные из присталинских вождей Микоян и Ворошилов воскурят ему фимиам. Он начисто избавился от могучего соперника Маленкова, вместе с которым десять лет назад начинал штурмовать сияющие вершины Власти. Он находился в положении Бухарина ко времени XV съезда: те, кто правил страной при прежнем, умершем вожде, навсегда отстранены от власти, политически скомпрометированы. Навербованные же им союзники и креатуры заполняют все нужные посты по его указке. Исполнительный и надежный Суслов гораздо приятнее, нежели был Сталин для Бухарина: и внешне не урод, и говорит без акцента, пожалуй, даже чрезмерно интеллигентен для вечно мятущегося Хрущева. Новый курс, ликвидирующий ошибки, допущенные прежним вождем, решительно вырисовывался перед Бухариным и Хрущевым как единственная верная дорога.

Но было важное отличие Хрущева от Бухарина не в пользу Хрущева. У него не было **государственной идеи**, “королевской мысли”, выражаясь ибсеновским языком. Бухарин к моменту своего триумфа уже вполне пропитался замыслами Ры-

кова, облек прагматическую деятельность того в идейно-теоретическую конструкцию и тем придал мощный фундамент хозяйственному курсу Рыкова. Он объединял своих сторонников верностью этой теоретической мысли и ее практической реализации в форме устоявшегося нэпа. Хрущев это вроде бы смутно прозревал: ни совнархозы, ни кукуруза, ни целина, ни разрыв с Китаем, ни берлинская стена, ни повышение цен на мясо, ни успехи в арабских странах и на Кубе не могли сравниться по масштабности и притягательности с нэпом. Среди кастрированных философов и экономистов, хотя бы и увенчанных академическим званием, он втуне искал кого-нибудь, сопоставимого с Бухариным по убежденности и мощи мышления, а ведь к середине XX века нужно было бы не только достигнуть уровня Бухарина, но значительно его превзойти, чтобы выглядеть хоть сколько-нибудь убедительным и приемлемым в глазах среднеинтеллигентного читателя. Не обладая ни хозяйственным дарованием Рыкова, ни теоретическим богатством Бухарина, Хрущев мог привлекать союзников и клиентов исключительно кусками власти в оголенном виде.

В этом отношении он сближается со Сталиным. Хотя тот и почерпнул из подслушанных телефонных разговоров да из перехваченных рукописей некоторую квазитеоретическую концепцию, тем не менее главное, чем он привлекал свою клиентуру – власть в ее чистом виде, беспримесное Кольцо колец Лорда Мрака. Как и Сталин, Хрущев охотнее прибегал к административным мерам, нежели к дискуссиям и теоретическим победам над оппонентами¹. Но Сталин выращивал свои кадры из собственного своего аппарата-секретариата, терпеливо целое десятилетие выдерживая их в этом инкубаторе, прежде чем благословить Ежова-Маленкова на самостоятельные подвиги. Задолго до того, как он стал секретарем ЦК или членом Политбюро, Маленков был известен всему партаппарату как человек, с которым не поспоришь, как телефонный передатчик велений “Самого”. А те, с кем пришел к своей победе Хрущев, были никому не известными лицами, ему самому неведомыми орудиями.

¹ Таков всеобщий стиль выпестованного Сталиным руководства. Секретарь обкома одной приполярной области в 1956 декларировал: “А скептикам, которые не верят в кукурузу, мы сумеем заткнуть рты!” Сумел, заткнул – верно. Однако, стала ли расти кукуруза значимо для народного хозяйства в 60-й параллели после затыкания ртов? Но это – не личная вина таких секретарей, а печальный итог их воспитания...

Конечно, Кириченко, Брежнев, Кириленко, Мжаванадзе, Фурцева могли выглядеть надежными: работали многие годы под его начальством. Так-то, да не совсем. На посты-то они назначены были не им, а другими. Работали не под его недреманым оком, как сотрудники секретариата Сталина – не было над ними непреклонного денщика Поскребышева. Поэтому в значительной степени власть Хрущева как I секретаря была эфемерной. Сам секретариат Хрущева был в свое время напичкан людьми, присланными для надзора над ним же – и от Сталина, и от Берия, и от Маленкова, и от Суслова, возможно; менялся при переезде с Украины в Москву, был лишен преемственности.

Секретариат Сталина был полностью разгромлен – начал сам Сталин арестом Поскребышева – потом добит Берией и другими по смерти вождя. Секретариат Маленкова частично ушел с Маленковым в Совмин, частично разнесен в клочья после падения Маленкова. Единственным, чей аппарат сохранял свою преемственность с 1947, был Суслов. Конечно, в свое время и в его аппарат для надзора были впихнуты соглядатаи (но по обстоятельствам – не Хрущевым). Однако, те, на кого они работали, давно исчезли. В основном же сам Суслов формировал свой секретариат и весь аппарат. Поэтому в те годы Суслов мог реагировать на события быстрее, эффективнее и надежнее любого другого члена Политбюро или Секретариата ЦК. Ведь решающее – это наличие у самого себя добротного аппарата секретарей-референтов. В отличие от Сталина Суслов не был болезненно самолюбив, предпочитая всегда держаться в тени. Он обладал тем редким даром настоящего руководителя, когда начальник не делает ничего того, что находится в компетенции его подчиненного, но полной мерой взыщет с того, кто не справится с порученным ему делом. Поэтому дальнейшая история – последняя фаза второго цикла – это повесть о том, как победивший наследников вождя Хрущев был свергнут незаметным Сусловым. Но в отличие от повести про свержение посредственным Сталиным победителя Бухарина она имеет другой конец.

Новые владыки притирались друг к другу в Политбюро и затирали один другого по возможности. Большинство их оказалось калифами на час – не досуществовало даже до ближайшего уставного съезда. Так, уже при снятии Жукова фактически вылетает из секретарей Беляев, назначаемый I секре-

тарем Казахстана, далеко от Москвы, но оформляется это только в декабре 1958. Летом 1958 возникают два новых кандидата Политбюро – Подгорный и Полянский. Их биографии можно прочесть в БСЭ, так что на них я задерживаться не стану, как и на общеизвестных биографиях других лиц этого восхождения.

1959 год прошел в подчеркнутом отсутствии персональных перемещений. Даже внеочередной XXI съезд не произвел никаких выборов. Съезд утверждает все, что было сделано, включая разоблачение культа личности Сталина (но с оговоркой, что **все** ошибки времен культа **уже** исправлены¹), создание совнархозов (но при сохранении роли Госплана²), ругань в адрес программы партии Югославии (но с констатированием правильности примирения с нею в 1955-56). На съезде Хрущев к месту и не к месту цитирует Ворошилова, тот покайно шутит, словом – инсценировка дружной товарищеской жизни. Поездка Хрущева в США – “тринадцать дней, которые потрясли Америку”, “дух Кемпдэвида” – нечто эфемерное, следствием чего явилось разве что выдвижение Аджубея (жившегося на дочке Хрущева³) среди советских журналистов в приближенные и доверенные советчики Хрущева. В 1959 Хрущев начинает наступление – первое свое наступление, которое кончилось его поражением.

Он затеял резко сократить военные кадры, на миллионы. Эта мысль заставить кадровых бездельников, не создающих ни материальных, ни духовных ценностей, жить производительным трудом, полезным народному хозяйству, наткнулась на их решительное сопротивление. Они готовы были предать Жукова и кого еще там потребуется. Но они требовали, чтобы им лично по-прежнему шла выслуга лет и плата за звездочки-просветы. Они хотели делать только четко очерченное Уставом, будучи избавленными от внезапностей и хлопот обычной жизни, пользуясь первоочередным снабжением и славой героев – в мирное время. Это они считают заслуженной рентой

¹ Эта формула хорошо согласуется с тем фактом, что после XX съезда именно Молотов был назначен председателем комиссии с довольно выразительным названием: “Комиссия по расследованию случаев нарушения социалистической законности”. Случаев – вот так-то, господа непрошенные обобщатели!

² Возможно, с этим связано, что пред Госплана назначен Косыгин взамен Кузьмина; впрочем, через пару лет Косыгина сменил Дымыщ.

³ См. песню Галича “Она вещички собрала, сказала тоненько...”

за подвиг и лишения всего народа в Отечественной войне. Сопротивление это было организовано с умом, так что мирные затеи Хрущева оказались безнадежно скомпрометированы обломками подстреленного самолета Пауэрса¹ в конце апреля 1960 года. В мае из секретарей вылетают Аристов, Игнатов, Кириченко, Поспелов, Фурцева; взамен вводится один только Козлов, освобожденный от зампреда Совмина, кем он был с марта 1958. Из Политбюро вылетают Беляев и тот же Кириченко, а на смену им из кандидатов поднимается Косыгин, наконец-то вернувшийся на пост, полученный в марте 1948 и утерянный в декабре 1948! Когда в конце мая Хрущев едет в Париж на встречу с Эйзенхауэром, приставленный к нему Малинковский не дает ему ни на миг остаться с тем наедине. Подорожности этого переворота ждут своего историка.

Через пару месяцев из Политбюро выпадает Ворошилов, а из Секретариата – Брежнев, который уходит заменить Ворошилова на посту главы советского парламента. Ворошилов уходит вполне прилично, без “разоблачений”, остается членом Президиума Верховного Совета СССР до самой своей смерти. Похоже, что он оказал огромное влияние на Брежнева.

Правящая группа – пятерка – образуется в составе: Хрущев, Суслов, Козлов, Куусинен, Мухитдинов (впрочем, реальный вес последнего сомнителен; вскоре он исчезает послом в Сирию на 10 лет). В январе 1961 появляются еще два новых кандидата Политбюро: Воронов и Гришин.

Стиснутый неподдельной коллегиальностью в Политбюро, а может быть, и в ЦК, обладая всей видимостью власти, но только видимостью, притом **двойной видимостью**: во-первых, должен проводить в жизнь **чужие** решения, а во-вторых, в пустоте душевной и не имеющий **собственной** государственной идеи, – Хрущев ищет конька, на котором мог бы возвыситься над прочими политбюрошниками и всей партией безусловно и бесспорно, прежде всего в собственных глазах. Я думаю, что его не столько раздражала параллельно растущая власть Суслова, сколько бесило аморфное, вязкое, безликое и непреодолимое сопротивление всего партийного аппарата. Подобно тому, как когда-то Сталин возненавидел

¹ В этом деле уйма темного, начиная с того, что по некоторым высказываниям, **предъявленные** обломки не были обломками самолета Пауэрса, кончая невыясненной ролью, которую играл во всей истории начальник Главного разведывательного управления СССР Пеньковский, вскоре осужденный как английский шпион. Неясно, почему США заслали самолет-разведчик “столь своевременно”.

партию большевиков, Хрущев был близок теперь возненавидеть КПСС. Мысль должна была пройти по уже пройденной Сталиным дорожке, и другого пути, кроме как через репрессии против партии, Хрущев видеть не мог. Начинать, естественно, следовало с уже поверженных, т.е. с Маленкова, Кагановича, Молотова и уже пригодного для этого Ворошилова. Так как первые трое – это аппарат Сталина, а последний – давний соратник, то обвинять их сподручнее всего в преступлениях времен культа личности Сталина, в соучастии с фашистской бандой Берии-Абакумова-Ежова. Для того, чтобы обвинения вышли полновеснее, следовало разбежаться как можно издали – реабилитацией и восхвалением невинно погибших, с описанием ужасов присталинских лагерей, подобно тому, как красочно описывались ужасы фашизма и капитализма, к которому, де, жаждали привести СССР подручные Троцкого – Бухарин, Зиновьев и их присные. И вот на XXII съезде явочным порядком, довольно неожиданно для прочих, Хрущев снова и эффектно поднимает вопрос о культе личности Сталина и о преступлениях времен Сталина. Сталин вышвырнут из Мавзолея с мотивировкой “за преступления”. Вслух и публично названы совиновниками Молотов, Каганович и Ворошилов. Одновременно партийная организация, на учете которой состоял Ворошилов, была извещена Верховным Судом СССР о преступлениях, которые совершал тот в 1921; правда, в уведомлении еще говорилось, что привлекать т. Ворошилова суд не считает нужным за давностью. В газетах же стали мелькать (немногочисленные) письма трудящихся с требованием судить Молотова и Ворошилова за преступления 1937. Шелепин зачитывал громовые речи на съезде.

Не знаю, готовился ли действительный процесс с расстрелами, или Хрущев блефовал, запугивая противников, но Ворошилов умело заготовлял оборону на дальних подступах. Сознавая, что главнейшим обвинением против него будет режим в лагерях (напомним, что колымские лагеря и, может быть, прочие тоже, созданы по мандату лично Ворошилова), он через Брежнева протащил в первые же месяцы парламентского правления того такие законы о правилах содержания в тюрьмах и лагерях, по сравнению с которыми объективно должны померкнуть все ужасы сталинских лагерей. Расчет был простой: за что вы нас судите? Вот вы сами же приняли законы, которые разрешают все то, что делалось у нас, даже

больше! Ну, конечно, в годы обостренной классовой борьбы, войны и послевоенной разрухи у нас бывали иногда нарушения, но мы же с ними боролись!¹ До суда не дошло, но законы – остались и сейчас применяются...

На съезде Президиум ЦК был изменен несущественно: выпали из членов давно уже мертвые души Аристов, Игнатов, Мухитдинов, Фурцева, да из кандидатов Калнберзин, Коротченко, Первухин, Пospelов. Впрочем, замена агитпропщика Пospelова на Ильичева – существенна. Из кандидатов в члены переведен Воронов. Нечто странное случилось с кандидатом Кириленко: в октябре 1961 на съезде он не избран наново кандидатом, но в апреле 1962 доизбран сразу членом Политбюро. Такая вот живучесть и непоступательность успеха – специфичны для второго цикла власти в отличие от первого. Добавлены кандидатами Рашидов и Щербицкий. Существеннее меняется Секретариат, он фактически обновляется: оставшаяся четверка секретарей, Хрущев-Суслов-Козлов-Куусинен пополнена пятеркой секретарей, не входящих в Политбюро: Демичев, Ильичев, Пономарев, Спиридонов и Шелепин. Обновление же Секретариата по законам партийной истории должно повлечь обновление Политбюро.

Игра и контригра усложняются. Первый же провал политики Хрущева (пришлось забрать назад ракеты с Кубы) был обращен против него, и ему пришлось публично примириться с Ворошиловым, а также снять угрозы судить Молотова. Но он радостно ухватился за повесть Солженицына “Один день Ивана Денисовича”, велел напечатать ее вопреки мнению едва ли не большинства ЦК. Зато его противники умело использовали “мясной бунт” в Новочеркасске и других городах против него летом 1962 и спровоцировали ссору его на выставке в Манеже с той самой интеллигенцией, на которую он намеревался опереться, заигрывая с Твардовским-Солженицыным. В это время хозяйственная политика Хрущева зашла в тупик. Все те очевидные, на поверхности лежащие грубые методы, с помощью которых ему удалось в 1953-58 улучшить положение в сельском хозяйстве², в промышленности, в жилищном строительстве, – все они исчерпали себя и дальше буксовали.

¹ Произвол был, конечно, похлеще, но речь идет о принятых парламентом законах и указах, а вовсе не о ведомственных инструкциях или практике отдельного начальника лагуправления. Вот такие официальные законы при Сталине не позволяли отнятия у заключенного пищи, одежды, достоинства – а при Брежневле позволяют и делают непременно условием заключения.

Требовались более тонкие, учитывающие сложность хозяйственных явлений и рассчитанные на устойчивое долговременное применение. Такие методы могли быть выработаны¹ только культурными людьми при условии, что договорные отношения в народном хозяйстве будут соблюдаться, а вот как раз культуры соблюдать договор, выполнять обещанное – не было, и не Хрущев воспитал бы такую культуру.

Хрущев же решил ликвидировать партию как единое учреждение. Она была поделена на сельскохозяйственную и промышленную партии, объединяемые лишь агитационно-пропагандистским отделом. Одновременно были уничтожены “голубые конверты” – форма анонимных чашек для высокопоставленных функционеров партии и государства. В своей антипартийной деятельности Хрущев целиком оперся на “железного Шурика” – Александра Шелепина.

Ровесник Солженицына, Щербицкого и Демичева, Шелепин окончил ИФЛИ как раз в тот год, когда Солженицын поступал туда учиться. В ВКП(б) вступил на финском фронте, где был политруком; потом работал по комсомольской линии, и в 25 лет становится уже секретарем ВЛКСМ. Взлет почти как у Смородина, Чаплина, Косарева. Но первым секретарем ВЛКСМ делается лишь на XIX съезде, когда Михайлов уходит с комсомольской работы; Шелепину 34 года. В 40 лет (возраст, до которого ни Смородин, ни Чаплин, ни Косарев не дожили) сменяет Серова на посту пред КГБ и бурно активизирует гебистскую деятельность: оттачиваются зубы, прежде чем рвать в клочья сталинских прихвостней. Став на XXII съезде секретарем ЦК, уступает КГБ своему воспитаннику Семичастному – секретарю ВЛКСМ. В ноябре 1962 Хрущев назначает Шелепина председателем Комитета партийно-государственного контроля. Это что-то вроде бывшей ЦКК-РКИ по замыслу, но только созданное не на съезде партии. Одновременно Шелепин становится зампред Совмина. Шелепин – активная личность, жаждущая крутых мер (все равно, против кого, лишь бы вели его вверх), но почему Хрущев вообразил,

² Вот иллюстративные цифры. Если принять за 100% объем производства мяса в Литве (без Вильно) на 1 января 1939, то в 1946 он был 60%, в 1949 – 20%; в 1958 – 90%, а в марте 1972 – 60%. В промежуточных интервалах интерполируется линейно. С 1949 данные по колхозному сектору.

¹ Я оптимист и надеюсь, что еще могут быть выработаны. Большинство моих знакомых пессимисты и полагают, что “уж так напортачили, что ничего не поможет”.

будто Шелепин проникнется интересами Хрущева? К тому же довольно скоро Хрущев с ним рассорился. Шелепин хапнул было полмиллиона. Хрущев его изловил. Ну, дело семейное – с кем не бывает? И Берия хапал, и Козлов хапал, и Мжаванадзе тоже... Но Хрущев поступил неприлично: возьми да вывеси на стенках госпартконтроля приказ с изложением обстоятельств и повелением вернуть. А Шелепин как раз сим департаментом ведает!

В том же ноябре появляется новый кандидат Политбюро – Ефремов (исчез в апреле 1966). К 9 секретарям ЦК добавляются еще четыре: Андропов, Поляков, Рудаков¹, Титов (последние трое снимаются или умирают вскоре после снятия Хрущева). Еще одна кадровая перестановка, но уже нацеленная против Хрущева, происходит в июне 1963, когда секретарем делается Подгорный, и Брежнев возвращается к секретарству, не переставая быть главой парламента. При этом из секретарей вылетает клиент Козлова Спиридонов, незадолго перед тем снятый (почетно) с первого секретаря Ленинграда. По Ленинграду начинают ползти слухи о фантастической коррупции Козлова (официально же пишут про апоплексический удар у него), по Москве – о близком снятии Хрущева, причем расписывается, кто какие портфели получит². Таким образом, функционируют 14 секретарей при 12 членах Президиума (и 6 кандидатах) – положение явно ненормальное. Правящая группа: Хрущев, Сулов, Козлов, Куусинен, Брежнев, Подгорный, к которой надо причислить Шелепина, хоть и не члена Политбюро, но пользующегося исключительными правами. Достойно упоминания одно отличие ситуации сравнительно с 1928–29 годами: тогда средний возраст членов Политбюро и Секретариата (Оргбюро) был существенно ниже 40 лет, а сейчас – много выше 50. Возможно, возрастная разница повлияла на характер принимаемых решений.

Падение Хрущева, возможно, ускорилось позицией Косыгина. Став в 1961 первым зампред Совмина, т.е. фактически главой правительства, – в такой ситуации, он стал склоняться к проведению экономической реформы (с учетом идей

¹ Примечательно, что Рудаков делается секретарем ЦК, не будучи членом ЦК: на XXII съезде он избран только в кандидаты. Похожее уже было в 1946 с Шаталиным и раньше в 1930 с Акуловым.

² Такие слухи, как правило, не “просачиваются”, а целенаправленно распространяются “отделами контрпропаганды” обкомов. Возможно, что слух о близком возвышении Козлова распространялся в Москве, дабы он дошел до Хрущева и рассорил бы их.

математиков академиков Глушкова и Канторовича). Эта реформа возродила бы значение стоимости как регулятора производства, привела бы в некоторое соответствие структуру и темпы промышленности как по отраслям, так и с потребностями населения. Она привела бы в долгосрочном аспекте к замене политэкономии математической экономикой. В этом смысле она вполне могла бы стать той “королевской мыслью”, которой недоставало Хрущеву. Блок Хрущева с Косыгиным было бы поколебать трудно, успей он состояться. При свержении Хрущева в качестве платы Косыгину была официально провозглашена экономическая реформа в этом направлении, но она почти сразу же была саботирована и выхолощена.

В декабре 1963 из кандидатов выводится Щербицкий, заменяемый Шелестом¹, в апреле 1964 торжественно вся страна отмечает 70-летие Хрущева, в мае умирает Куусинен (чем сразу меняется баланс сил), в июне из зампредов Совмина переводится Председателем Президиума Верховного Совета Микоян взамен Брежнева. И в эти же дни в Ленинграде уже осудили к жесточайшим срокам двух заводчелами обкома, клиентов Козлова, за взяточничество; Козлов опорочен, чем еще существеннее меняется баланс сил. В октябре 1964 при Кремле, полном войска, и при увезенном Микояном в Сочи Хрущеве пленум ЦК снимает его с I секретаря (заменен Брежневым), пред Совмина (заменен Косыгиным), выводит из Президиума ЦК и из ЦК (“на пенсию”, без порочащей письменной формулировки, но при устных порицаниях “за волюнтаризм”). В ноябре из Политбюро, Секретариата и ЦК выкидывается Козлов², из секретарей – Поляков. Одновременно Шелепин снимается с пред госпартконтроля (который пе-

¹ Проблема Шелеста заслуживает отдельного и пристального изучения. Похоже, что это верный клиент Подгорного, но не изучена его роль в ликвидации чехословацкого движения 1968, деятельность на Украине и обстоятельства снятия в 1973.

² Примечательно, что одновременно же уголовные дела на его ставленников в Ленинграде **прекращаются**, а ведущие их судьи сняты. Это симптом того, что высшие партийные функционеры впредь иммунны: ни тюрьма, ни ссылка, ни расстрел никогда не вторгнутся в их жизнь. Второй яркий пример такого иммунитета повторится в 1973 при снятии Мжаванадзе по бесспорному уголовному обвинению в спекуляции валютой – но без суда. Теория Рыкова (кн. 3 §19) о том, что надо почаще судить членов ЦК, отвергнута нынешней властью.

реименовывается в “народный контроль” с резким уменьшением полномочий), переводясь вместе с Шелестом в члены Политбюро. Потом происходят еще некоторые “вытекающие отсюда” перемены, закрепляемые XXIII съездом в апреле 1966, где происходит обратное переименование Президиума ЦК в Политбюро, а первого секретаря в Генерального секретаря. Дальнейшее уже относится не к происхождению современной власти, а к ее функционированию, и потому не подпадает пока в ведение истории. Правящая четверка обрисовалась в виде: Суслов, Брежнев, Шелепин, Подгорный. Последний назначен в декабре 1965 взамен Микояна (по старости: ему 70 лет) главой парламента. Наличествуют 12 членов и 6 кандидатов Политбюро при среднем возрасте 55 лет.

Второй цикл завершился: стабилизировалась долговременная устойчивая власть. Характерной особенностью наступившего третьего цикла является то, что высшая партийная власть досталась не самому сильному в партии человеку: Суслов отклонил ее от себя. В то время как у Брежнева собственный личный секретариат должен был порастеряться при перемещениях с поста на пост, и непрерывный стаж его секретарства исчисляется только с 1963, Шелепина – с 1961, а про Подгорного и говорить нечего, – личный аппарат Суслова пребывает в неповрежденном виде с 1947. В Политбюро он тоже дольше Брежнева (с 1955, а тот с 1957). Суслов – бесспорный автор реабилитации и XX съезда. Однако он держится настолько скромно, что на выставке в Манеже в 1962 Солженицын просто **не знает**, кто такой Суслов, когда их знакомит Твардовский. Это назначение генсеком – чтобы произносить речи, которые за него пишут и обдумывают другие, – человека не первостепенного авторитета, свидетельствует (помимо личных качеств Суслова), что Политбюро и ЦК старательно принимают меры к недопущению повторения трагедии возвышения Сталина. Поэтому власти не дают сосредоточиться в авторитетных руках, дабы не возникло ею злоупотребления. С этим же связан возрожденный несколько позже институт “помощников генерального секретаря”. И Александров, и Русаков – примерно ровесники Брежнева, с ним прежде не работавшие и назначенные другими скорее для контроля и престижа, но не клиенты самого генсека. Из клиентов Брежнева возвысился только Рябов – на двенадцатом году правления Брежнева.

Главными культурно-бытовыми достижениями “славного десятилетия”, последовавшего за смертью Сталина, были следующие. Тридцать пять лет укреплявшаяся тенденция к сужению круга властвующих сменилась некоторым расширением этого круга. Деревню перестали грабить. Началось интенсивное строительство жилья в городах, и одна квартира на семью стала такой же практической нормой, как прежде – комната в коммунальной квартире на семью. Пожилые люди стали получать пенсии, хотя и на грани прожиточного минимума, но все же не баснословно низкие и не случайные, как прежде. В литературе, искусстве, историографии стало возможным писать и публиковать некоторую правду, не рискуя попасть за это в тюрьму, если не прибегаешь к средствам публикации, отличным от официальных. Расстрел как подведение итога политических или литературоведческих споров был устранен из арсенала допустимых приемов. Большая часть прежде репрессированных партийных кадров реабилитирована. Сталин и его методы – решительно опорочены. Уничтожена практика принудительных займов. Перестали глушить западные радиостанции и начались хоть единичные, но все же поездки туда и отсюда. Был ликвидирован лагерный труд как **основа** экономики, хотя как вспомогательное средство он остался. В школах ликвидировано разнополое обучение и значительно повышена зарплата учителям, хотя за счет урезания программ до грани невежества. Повышен жизненный уровень врачей. Начался туризм по родной стране.

Все это сохранилось при переходе от конца второго цикла к началу третьего. Кое-что – в урезанном виде: сократились возможности кооперативного строительства; сузились возможности критиковать Сталина (в частности, запрещено ссылаться на XXII съезд, хотя на XX – можно). Кое-что – значительно расширилось: у части населения появилось право на эмиграцию, стало можно публиковаться за границей вопреки желанию властей и не попадать при этом в тюрьму, умножились поездки за границу, правительство стало погашать ранее выпущенные займы. При самом снятии Хрущева, дабы расположить научную интеллигенцию, был наконец-то дискредитирован шарлатан Лысенко и восстановлена генетика.

Таким образом, можно сказать, что снятие Хрущева, Козлова, Полякова, Ильичева и Титова было “расширенным персональным делом”, а не сменой курса. Конечно, восторженные вопли Толстикова (сменившего Спиридонова), извещав-

шего свой ленинградский обком о снятии Хрущева: “Теперь-то мы этим либералам покажем!!” – были не беспочвенны. В последнюю пару лет Хрущев все более делал ставку на “либералов”, хотя это и не было у него сколько-нибудь устойчивым курсом. И если для человека, свободного от марксистской фразеологии, миллионные реабилитации и разоблачения **логически неизбежно** приводили к определенным умозаключениям о структуре власти вообще, то ни для Хрущева, ни для Суслова, ни даже для Твардовского такие умозаключения не только не казались “неизбежными”, но были “очевидно неверны”; поэтому сближать курс Хрущева с либеральной идеологией ошибочно. Опасения же, будто после снятия Хрущева начнутся массовые репрессии, вышли пустым инфантильно-лагерным страхом. Напротив, именно за годы 1965-67 как никогда выросла и окрепла либеральная идеология, укоренился самиздат, возвращены советской литературе Булгаков, Цветаева, Пастернак (подробнее см. следующий параграф).

Новые руководители своей основной задачей сочли экономическое оздоровление страны. От сталински-хрущевских затей “догнать и перегнать Соединенные Штаты по...” решительно отказались. На народное хозяйство они смотрят серьезнее. Они рассчитывают на долговременное применение тех либо иных экономических мер, которые по замыслу должны были бы повысить производительность труда в СССР; если не сравнить ее со средней мировой, то хотя бы пресечь ее падение¹. Эта тенденция на **долговременность** хорошо согласуется с их возрастным желанием сохранять статус кво, ничего не менять без вынуждающей необходимости. Позиция власти по отношению к управляемому населению с 1921 года – с X съезда РКП(б) (см. §19 кн. 3) – существенно изменилась. Тогда власть исходила из того, что все крестьянство – против власти. Теперь власть не рассматривает крестьян ни как врагов, ни как опасный элемент, ни даже как источник

¹ Главное препятствие этому с экономической точки зрения – уже упомянутая в §3 **непривязанность** государственной экономики к интересам населения. Четким выражением этой непривязанности являются две формы денег в стране: те наличные деньги, которые выдаются в зарплату и на которые нельзя приобрести никаких **средств производства**; и тот безналичный расчет, который зачисляется в прибыль предприятий и фирм, но который нельзя конвертировать в потребительские блага.

ограбления, с которого можно брать “нечто вроде дани”, вспомнив бухаринское изречение. Напротив, власть считает необходимым заботиться о благосостоянии крестьянства. В 1921 власть понимала (§19 кн. 3), что большинство рабочих – против нее, хотя в то же время воспринимала свою позицию как выражение подлинных, главнейших нужд пролетариата (не только всероссийского, но всемирного). Теперь власть отказалась от терминологии “диктатура пролетариата”, программа КПСС не подчеркивает превосходства рабочих перед остальными массами населения. В то же время власть не считает, что рабочие настроены к власти враждебно, порой вроде бы заигрывает с терминологией, где есть слова “рабочий класс”. В 1921 партийная власть опасалась влияния “советской бюрократии”, массы служащих. Сейчас власть полностью опирается на служаще-чиновный аппарат, который со своей стороны не оказывает никакого сопротивления власти (кроме нормальной инерции, присущей всякому аппарату). Единственный слой населения, к которому у власти сохранилось недоверие и даже враждебность¹ – это интеллигенция.

¹ Это противопоставление чувств и намерений большинства населения и правительственной практики сталинских времен нашло себе художественное выражение в формуле Синявского: “Вон они, за окном, – подозреваемые, а ты (подследственный) – уже осужден”, – теоретически выражено бывшим энкеведистом Редлихом как “сознание всеобщей виновности”, и нашло мифическое отражение в формуле противопоставления социалистического базиса и отсталой надстройки, в которой, де, господствуют “пережитки капитализма” (слова Сталина о “родимых пятнах капитализма”). Неслучайно после смерти Сталина формула, будто главным препятствием являюся “пережитки капитализма в сознании масс”, все более сходит со сцены в СССР.

Кстати, эта формула, первоначально легшая в основу западно-левого представления о причинах извращений социалистической законности, культа личности и пр., подверглась сомнению и на Западе: как это может быть, чтобы надстройка на социалистическом базисе при условии, когда государственная власть, культура и воспитание находятся в руках авангарда, являлась бы несоциалистической? Некоторые (Росанда, в частности) сделали отсюда вывод о, де, несоциалистическом характере базиса: одно лишь устранение частнособственнического владения средствами производства не меняет, де, общей системы производственных отношений, которые в индустриализованном обществе остаются прежними, а базис – это вся совокупность производственных отношений.

Здесь есть ряд причин. Прежде всего подбор кадров в органы партийно-государственного управления шел сорок с лишним лет по признаку послушания, вытягивания рук по швам, а не по принципу одаренности, инициативности. Награждалось опережающее пресмыкательство, а не откровенное обсуждение трудностей и вскрытие причин их возникновения. Этот принцип подбора кадров имел два последствия. Во-первых, катастрофически упал умственный и деловой уровень самих властвующих. Они утратили возможность получать не искаженную подхалимством информацию, а потому и умение принимать деловые решения. Они сделались игрушкой в руках своих референтов, которые, к слову сказать, подбираются по тем же принципам. Во-вторых, умные и понимающие люди, болеющие за дело, а не за показуху, оттеснялись и оттеснялись. В 20-30-е годы такие люди даже расстреливались, сейчас им просто не дают ходу. Это порождает недовольство умных людей, вселяет им презрение к властвующим и их приемам управления. Происходит расслоение со взаимным неудовольствием. Конечно, громадное количество таких понимающих людей отрывается с возрастом от “идеалистических” воззрений, перестает заботиться о деле, а откровенно создает себе карьеру (вроде Аджубея), прибегая к тем же порочным методам подбора кадров. Поэтому потрясает количество людей, которые находятся на руководящих постах и одновременно люто ненавидят свою собственную власть, не верят ей ни в едином слове и порой даже не упускают случая скомпрометировать ее.

Другая причина нелюбви к интеллигенции состоит в том, что по установившимся догмам мышления власть непременно должна иметь врагов. Враги должны быть нетрудовым элементом и находиться в связи с враждебным капиталистическим окружением. Так как мышление малокультурными людьми не признается за труд, то интеллигенция зачисляется в разряд бездельников, тунеядцев, причем господствует миф, будто она – высокооплачиваемая. На самом-то деле редкий интеллигент получает больше ста двадцати рублей в месяц, тогда как рабочий редко получает меньше двухсот, но предрассудки всегда сильнее фактов. Кроме того, интеллигенция мыслит, а мысль не имеет государственных границ: дважды два – четыре при всех политических строях и во всех общественно-экономических формациях. Таким образом, очень нетрудно усмотреть в мнениях советского интеллигента те или иные за-

рубежные мысли, а отсюда недалеко до обвинения его в том, что он подпал под тлетворное влияние Запада (ср. §1 кн. 1).

Третья причина нелюбви к интеллигенции не специфична России, а носит характер общемировой нелюбви администрации к интеллектуалам (в США, как известно, для Никсона эта нелюбовь окончилась трагически). Дело в том, что по самому характеру своего труда интеллигент поворачивает одну и ту же мысль несколько раз разными аспектами, то порицая, то одобряя. Как говорил Хемингуэй, художник производит “разведку словом”: сказал, звучало сказанное мною, не вполне понравилось мне самому, завтра скажу иное. Так же поступает всякий мыслящий человек, не только писатель. Поэтому внешне высказывания думающих людей (одного и того же или группы их) представляют набор противоречий: сегодня одно, завтра другое, концы с концами не вяжутся. Администратор нуждается в четких формулах: поступай так-то и получишь такой-то результат. Интеллектуал же ему твердит: с одной стороны надо поступить так-то, но поелику есть еще мнение полузабытых философов (экономистов, социологов, криминологов, математиков, поэтов), следует задуматься над таким-то аспектом... Не успел администратор задуматься над названным аспектом, как быстрая, словно ртуть, мысль интеллектуала углубилась в проблемы предохранения космоса от бактериологического загрязнения и т.п. Администратор сердится, интеллектуал презирает администратора. Требуется очень большая культура, вроде той, что была у Черчилля, чтобы уживаться с интеллектуалами, уметь их выгодно для себя использовать. Этой культуры у власти нет в силу истории ее становления – а напротив, есть склонность использовать предрассудки и темноту других слоев населения для натравливания их на интеллигенцию и тем самым для отведения недовольства этих слоев в каналы, кажущиеся власти безопасными для себя.

Ибо недовольство есть. Практически все слои населения недовольны властью. Степень недовольства различная, и, главное, нет в недовольстве объединяющего, как было в России в начале XX века при зарождении “Союза Освобождения” (см. §13 кн. 1). Поэтому недовольство не представляет собою чего-либо существенно опасного для власти. Но крестьяне недовольны своим бесправным положением, низким комфортом жизни (не только по сравнению с зарубежными кинофильмами, но даже по сравнению с городским комфортом их зна-

комых), стремятся бежать в города. Трудности с сельским хозяйством привели к началу эры систематической и массовой фальсификации пищевых продуктов: молока, колбас и пр. Горожане сплошь да рядом вздыхают по сталинским временам, когда регулярно снижались цены. Более того. В сталинские времена в продаже так мало было промтоваров – одежды, мебели, бытовых предметов, телевизоров – что денег, собственно жалких грошей, хватало на удовлетворение всех потребностей. Сейчас же потребности возросли в десятки раз (не в последнюю очередь тут повинен “демонстрационный эффект” заграничных кинофильмов и стиля жизни тех лиц из начальства, которые пользуются “закрытыми распределителями” или “сертификатными магазинами”), поэтому денег не хватает, несмотря на в среднем возросшую зарплату. Впрочем, возрастание относительно: неотступно нарастает инфляция, и покупательная способность рубля упала не только сравнительно с 1950, но даже сравнительно с 1965. При отсутствии реальных профсоюзов (ведь ВЦСПС занимается только бумажным повышением производительности труда посредством показухи с “соцсоревнованием”¹) никто не защищает интересов беднеющих слоев населения; в частности, ниже среднего уровня зарплаты и на грани с нищетой находится уровень зарплаты интеллигенции.

Но даже те, кто зарабатывает неплохо (официально или же подрабатывая “халтурами”), недовольны и едва ли не значительнее всех прочих. Ведь хорошо зарабатывающий в СССР человек не имеет возможности **истратить** свои деньги, он отчетливее другого сознает беспечность своего труда и существования. Кардинально улучшить свои жилищные условия: построить себе дом, купить кооперативную квартиру, купить дачу на черноморском побережье – он не имеет права, даже при наличии денег (лишь за сертификаты, т.е. конвертируемую валюту, он может в обход жилищных норм купить себе кооперативную квартиру). Накопив деньги, уйти с работы и зажить на сбережения – значит стать

¹ Огорчительной для историка иронией обернулись недавно утвержденные правила комплектации госархивов: в них в первую очередь принимаются бумаги, относящиеся к планам работы, планам соцсоревнований, отчетов об их исполнении и т.п., т.е., как известно всякому администратору, – сплошная липа, не имеющая почти никакого отношения к реальному функционированию предприятия. Настоящие же первичные документы: накладные, табельные листы и т.п. запрещено принимать в госархивы – “места нет”.

тунеядцем, подвергнуться риску административных и уголовных преследований. Да и хождение на работу – хоть какой-то вид социального участия, едва ли не единственный, оставшийся советским гражданам. Поэтому сколько бы человек ни зарабатывал, он обречен как белка в колесе на один и тот же образ жизни, до 60 лет. Тратить деньги на путешествия? Но в России отсутствует культура бытовых услуг, без которой туризм превращается в пытку, а не удовольствие. Поездки за границу лимитируются очень жестко и при системе взаимного доноительства друг на друга в туристских группах также отнимают львиную долю удовольствия. Вложить деньги в какое-либо дело? Невозможно, если не считать тотализатора на ипподроме да спортлото. Лишенный всех этих возможностей мужчина еще мог бы тратить деньги на женщин. Но и тут он натывается в первую очередь на неденежные затруднения: он не имеет права купить любовнице квартиру, где бы содержал ее; она не уйдет из-за него с работы (потому что лишится тем и социального участия, и трудового стажа), а, следовательно, будет отдаваться ему усталая, поглощенная своей работой¹, а не тем, ради чего он тратит на нее деньги. Если же мужчина достаточно высокопоставлен, что может обеспечить женщину всем названным, то, как правило, он занимается такой не мужской работой, так поглощен интригами, что не может уже дать женщине себя. “Мы не даем и не можем дать женщине настоящего мужчину”, – приходится слышать в среде аппаратчиков, гебистов, цензоров. Таким образом, остается только пить.

¹ В терминах демографической статистики: в 1959 “общественно-полезным трудом” были заняты 75% женщин трудоспособного возраста, а в 1970 – 92%. Это означает, что из двенадцати встречных женщин в 1959 своим досугом независимо от государства распоряжались три, а в 1970 – только одна. Мужчине объективно стало труднее в три раза встретить женщину, располагающую досугом. Сравнивать же с положением дел полвека назад – нечего и думать. Напомним, что, например, Ворошилов ушел в революцию в частности потому, что его мать вынуждена была самостоятельно зарабатывать на пропитание семьи: заработка отца не хватало. Это показалось Климу Ворошилову вопиющей социальной несправедливостью... Когда же он писал свои мемуары в 1971, он уже настолько оторвался от советского быта, что повторил свои жалобы в своей книге!

И по стране растет алкоголизм. И озлобление. Пьют везде, все. В первую очередь пьет рабочий класс. Пьет и магазинную водку, и украденный на производстве денатурат (порой отравляясь насмерть целыми заводами), и самогон, и одеколон, и красное. Безвыходность бытия ощутимее всего у неплохо зарабатывающих слоев. К тому же водка (вино) оглушает, смягчает неприятные мысли, и дает иные краткосрочные привлекательные результаты. Что подсказывает процент дебилов в школах – во время выпивания не думается. Пьет не только рабочий класс, конечно. При повышении цен на водку летом 1972 ее цена в закрытых партраспределителях не изменилась. Отчетно-перевыборные собрания членов Союза советских писателей не проходят без пьяных драк. Власть заметила эту тенденцию, грозную опасность, пропасть, куда скатывается Россия. Но принимаемые властью меры не устраняют причин, борются с симптомами, а потому неэффективны.

Пьянство же не только подрывает производительность труда, но сплошь да рядом приводит к тому, что сгорают целые цеха крупнейших фабрик, взрываются заводы. К счастью, никто не приписывает нынче ни этих пожаров, ни этих взрывов вредительству. Но у власти все равно остаются основания для недовольства: она хочет наладить эффективное функционирование хозяйства, а не получается. Не получается, потому что рабочие не желают трудиться с полной отдачей, норовят где можно выдать туфту, недобросовестны и в большом, и в малом. Не получается, потому что те же рабочие и крестьяне несут домой все, что только можно унести, в карманах ли, сапогах ли, обмотав ли вокруг туловища, перекинув ли через забор. Не получается, потому что служащие, приставленные вести учет и планирование, предпочитают решать кроссворды или обсуждать, где достать хек, нежели добросовестно выполнять свою работу, которая все равно пойдет насмарку, если не угодит потолочной интуиции директора, партийного секретаря или т.п. Не получается, потому что “ответственные руководители”, т.е. числящиеся в номенклатуре, и потому фактически безответственные, живут интересами своего “нового класса”, который рассматривает все общественные богатства страны как свое достояние, если речь идет о распоряжении ими, и как чужое, ничейное, если речь идет об ответственности за неуспех. Не получается, потому что, когда, развивая фантазии Богданова, разные Глушковы пытаются внедрять ЭВМ в экономику, в машины закладывается

директорами заводов липовая информация – умышленно, ибо представление вышестоящему начальству истинной информации в наших условиях означает гибель для самостоятельного директора; а политэкономы возводят политические обвинения в адрес матэкономистов.

Не получается, потому что почти все специалисты заражены паракоррупцией; коррупция – это невыполнение или недобросовестное выполнение специалистами своих профессиональных обязанностей в расчете на личную мзду (деньгами или услугами). Такая коррупция, конечно, существует в СССР, но в меньших размерах, нежели в западных странах, ибо мало у кого есть средства предложить стоящую мзду, и слишком трудно израсходовать незаметно существенный добавок к зарплате. Паракоррупция – это такое же невыполнение или недобросовестное выполнение, но когда специалист совершает его не в расчете на вознаграждение, а из опережающего пресмыкательства или боязни. Например, балерина, в прошлом весьма близкая кое-кому в Смольном, пытается уехать за границу. Дабы воспрепятствовать ее действиям, на одном из этапов заведующий поликлиникой самолично учиняет подлог с ее больничным листом – паракоррупция. Преподаватель ставит абитуриенту оценку, руководствуясь не знаниями экзаменуемого, а “априорной” установкой (провалить или, напротив, принять) – паракоррупция. Какому-нибудь НИИ поручено дать экспертное заключение о последствиях той или иной народнохозяйственной акции; НИИ дает его, исходя из того, что будет приятно обкому, – паракоррупция. Судья выносит приговор, руководствуясь не материалами дела, а соображениями типа: у меня слишком высок процент применения такой-то статьи УК, чтобы не влетело, дай-ка я его переквалифицирую по другой статье, – паракоррупция. Милиционер не принимает мер по заявлению пострадавшего от хулиганства, потому что ему известно, что пострадавший находится под надзором КГБ, – паракоррупция. Эта паракоррупция сделалась повсеместной, и в результате на специалистов как на специалистов положиться уже нельзя. Они уже не выполняют (а потому и не умеют выполнять) своего профессионального долга. Даже тогда, когда на них никто не давит, они все равно не руководствуются профессиональной совестью, а поступают в соответствии с кажущимся давлением.

Власть вообще находится в крайне трудном положении. Начать с того, что власть не знает своего собственного проше-

лого. Ничему тому, о чем написано в этой книге, не учат ни в ВПШ, ни в каких учебниках для власть имущих. Программы и учебники ВПШ так же далеки от реальных фактов, как школьные программы и учебники истории. Разве что завываний в закрытых, с грифами издаваемых для самих себя учебниках по истории партии, больше. Больше грубых выпадов в адрес капитализма, меньшевиков, троцкистов, США, нежели в тех книгах, которые могут купить иностранцы, – вот и все различие. Мечтой моей было бы, чтобы в Политбюро нашлась группа лиц, которые прочитали бы эту книгу, взяли бы проверить факты, о которых она говорит, и усвоили бы себе тот взгляд на свое собственное положение, который вытекает из фактов. Ведь до сих пор все их историческое образование сводилось к тому, что они учили в начале тридцатых годов по нечестным книжкам Ярославского некоторые догмы относительно большевиков-меньшевиков, мирового империализма, а затем подправляли эти формулы и воспоминания о фактах в соответствии с теми или иными указаниями товарища Сталина и причислением тех или иных вождей партии в разряд врагов народа. Их беда в том, что они составляют себе картину мира по тем же штампам, которыми они дурят голову населению. И хотя о сиюминутном состоянии мира они знают неизмеримо больше (по крайней мере, имеют возможность знать на основе разнообразнейшей закрытой информации), динамику реальных процессов они не знают¹. Они не привыкли называть вещи своими именами – как же управлять “вещами”? Они не создали для самих себя честной истории, а потому лишены возможности выбрать соответствующий реальным фактам курс. “Выбрать курс” – вот я тоже впал в штамп. Ведь сейчас дело не в том, чтобы найти ту или иную формулу, “выражающую правильный курс”, а в том, чтобы найти и создать сложный и тонкий механизм взаимодействующих факторов, использующий интересы самих управляемых, который позволил бы власти достигать своих целей, хотя бы целью было сохранение статус кво. А для этого надо знать факты.

ЛИТЕРАТУРА

Володин А.М. “Пять вечеров”, “Моя старшая сестра”.

¹ Они сами себя обманывают хотя бы в таких вещах, как реальная себестоимость картошки!

Ефремов И.А. “Час быка”, 1969.

Катерли Нина “Чудовище” в цикле “Фантастические рассказы”. “Нева”, 1977, № 42-46.

Кафка Ф. “Процесс”.

Периодика 1953-65.

Стенограммы XX-XXIII съездов КПСС.

Стругацкие А. и Б. “Обитаемый остров”, 1970. “Улитка на склоне”, 1966. “Сказка о тройке”, 1968.

Ю.В.Трифонов. “Обмен”.

§ 7. Движение за права человека

Право на поиски счастья; влюбленные; гости; свадьба; поездки; поэты; художники; драматурги; охраняемые законом права; осознанная часть движения; диссиденты 1945-53 гг.; диссиденты 1956-58 гг.; диссиденты 1960-67 гг.; самиздат и его политизация; процесс Синявского и Даниэля; статья 190-1 Уголовного кодекса; старые партийцы; жуупел возврата сталинизма; “Хроника”; подписанты; “Комитет по правам человека”; эмиграция; процесс Якира-Красина; московские настроения; материальная помощь репрессированным; прогнозы и надежды автора¹.

¹ Внимательный читатель заметит, что стиль этого параграфа отличается от стиля всего исследования. Причину этого отчасти указывает сам автор, говоря, что рассказывая о противостоящих советской власти группах, он не может раскрыть многие детали, дабы невольно не предоставить КГБ материал для ареста оппозиционеров. Но, по-моему, это не единственная причина. Полагаю, что мой отец, предвидя, что текст будет изыматься КГБ и попадет к партийным функционерам, во многом обращается в этом параграфе именно к этим своим предполагаемым читателям, стремясь побудить их к реформам в стране. Таким образом, этот параграф – не только и, может быть, не столько исследование, сколько политическая платформа и предложение, причем в первую очередь не своим соратникам по Освободительному Движению, а властям СССР. Без руководства СССР он считал никакие реформы и революции невозможными. Прочитали ли это предложение его адресаты – мне неизвестно и нуждается в дополнительных исследованиях. – Прим. Революта Пименова младшего.

Как упоминалось, за последние четверть века вдруг стало возможным, что на решения, принимаемые на самом верху власти, оказывают существенное влияние слои и лица, не входящие ни в Политбюро, ни даже в низовой партийно-государственный аппарат. Например, имена Сахарова и Солженицына достаточно проясняют, о чем идет речь. Это влияние народа на поведение своего правительства (весьма преломленное и своеобразное, увы) – специфика последнего десятилетия. Истоки его – в самом естестве понятий народа и правительства. “Всякий человек от рождения имеет право на жизнь, свободу, поиски счастья, и для обеспечения этих прав люди учреждают себе правительства”, – эта антифашистская декларация прозвучала почти двести лет назад. Эта же формула в развернутом виде легла в основу Декларации прав человека во времена Великой Французской революции, потом многократно повторялась российскими революционерами-народниками, которые на решетках своих тюремных камер вывешивали американский флаг в напоминание о правах человека, потом формула эта была повторена в Атлантической хартии, принята ООН в качестве Декларации прав человека (1948). Можно много говорить о неопределенности этой формулы, но сила ее, как и вообще сила всего жизненного, – именно в этой неопределенности. Как трава на тюремном заасфальтированном прогулочном дворике – неведомо откуда взявшаяся трава – пробивается в трещины, крошит асфальт, живет, несмотря на трехметровые стены и отсутствие солнца, – так и естественные права человека, его неотъемлемые права, берут свое в самых фашистских условиях. Они неистребимы.

Идеал фашизма, который усматривает в своей стране – казарму, в жителях – гарнизон этой казармы, обязанный по первой команде встать под ружье и двинуться на освобождение мира от всех его бед и несправедливостей, – этот идеал разрушается не каким-нибудь злоумышленным врагом, а влюбленными парочками, которые хотят любить друг друга, а не стоять в строю, не разбирать затвор, не докладывать о своем местонахождении. Поиски счастья – очень емкая, расплывчатая формула, ибо у разных людей разные представления о счастье. Но в понятие это непременно входит идея материальной гарантии возможности поисков счастья. Та же влюбленная парочка нуждается в помещении – для нее поиски счастья идут через некоторую свободу распоряжаться жилыми помещениями, будь то отели, будь то частные дома. И покамест в

стране нет такой свободы, покамест “она” вынуждена отвечать “ему” словами Клячкина:

Чем тебя порадую? Ну что ж, пойдем в парадную..., –

до тех пор влюбленные парочки противостоят власти, прямо или (чаще) косвенно. Куропаткам и то, дабы спариться, потребен целый гектар площади, на которой нет другой парочки: иначе у них не получается. Ну, пусть человеческие отношения не столь интимны, но все же...

Когда я хочу приехать со своей семьей в гости к матери на пару недель, порадовать ее внучатами, выясняется, что она имеет в своем распоряжении только одну комнату, что ни о каких “комнатах для гостей” в ее квартире речи быть не может, а про гостиницы думать не приходится, – поездка в гости превращается в источник конфликтных ситуаций. И в той мере, в какой именно власть предписала жилищные ограничения, поиски семейного счастья таким способом приводят к противостоянию меня и моей матери (прямо или косвенно) – власти.

Когда мне хочется отпраздновать свадьбу широким приглашением моих и невесты родственников, недельным гулянием, а намерение наше натывается на то же самое отсутствие жилья, где можно было бы разместить с удобством наехавших гостей, – это тоже ущемление естественных прав человека. Сейчас вот в Молдавии идет кампания против национальной традиции иметь в сельских домах большую (полста или больше квадратных метров) нежилую комнату, которая используется только несколько раз в жизни: при торжествах крестин, на свадьбе, юбилеях, на похоронах, когда сходятся многие гости. Но материальная возможность такой традиции уцелела в России лишь в редких местах: частично в упомянутой Молдавии, до недавнего времени в Грузии; вот, пожалуй, и все.

Мне хочется “людей посмотреть, себя показать” – поездить по родной стране. Я не богат: чтобы ездить, мне надо и работать. Так вот, я дважды ограничен в своих поисках счастья, в своих от рождения присущих мне человеческих правах: в выборе места жительства и в выборе работы. Из-за паспортного режима и необходимости милицейской прописки (отказать в которой милиция вольна без каких бы то ни было объяснений; отказ в прописке не может быть оспорен по суду) я не могу рассчитывать жить во многих привлекательных городах, собственно, во всех столицах и еще десятках других. Я не могу даже въехать в некоторые города: например, ни в

одной кассе Аэрофлота мне не продадут билета во Владивосток, ибо это – “закрытый город”, туда можно приехать хотя бы на время только по спецпропуску. Во-вторых, наличие многократных записей об увольнении по собственному желанию в моей трудовой книжке приведет к тому, что меня ни один отдел кадров не возьмет на работу (если только моя профессия не исключительно дефицитна).

Я хочу писать стихи, хождение на службу убивает мое вдохновение. Подобно Рильке, я имею круг поклонников-поклонниц, которые за честь себе почитают возможность меня накормить-одеть, восхищаются моими стихами. Но так как я не имею в паспорте ни штампа “Член Союза писателей”, ни штампа о приеме на работу куда-нибудь, то власть объявила меня “тунеядцем”, подобно Бродскому, и ссылает катать баланы на лесоповале. И, подобно Бродскому, я из мирного поэта, ищущего новых форм стихосложения, делаюсь ненавистником этой власти, эмигрирую, оттуда страстно объединяю всех писателей Пен-клуба и Мемфис-клуба в обличениях этой власти. Правда, в последние годы острота именно такой ситуации смягчена. Во-первых, реже стали применять статью о тунеядстве к более-менее выдающимся людям; во-вторых, появилась третья возможность штампа в паспорте: “член профобъединения при ССП”.

Но ведь тому же поэту нужно не только иметь гарантию от высылки на Крайний Север. Он хочет иметь аудиторию, он хочет видеть свои стихи изданными типографски и с виньетками. Аудиорию ему просто некуда собрать: жилищная норма 9 кв. метров на душу, так что слишком много слушателей у него не уместится. Никуда его в клубы не пустят: он – “самотек”, а у дирекции клубов есть сверху спущенный план. И, наконец, вся клубно-издательская политика стоит на том, чтобы издавать автора, который пишет не сам от себя, а по заказу, кто нравится первому секретарю (ЦК или обкома, или райкома). И в поисках своего счастья поэт выходит читать стихи к памятнику Маяковскому (“Хорошо, когда в желтую кофту душа от досмотра укутана!”), но его, как Буковского, загребают “за антисоветскую агитацию”, после чего Буковский на много лет основной своей профессией делает борьбу против власти, не давшей ему возможности заняться “поисками счастья”. Ведь правительства – согласно антифашистской формуле, с которой начат этот параграф, – учреждаются именно для охраны названных неотъемлемых прав, а если ук-

лоняются от сего долга, если ущемляют права человека, то с ними надлежит поступать, как североамериканские колонисты с английским королем Георгом III – отказывать ему в повиновении. И в душе у непризнаваемых поэтов происходит этот самый переворот: они отказываются признавать существующее в Кремле правительство как нравственно-авторитетную инстанцию. “Без вас” – формула Рида Грачева. Остается механическое внешнее подчинение, но оно равносильно саботажу. Кончаются, кончились времена “духовной капитуляции интеллигенции”, о которых писала Н.Я.Мандельштам, когда “я хочу, чтоб к штыку приравняли перо, к чугуну чтоб и выплавке стали”. Поэты хотят жить, как хочет трава на тюремном двореке.

И художники хотят жить. И им тоже нужна публика, нужны помещения – светлые и просторные, где можно писать, и еще где можно выставлять картины. И свобода продавать картины – плоды своего труда без какого-либо использования, эксплуатации чужого труда. И художникам нужно такое общественное устройство, при котором покупатели имеют возможность вешать приобретенные картины на стенах, выбирая места, где они будут смотреться, где они будут наиболее выигрышны – т.е. комфортно живущее общество (хотя бы для того, чтобы голодранцам художникам было кого обличать в сытости и презирать).

Я написал пьесу или ощущаю в себе задатки актера-режиссера, хочу устроить домашний спектакль (пьеса-то к дню рождения моей дочери или в связи с моей новой женой). Где мне расположиться? У кого помещение достаточно просторно? Есть ли хоть удобные способы взять напрокат театральные реквизиты? А все это – неотъемлемые права человека, права искать счастье в тех формах, в каких ему видится это самое счастье.

Я верую в Бога. Я хочу коллективно приобщаться к Господу. И в 10-метровой комнатке нас набивается полтора десятка человек читать вслух Библию. И тотчас вступают в действие многочисленные статьи законодательства. От “нелегальной организации” до “вовлечения несовершеннолетних в религиозную деятельность” (если на время чтения Библии я не выгнал своих детей на улицу). Достаточно одной истеричке с такого собрания пойти потом и заявить какой угодно бред в милицию, как ей поверят и всех нас “за изуверство” осудят: не как политиков, а по уголовной статье. Гитлер начал широкое

преследование секты “свидетелей Иеговы”; после разгрома немецкого фашизма эстафету подхватило советское ГБ, которое заселило Воркуту и Колыму “иеговистами”. Их активно преследовали даже в разгар хрущевских либеральных начинаний. Баптисты-инициативники и “истинно-православная церковь” могут порассказать много душераздирающих историй о том, к чему приводят их поиски духовного счастья, поиски спасения души. Преследования ведутся не только по политически-религиозным статьям ЦК. Например, многие политически неугодные священнослужители официальной церкви осуждены за гомосексуализм.

Я проникаюсь идеей “не убий”. Прочел ли я Библию или Льва Толстого, но не желаю брать в руки винтовку. Я хочу быть свободен от убийства, не позволяю себе лишиться жизни другого человеческого существо. Но меня заставляют быть солдатом гарнизона социалистической крепости и судят за дезертирство.

Я инженер, совершенно ничем, кроме техники и нужных для нее математических формул, не интересуюсь. Загорелся сделать новое очистное устройство для автомобилей или же новый буровой механизм для геологоразведки, или создать новую технологию в полиграфической промышленности. И я постоянно натываюсь на внеинженерные препятствия в своей деятельности. Свои поисковые исследования я должен заранее на год-два-пять “спланировать”, и все потребное мне для экспериментов, для изготовления моделей оборудования, все мотки проволоки или несколько граммов масла-раствора я буду получать **только** в соответствии с составленным год-два-пять лет назад **планом**. Никакого оперативного, быстрого изменения потребностей не допускается (кроме как “левым образом”, естественно! ведь жизнь всегда берет свое). Кадры подбираю не я, и нужного мне специалиста, просто толкового лаборанта могут не дать не потому, что нет ставок, а потому, что понравившаяся мне кандидатура может оказаться евреем (а % их в нашем отделе и так чрезмерно высок), оказаться политически неподходящим лицом (здесь, конечно, критерии не столь жестки, как в сталинские времена, но известно много случаев, когда лица высокой квалификации не могут устроиться на работу по специальности), может случиться, что кандидат нуждается в жилье, которого наше ОКБ ему обеспечить не в состоянии. Может случиться, что его не устраивает зарплата, а директор завода даже при желании не может

изменить ему оклада, предписанного Москвой. Но даже если у меня есть все нужные мне работники, их в разгар напряженнейшего труда вдруг срывают всех (или еще хуже – по частям) на посадку картошки, на сенокос, на уборку картошки-свеклы, на перебор овощей в городском овощехранилище. И работа летит к черту. А если мой подчиненный работает плохо, недобросовестно, я не в состоянии его уволить. Уволить по профессиональной непригодности действительно непригодного человека в условиях паракоррупции практически невозможно¹. У меня может годами числиться подчиненная, которая только и делает, что сидит “по справке” с больным ребенком, а в остальное время “входит в курс текущей работы”, никогда ничего не завершая и не исполняя. В условиях нашей “собесной экономики” ни избавиться от нее, ни взять на ее место кого-нибудь другого невозможно. Работа стоит. Да и оценивается работа не по инженерно-техническим критериям, а по “треугольным”: директор, партбюро (комсомол) и профорганизация. А там в оценку включается участие в спортивных соревнованиях, написание заметок в стенгазету, исправное посещение собраний, политинформаций, занятий политучебы, философских семинаров – т.е. всего того, от чего меня, инженера, воротит или клонит ко сну, где нет контактов, которые нужно паять, нет шайбочек, которые нужно притирать, нет триггеров и сплавов олова с сурьмой... Короче, когда доходит до характеристик, до прогрессивок, до дележа премий по системе соцсоревнований, выясняется, что мой сосед-инженер, который не утруждает себя работой, не имеет никаких идей и не конфликтует с начальством, добиваясь (не для себя, а “для дела”) людей, освобождения от поездки в колхоз, либо станка, – он получает больше меня. Его ставят мне в пример. И я, как он, остываю и спокойно на собраниях и на служебном месте начинаю решать кроссворды, а работа – она не волк, в лес не убежит. Всей работы все равно не переделаешь. (Сколько их – таких пословиц – рождено за последние полста лет? Тема для филологической диссертации.) Итак, и как инженер я не могу проявиться, не могу искать счастья в инженерной форме. Ведь я не в состоянии на свой страх и риск открыть себе – как Эди-

¹ Та же паракоррупция позволяет получить заключение о профнепригодности инакомыслящего мгновенно, ибо тут вступают в силу “государственные”, “политические” соображения, обладающие бесспорным приоритетом.

сон – бюро для эффективнейшей эксплуатации рождающихся в моей голове замыслов.

Я хочу знать все, что придумала человеческая мысль, жадно накидываюсь на любую книгу по истории, философии, социологии, политике, а мне не позволяют их приобретать, отказывая в обмене заработанных мною рублей на валюту, которой единственно можно заплатить за облюбованные мною книги. Если же я узнаю, что книги эти есть в “публичных” библиотеках, то сразу же выясняется, что “есть, да не про твою честь”. Там они заперты под семь замков в спецхранах. В публичной библиотеке даже Библию – эту мудрость веков, если не больше, – не выдают без спецразрешения. Если же у меня находятся знакомые, доброжелатели, которые присылают мне книги, то их не пропускает пограничная цензура. Мое неотъемлемое право знать, что творится в мире, отнимается у меня. Да что там – “творится в мире”. Я не могу приобрести даже карты своей собственной страны. Все карты, выпускаемые в СССР после 1959, содержат в себе умышленные искажения информации, наносимые по определенным правилам картографическим управлением совместно с ГБ. Мне втирают очки, заверяя, будто это делается “в целях сохранения секретности”, против враждебных умыслов вождедеющих напасть на нас зубастых империалистов. Но те могут фотографировать со спутников – без искажений – все, что хотят, и чего я, простой житель своей страны, не вижу и сфотографировать не могу. Пролетая над ночной Москвой, я любуюсь переливом огней столицы моей Родины и, вспоминая Лермонтова, с гордостью думаю, что это – уже не “дрожащие огни печальных деревень”. Но мне законом запрещено фотографировать это сияние, этот волнующий облик любимого города! И когда мне случайно попадают на глаза карты, изданные в Нью-Йорке или Лондоне, я обнаруживаю, что они-то без искажений, что их издателей не ввели в заблуждение картографические деформации, внесенные моей властью. Значит, от кого скрывают географию моей родной страны? Почему я нигде не могу приобрести “верстовки”, т.е. карты масштаба “километр в сантиметр”? И на туристских схемах Кавказа никакие ущелья не показаны, никакой увязки расстояний нет. Мое врожденное право на свободу передвижения, на счастье блуждания, на информацию – оно не только не охраняется моим правительством, но всячески ущемляется. И меньше всего я могу знать

факты о своем собственном правительстве. Не секретные вовсе замыслы, а то, о чем кричит вся мировая пресса!

Я люблю писать дневник, занося в него имена, характеристики и мнения встретившихся мне за день (неделю) лиц, поверяя дневнику свои собственные раздумья. **Но помни:** дневник, утерянный ли случайно в парке, выкраденный ли соседом по квартире (общежитию), попавшийся ли при намеренном или совсем другое ищущем обыске, – является юридически значимым документом, на основании которого (если мысли недостаточно правоверны или упоминаемые фамилии неприятны следствию) можно осудить и пишущего дневник, и собеседников автора дневника, и даже просто третьих лиц, в нем упомянутых. И даже если следствие “не захочет связываться” и не станет судить, оно может передать твой дневник комитету ВЛКСМ для публичного зачитания на комсомольском собрании тех его выдержек, за которые тебя надлежит проработать... И никакой суд не примет твоего иска, если бы ты захотел покарать разгласителей твоих интимных тайн!

Я люблю писать письма, у меня прям-таки эпистолярный талант. Но вот одного из моих корреспондентов дернули свидетелем или обвиняемым по какому-нибудь “идеологическому делу”. С той поры все мои письма читаются (впрочем, иногда и раньше; вообще, жизнь у нас была бы невозможна, кабы не “поправка на бардак”, т.е. кабы не то, что “мы не немцы” и никто не выполняет своих функций добросовестно), меня могут потянуть в ГБ и расспрашивать: что думает мой корреспондент? Каковы его убеждения? И, замечая незримых читателей своих писем, я все более вяну, письма из интересных делаются штампованными, банальными, иссякают...

Вышеперечисленные невозможности, препятствия, трудности и удручающие ситуации сочетаются с тем юридическим обстоятельством, что многие естественные права человека не подлежат в Советском Союзе судебной защите. Например, никакой суд в СССР не примет иска от гражданина к учреждению, если гражданин ощущает себя ущемленным, скажем, потому, что ему неверно выплатили стипендию; или неправильно начислили пенсию; или не заплатили пособие по болезни, на погребение и т.п.; или обошли премией, или не выплатили объявленную, или не в должном размере; или уволили с работы в НИИ или КБ инженера “как не соответствующего должности”; или неправильно уволили такого

“ответственного работника”, как зав. яслями; или произвели даже явно незаконный перевод названных категорий работников; или неправильно призвали в армию или уволили из рядов армии и всякого рода военизированных подразделений, включая пожарную охрану; или произвели неправильное присвоение чинов, званий, рангов; или незаконно исключили из колхоза, профсоюза и т.п. общественной организации; или гражданин наткнулся на вопиющее нарушение устава такой организации; или обнаружил нарушение условий конкурса на премию, награду; или напоролся на несоблюдение условий и правил конкурсов на замещение должности или порядка защиты диссертаций; или столкнулся с нарушением очередности предоставления жилплощади; или дирекция не соблюла даже подписанный с работником и заверенный печатью договор о предоставлении жилья; или милиция его не прописала; или ему неправомерно отказано в получении земельного участка или разрешения на строительство жилого дома; или ему не дают направления на работу, или, напротив, направляют на неподходящую. В этих и в сотнях иных случаев судья просто не принимает искового заявления от потерпевшего гражданина – и судья поступает в строгом соответствии с законом! Ибо, как пишет советский автор:

Абстрактный индивид выступает в качестве объекта уголовно-правовой охраны в рассуждениях юристов на Западе. По их мнению, целью права является человек, ему служит право... В советской науке уголовного права вопрос об объекте уголовно-правовой охраны решается таким образом, что этим объектом признаются общественные отношения. Подчеркивается, что человек не является объектом уголовно-правовой охраны.

См. книгу: Ю.А.Демидов “Социальная ценность и оценка в уголовном праве”, М., 1975, стр.36-41, где есть и цитаты из “Курса советского уголовного права”, т.1, Ленинград, 1968, стр.282, и др. И нет разницы – уголовного, гражданского или трудового.

Бакунин в 1851, когда ему казалось, что жизнь его закончена и осталось лишь подводить итоги, писал:

Когда обойдешь мир, везде найдешь много зла, притеснений, неправды, а в России, может быть, более, чем в других государствах. Не оттого, чтобы в России люди были хуже, чем в Западной Европе; напротив, я думаю, что русский человек лучше, добрее, шире душой, чем западный; но на Западе против зла есть лекарства: публичность, общественное мнение, наконец, свобода, облагораживающая и возвышающая всякого человека. Это лекарство

не существует в России. Западная Европа потому иногда кажется хуже, что в ней всякое зло выходит наружу, мало что остается тайным. В России же все болезни входят вовнутрь, съедают самый внутренний состав общественного организма. В России главный двигатель страх, а страх убивает всякую жизнь, всякий ум, всякое благородное движение души. Трудно и тяжело жить в России человеку, любящему правду, человеку, любящему ближнего, уважающему равно во всех людях достоинство и независимость бессмертной души, человеку, терпящему, одним словом, не только от притеснений, которых он сам бывает жертва, но и от притеснений, падающих на соседа! – Русская общественная жизнь есть цепь взаимных притеснений: высший гнетет низшего; сей терпит, жаловаться не смеет, но за это жмет еще низшего, который также терпит и также мстит на ему подчиненном...

Везде воруют и берут взятки и за деньги творят неправду! – и во Франции, и в Англии, и в честной Германии; в России же, думаю, более, чем в других государствах. На Западе публичный вор редко скрывается, ибо на каждого смотрят тысяча глаз и каждый может открыть воровство и неправду, и тогда уж никакое министерство не в силах защитить вора. – В России же иногда и все знают о воре, о притеснителе, о творящем неправду за деньги; все знают, но все же и молчат, потому что боятся; и само начальство молчит, зная и за собой грехи, и все заботятся только об одном, чтобы не узнали министр да царь. ... Если кто и вздумает остаться честным человеком, то и товарищи, и начальники его возненавидят; сначала прокричат его чудачком, диким, необщественным человеком, а если не исправится, так, пожалуй, и либералом, опасным вольнодумцем, и тогда уже не успокоятся прежде, чем его совсем не задавят и не сотрут его с лица земли.

Бакунин писал эти строки в Петропавловской¹, вспоминая побуждения, заставившие его желать революции в России.

Естественно, что человек стремится защитить свои неотъемлемые права. Если их не защищает закон, суд, то – не довольствуясь “универсальным правом жаловаться” – человек начинает стихийно, не всегда наилучшим образом и не всегда соблюдая законы, самостоятельно, “явочным порядком”, искать, как обеспечить себе врожденное право на поиски счастья.

Движение за человеческие права – как и движение травы за разрушение асфальта – в основе своей стихийно, несогласованно и многосторонне. Именно в этом его сила. И именно поэтому сейчас в далекое, невероятное прошлое отошло “мо-

¹ “Исповедь” М.А.Бакунина неоднократно издавалась в СССР, начиная с 1918. Последнее издание, тиражом 27000, предпринято в 1975 и сопровождается обширным предисловием Ж.Дюкло под названием “Бакунин и Маркс. Тень и свет”. М., “Прогресс”, 1975.

рально-политическое единение” народа и правительства, которое было так характерно для сталинских времен, и о котором так по-разному, но точно пишут и Н.Я.Мандельштам, и Оруэлл.

Да, сейчас, когда как минимум три разных, непримиримых позиции равно сосуществуют в официальной советской прессе: жесткая сталинская идеология (“Октябрь”, “Дом”), общегуманная умеренно-либеральная (“Новый мир”) и славянофильская, отодвигающая “классы” по ту сторону русской нации (“Молодая гвардия”), – сейчас ни о каком “морально-политическом единстве” власти мечтать не приходится. К этому стоит добавить нескрываемый национализм окраин – коррелят славянофильству. Однако несмотря на стихийный и “айсберговый” характер движения за неотъемлемые права человеческие, на поверхности, как поплавок, видна та часть движения, которая осознает себя как движение за права. **Осознает** и тем самым **сознательно противопоставляет**¹. Чаще всего, говоря о “движении”, имеют в виду только эту относительно ничтожную часть его.

А эта часть, именуемая также “инакомыслящие”, “диссиденты”, “оппозиция”, “политические”, “идеологические противники”, а в лагерях “масть-фашисты”, в какой-то мере повторяет историю России. Николаевские времена и времена послениколаевского освобождения – это наиболее близкие нам, пережившим сталинское и послесталинское время, периоды российской истории. Не случайно сейчас так обострился интерес к формам оппозиционного движения в XIX веке. Он нам в некотором смысле даже ближе и нужнее, нежели формы политической деятельности XX века.

Власть гораздо более абсолютная и самодержавная, нежели во времена Николая I (см. §1 кн. 1). Пожалуй, так же, как он, нынешнее правительство заботится о благосостоянии своего народа. И так же, как он, рассматривает своих подданных как обитателей казармы. Так же, как он, полагает себя верховным судьей в вопросах литературы, живописи, торговли, философии и нравственности. К началу нынешнего периода управления, т.е. к 1953, страна так же, как после декабрьского восстания 1825, почищена от самостоятельных, инициативных, честных и благородных людей.

Первые поползновения высказаться за свободу (будь то в письме другу, будь то в форме организации) имели место в

¹ В семидесятые годы не надо было пояснять, чему противопоставляет. – *Прим. ред.*

конце войны и первые послевоенные годы. История сохранила мало имен и еще меньше достоверных сведений о тех попытках. Ю.Айхенвальд, А.Белинков, Ю.Гастев, Ю.Динабург, А.Есенин-Вольпин, Н.Коржавин, В.Красин, Р.Пименов, Б.Слупский (не поэт), А.Солженицын – эти имена “диссидентов” 1945-53 годов зафиксированы из-за их дальнейшей судьбы. К ним можно, с натяжкой, причислить В.Гусарова, также написавшего мемуары. Но для понимания эпохи и уровня политического мышления тех лет лучше всего апеллировать не к плохо сохранившимся следам их деятельности (вернее, следам того, как их преследовали), а к повести Синявского “Суд идет”. Она, на мой взгляд, точнее, чем что бы то ни было другое, отразила ход политических рассуждений диссидентов тех лет.

Молодые люди, пышущие бескорыстным энтузиазмом, готовые жертвовать собой ради блага всего человечества, не читавшие никогда ничего сверх Ленина, которого они изучили вдоль и поперек, но совсем не задумывались над реальной ситуацией, когда и для кого он произносил свои слова, – они болезненно воспринимали разлад между сталинской действительностью и ленинскими провозглашениями. “Свобода печати состоит в том, что каждый трудящийся должен иметь право на типографию, на запасы бумаги, должен иметь возможность печатать любое свое мнение по любому вопросу”, – это пронзало. И так как молодые люди выросли при советской власти, инстинктивно с омерзением относились к помещикам, капиталистам и вообще нетрудовому элементу, сплошь да рядом сами зарабатывали себе на жизнь, то они автоматически относили себя в разряд “трудящихся” и притязали, чтобы декларируемая свобода досталась им. Не в их узко-личных целях, нет! Они целиком признавали примат коллектива перед личностью. Свобода нужна была им для того, чтобы облагодетельствовать все человечество (в повести Синявского желание сделать счастливыми колхозников, не получивших ничего за трудодень, сливается с мечтанием о мировом социализме). Эти люди собирались, сочиняли программы, как правило, создавали нечто вроде организации, называли друг друга министрами, поделив “портфели”. Была некая игра в правительство, ведущаяся в условиях пропитанной идеологией страны, потому – идеологическая игра, ведущаяся благородными и страждущими сердцами, потому – в возвышенных целях. И

под лозунгом **свободы**. 90% таких “организаций” остались незамеченными ГБ; то было занято конструированием своих собственных процессов: Вознесенского, мингрельского, врачей и др.; реальную информацию собирать ему было некогда, да и непривычное это дело. Замеченные же подверглись жесточайшим репрессиям: многие годы тюрьмы, лагерей, и только кому повезет – тюрьма заменялась на сумасшедший дом. ГБ относилось к этим “правительствам” без игривости, всерьез. “Программы” и просто письма-дневники веско тянули чашу приговора, особенно если бывали подкреплены цитатами из Ленина.

Всплеск социалистически-ленинских идей в политической мысли движения за человеческие права произошел в 1956-58 гг. С одной стороны, само правительство тогда клялось и божилось, что восстанавливает **ленинскую** законность против сталинского произвола. Те, кто был недоволен прошлым и видел не устраненные еще недостатки прошлого в хрущевское время, ссылались на Ленина, на общесоциалистические идеи и программы. И умышленно подлаживаясь под официальную идеологию, и в еще большей степени бессознательно находясь под ее властью, “диссиденты” выступали с позиций “истинного социализма”, “настоящего коммунизма”. Разоблачения 1956 года и венгерские события придавали вес их доводам, а то, что глава власти в своих выступлениях по радио и телевидению не был в состоянии выговорить слово “социализм”, получавшееся у него исключительно в форме “сицилистический”, делало в их глазах **идеологический** спор решенным: все аргументы, которые власть в силах противопоставить, лежат вне логики, вне мышления, вне честной дискуссии. В это время возникали и “социал-демократические организации”, и “партии истинных марксистов-ленинцев”. Зная о фактах революционного прошлого только то, что можно почерпнуть в романе “Грач – птица весенняя”, молодые “революционеры” кидались “создавать партию”, “вырабатывать научную программу”, но уже гораздо реже “создавали правительства”. За десять лет до того игра в политику могла оставаться только игрой, ибо никак не была зацеплена за реальность, за быт, за протекающую жизнь¹; потому она носила несколько гротескный характер “игры в правительство”. Сейчас игра в политику выливалась в некоторую обращенную вовне деятельность,

¹ Никак – исключая арест, прекращавший игру.

длящуюся и вызывающую ответную реакцию. Потому шаржевые ее стороны ступевывались, исчезали.

Однако как в 1945-50, так и в 1956-58, если бы ГБ не вмешивалось, “организации” лопались бы сами собой; и в тех многочисленных случаях, когда ГБ не знало про такие организации, они издыхали естественным порядком. Ибо социалистической идеологии нечего было делать в обществе, уставшем от социализма, по крайней мере от социалистической терминологии. Общество – люди в обществе – перестало верить в свои силы, в свои возможности. Марк Поповский неплохо обрисовал (не без преувеличения) распространеннейший тип *homo soveticus*:

Собственную ценность и ценность других людей *homo soveticus* усматривает в занимаемой должности. А так как достижение должности развития творческих начал не требует, то совершенствование своей личности *homo soveticus* считает вздором.

...*Homo soveticus* – человек бескорневой. Живет он чаще всего не там, где родился, где находятся его родственники и школьные товарищи, а там, где приказано жить или где это сегодня выгодно: сначала в рабочем или студенческом общежитии, в казарме, на стройке, на целине, – потом на Дальнем Севере, где лучше платят, или на благословенном Юге, где под старость можно выстроить себе домик. Из-за постоянного пребывания среди часто сменяющихся чужих людей родственные и дружеские чувства его остаются в зародыше, а чувства единомыслия и единодушия отсутствуют вовсе. Этическая система *homo soveticus* а вращена газетами и теле- и радиопередачами, а также командами старших начальников. Главная нравственная идея, которую ему втолковывают, состоит в том, что хорошо то, что хорошо “для нас”, а плохо то, что “для нас” плохо. Эту немудреную систему *homo soveticus* переоборудовал для домашних целей, так что блок “для нас” у него заменен блоком “для меня”. В таком виде конструкция наилучшим образом разрешает для него всю сложность нравственных конфликтов с внешним миром.

У нового человека есть еще одна особенность: ему очень редко приходится быть самим собой. По природе своей он жесткий индивидуалист, лишенный при этом подлинной индивидуальности. Но индивидуальные устремления свои приходится ему тщательно скрывать: государственная идеологическая концепция требует от граждан самоотречения и самоотверженности. Так и живет этот несчастный, тщательно скрывая на людях свое подлинное нутро и изображая себя по нужде страстным коллективистом. Мысль двоится, чувство расщепляется: до толстовства ли тут?!...

И до того ли тут, чтобы рисковать за “настоящий социализм”? за вывод войск из Венгрии?? Поэтому, когда появля-

лись “пророки”, звавшие: “поступай так-то! тогда тебя ждет счастье, свобода или т.п.”, – общество не верило в возможность достижения этих целей и фыркало на пророков. Отказываясь принять участие в движении, связанном с самопожертвованием, общество (в инстинктивной бессознательной потребности самооправдания) ставило под сомнение цели и намерения идущих на жертву. “А если вы придете к власти, лучше не будет!” – типичнейшее “возражение”. Будто бы когда-нибудь была реальной возможность “прихода к власти” тех, кто писал и разбрасывал листовки в связи с венгерскими событиями! Если человек говорит, даже весьма возбужденно: “Непременно надо построить мост через эту реку, и как можно скорее!” – то никому не приходит в голову возражать: “А если ты придешь к власти, то все мосты развалятся”. Если же человек настаивал: “Выведите войска из Венгрии!” – то почему-то очень многие пользовались возражением: “А если вы придете к власти, то лучше не будет!”

Описанное настроение в обществе само собой глушило всякие революционно-политические настроения лучше всех органов ГБ.

Следующий период движения за права человека связан с рождением термина “самиздат”: 1960-67 годы. Люди начали думать. Анализировать прошлое. Волны реабилитаций все ширились. Если к 1956 были реабилитированы лишь тысячи, преимущественно из партийно-советской верхушки, то к 1960 были реабилитированы сотни тысяч. Сначала реабилитировали тех, о ком вспомнили Хрущев или Снегов, а потом стали реабилитировать и тех, о ком вспоминали их дети, уцелевшие супруги, знакомые. Правда, власть все время напоминала самой себе и народу, что она исправляет не все преступления, совершенные от имени власти, а только те преступления, которые были направлены против своих же, против товарищей по партии, против “верных сынов партии и народа”. Реабилитация по делам до 1934 случалась лишь в исключительных, единичных ситуациях. Но даже в этих случаях положение осужденных за нереабитированные преступления менялось к лучшему. Все чаще людей, осужденных в 1928-32 по “инженерным” процессам за “вредительство” (см. §§3-4) и не реабилитированных, стали провожать на пенсию, награждая грамотами, а порой даже медалями и орденами “За выдающуюся трудовую доблесть” или т.п. (Конечно, если эти люди выжили и дожили до пенсионного возраста...)

И люди начинали осмысливать случившееся с ними, с товарищами, с партией, со страной. Осмысление началось и в официальной прессе (“Новый мир” и др.), и на уровне перепечаток рукописей.

В связи с антисталинской кампанией Хрущева в официальной прессе появились совершенно неожиданные произведения: в “Известиях” – рассказ Шелеста “Самородок”, в “Правде” – стихи Евтушенко “Наследники Сталина”, в “Новом мире” – повесть Солженицына (см. очень интересный рассказ бывшей жены Солженицына Решетовской в “Вече” про обстоятельства публикации и ее книгу-воспоминания в АПН). Это сразу стимулировало общество.

Из тайников вынимались стихи и повести, написанные в 1937 и 1940 годах или даже дореволюционные сборники. Писались новые. Писались мемуары о пережитом. Обсуждался “Доктор Живаго”. И вот из рук в руки стали ходить “Доктор Живаго” и “По ком звонит колокол”, “Софья Петровна” и “Крутой маршрут”, рассказы Шаламова и Солженицына. Зазвучали песни Окуджавы и Галича.

Начался период создания духовных ценностей, перепечатки и впитывания.

Есть – стоит картина на подрамнике.
Есть – магнитофон системы “Яуза”.
“Эрика” берет четыре копии.
Вот и все. И этого достаточно.

Каждое из названных произведений расходилось в десятках, если не в сотнях перепечаток, фотографирований, ксерокопирований, не говоря про тысячекратную перезапись на пленку. Здесь впервые в истории СССР в духовную жизнь России активно и плодотворно вмешалась русская эмиграция¹. “Издательство имени Чехова” и др., безвозмездно на одном энтузиазме издающие на русском языке за границей русских писателей, публикации которых советской властью пресекались, пользуясь каналами НТС (“Народно-трудовой союз”, издательство “Посев”) и расширившимися контактами советских граждан с заграницей, ввели в оборот советского читателя сбереженные за рубежом сокровища русской литера-

¹ Когда эмиграция строит планы политического переустройства России, когда эмигранты – Милуков ли, Солженицын ли – поучают нас, как нам жить, они ничего не дают России. Когда же они спасают и воспроизводят духовные ценности – тогда они служат России.

туры: в первую очередь, стихи Цветаевой, потом Гумилева, Мандельштама (сохраненные его вдовой и Ахматовой). Потом пошли мемуары. И все это читалось, переваривалось, перепечатывалось. Если официальная власть не хотела обеспечивать управляемому ею населению естественного права на информацию, то явочным порядком, самостоятельно, это неотъемлемое право брало на себя общество. Спрос на пишущие машинки резко подскочил, бумага исчезла из продажи. Произведения **сами издавались**. Возник **самиздат**.

Строго говоря, самиздат был аполитичен. Не существовало какой-либо организации, которая бы “ведала” им. Произведения размножались в точном соответствии со спросом, с читаемостью, с заинтересованностью читателя. Ведь читатель расходовал на приобретение интересующих его произведений не безликие деньги, но свой собственный труд (перепечатки, фотографирования, уговоры знакомых скопировать на служебной “Эре”), рискуя при этом (Слышали, говорят, в Ленинграде за “Доктора Живаго” посадили?” – “А в Севастополе за Окуджаву с работы выгнали!”). Коммерческие отношения в самиздате были распространены слабо (это общероссийская стеснительность ставить дело на финансовую почву), хотя к концу описываемого периода возник и т.н. “коммерческий самиздат”. Последний главным образом возник благодаря потребностям в деньгах у комсомольско-гебистской верхушки, пользовавшейся широкими правами по части поездок за границу и провоза оттуда литературы; именно они привозили из Франции-США “тамиздат”, который потом в Москве-Ленинграде-Свердловске перепечатывался, превращаясь в самиздат. К слову, в то же время возник и третий вид самиздата: сексуальный. В поисках реализации неотъемлемых человеческих стремлений к счастью, некоторые люди ищут свое счастье на пути удовлетворения своих сексуальных потребностей, узнают, что человечество накопило некоторый опыт в этом отношении (в основном – арабско-гаремный и негритянский), и жадно кидаются на литературу, где достижения этого опыта описаны. Этот самиздат и по сей час нелегально переполняет типографии, успешно конкурируя с “йоговским”. Но, впрочем, в этом параграфе мне все время приходится помнить о Гришке Гольденберге, погубившем чрезмерными подробностями “Народную волю”, поэтому да простят мне читатели умолчания и нарочитые искажения¹.

¹ См. сноску в начале §7. – *Прим ред.*

В середине шестидесятых годов самиздат стал все более политизироваться. С одной стороны, правительство совершенно бессмысленными репрессиями подогрело недовольство: арест Синявского и Даниэля, единственное основание которому заключалось в личной обиженности Федина, которого Синявский в повести “Графоманы” вывел в образе главного графомана. Ярость графомана Федина, в свое время умевшего писать, но запродавшего душу – и талант – после первой же критики в его адрес в начале 1945 года, имела далеко идущие последствия, возможно, еще не кончившиеся.

Во всяком случае, она существеннее отзывалась на российской литературе, нежели ярость Шолохова, которого в 1958 обошли с Нобелевской премией, дав ее Пастернаку, из-за чего и разгорелся весь сыр-бор с осуждением “Доктора Живаго” и травлей Пастернака. Федин добился ареста и осуждения Синявского и Даниэля, которые писали под псевдонимом за границей, ровным счетом никому не известные и ничего не значившие.

И хотя в то же время в Ленинграде была арестована гораздо более многочисленная группа – очередная марксистская организация (Ронкин-Хахаев) из более чем десяти человек, издававшая “Колокол” и т.п., эта организация прошла не замеченной российским общественным мнением, которое все больше отождествлялось с московским общественным мнением. Вся Москва была возмущена арестом двух писателей. Широкие протесты, келейные уговоры отказаться от преследования – не имели успеха. Вмешательство зарубежных левых способствовало некоторой мягкости приговора, но и только. Впрочем, это по нашим, советским меркам лишение свободы на пять, а не десять лет почитается “мягким”. Главное общественно-значимое последствие протестов и вмешательств состояло в том, что была создана новая статья в Уголовном кодексе.

Прежняя статья, по которой судили Синявского, Ронкина, Трофимова, Солженицына и сотни тысяч безвестных – была пятьдесят восьмая, пункт десятый (в новом УК она переименована в ст.70, но без изменений по существу). Она гласит “распространение, изготовление и хранение антисоветской агитации и пропаганды”, причем “антисоветское” раскрывается как “клеветническое, с целью свержения советской власти”. Следствие по этим делам ведет ГБ, приговор суровый, обязателен арест до суда, преступление числится “особо опасным государственным”. При суде над Синявским и Даниэлем

стало ясно, что инкриминировать им “антисоветский умысел”, “цель свержения или ослабления” практически невозможно, если рассчитывать на убедительность обвинения. Кроме того, по-видимому, власть – или как минимум некоторые лица во власти – признавали обоснованность требований общества во все отменить статью 58-10, отменить вмешательство ГБ в духовную жизнь общества¹. Поэтому в качестве буфера была создана статья 190-1, которая предусматривает состав преступления, близкий 58-10, но в иной терминологии: “распространение или изготовление заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй”. Здесь нет ни слова относительно цели “свержения”, “ослабления”; в этом отношении формулировка шире. Зато в ней нет и “хранения”, так что хранение самиздата сделалось легальным делом, коль скоро среди знакомых не обнаруживалось сволочи, давшей показания, что я ему давал читать самиздат. Бóльшая юридическая культурность новой формулировки видна и в том, что вместо бранного термина “антисоветский” или “клеветнический”, который большинством населения воспринимается как просто “очень ругательный”, в ст.190-1 в четких и проверяемых терминах описан состав преступления. Либеральный умысел законодателя при принятии этой статьи кодекса виден из того, что следствие по этим делам изымалось из ведения ГБ, передавалось прокуратуре; срок наказания был уменьшен более чем вдвое, суду оставлялась даже возможность ограничиться одним лишь штрафом до 50 рублей. Статья не попала в разряд “особо опасных государственных” преступлений, а осужденные по ней – в политические лагеря; напротив, как и большая часть верующих, осужденные по 190-1 шли в общие лагеря. Возникла возможность постепенной подмены дел по 58-10 делами по 190-1 и практическому отмиранию первой из них, а, следовательно, и устранению ГБ из духовной жизни общества.

Эта возможность не была реализована. Отчасти повинны диссиденты: они не так расценили замысел законодателя. В Москве прокатились демонстрации протеста против “нового ущемления прав человека”, введение статьи 190-1 было по-

¹ С позиций государственной целесообразности (на которых стоял в 1930 Куйбышев в несколько иной форме; см. §4) подавление инакомыслящих в СССР посредством тюрем является анахронизмом. Ведь система так отлажена, что достаточно лишения работы, прописки – и “протестант” окажется в провинции, где никому он не нужен и никто его не слушает.

нято наиболее влиятельными московскими лидерами как симптом наступления сталинизма (к этому я еще вернусь). С другой стороны, ГБ испугалось, как бы в самом деле их не отстранили от идеологических процессов; сработала здоровая ведомственная заинтересованность в ассигнованиях. Ведь без 58-10 кого же им судить?! Шпиона еще поймать надо! Там работать надо уметь, да и редко вообще бывают шпионы, да и когда бывают, приходится руководствоваться соображениями дипломатического порядка... Нет, жить без 58-10 гебистам невозможно. С этого времени оживляется деятельность гебистских провокаторов в рядах движения за права человека: надо доказывать власти, что без ГБ ей не удержаться.

Но движение за права человека набирало силу и не зависимо от ведомственных затей ГБ. Съезд писателей 1967 года послужил поводом для Солженицына – не приглашенного на съезд, что уже одно в глазах всякого понимающего в художественной литературе лишало съезд всяких литературных полномочий, – поднять знамя восстания против “доживающей свой мафусаилов век цензуры”¹. Десятки писателей присоединились к нему. Кстати, гонения против Солженицына организовал все тот же Федин, смертельно обиженный тем, что Солженицын как мастер слова безмерно превосходит Федина, когда-то понимавшего толк в русском языке. Одновременно А.Гинзбург и Ю.Галансков издали материалы в связи с судом над Синявским-Даниэлем (“Феникс”, “Белая книга”²), были арестованы. Загудело в Ленинграде громкое дело Огурцова-Вагина, из-за многочисленности обвиняемых разделенное на несколько процессов, из которых наиболее потаенным был процесс кронштадтских офицеров; эхом этого процесса отозвалась пуля, выпущенная в начале 1969 в Брежнева и отскочившая в космонавта. ГБ, начавшее преследовать мысль и слово, превращало чисто умственный и духовный процесс в материально-политический. На первое место в самиздате стали выходить другие люди.

Повлияло то, что родственники и потомки старых большевиков, репрессированных в 1937, при Хрущеве ожили, появились из щелей (например, секретарь Ленина Фотиева еще в 1935 перешла на нелегальное положение и только таким обра-

¹ Видимо, на тон его воззвания повлияла его убежденность, что жить ему осталось не больше года (рак). Но и другие (Якир, Чалидзе) разъезжали в это время, побуждая вставать на защиту прав.

² Об этом см. роман А.Кондратова “Синтаксис”.

зом сумела выжить, выйдя из подполья только в 1955), вернулись из лагерей. Они не знали и знать не хотели про преступления, совершенные их “невинно пострадавшими” родственниками. Более того, при Хрущеве они имели все шансы попасть во влиятельные люди. У них были широкие знакомства и определенные привычки, воспоминания об образе жизни, присущем властвующим. Со снятием Хрущева грезы и предчувствия пребывания в вождях у А.Снегова и П.Якира (сын командарма И.Якира, одного из рядовых героев гражданской войны, пострадавшего главным образом из-за своей близости к Тухачевскому, который мешал Сталину и Ворошилову) поблекли. Сам П.Якир провел нелегкую жизнь: как сына врага народа его арестовали в возрасте 14 лет, и потом с некоторыми перерывами он 17 лет кантовал по лагерям; мать его – “жена врага народа” – мыкалась так же. Но Якир обладал незаурядными дарованиями; получив возможность, он за несколько хрущевских лет закончил высшее учебное заведение, стал историком. При Хрущеве он получил персональный доступ ко всем архивам: для поисков обличений против Сталина. Со снятием Хрущева этой возможности он лишился. Более того, наверху о Сталине все чаще стали говорить благожелательно.

Понять благожелательные упоминания о Сталине можно. Ведь при Сталине была выиграна тяжелая всенародная война. Имя Сталина на самом деле помогало в годы войны и в тылу, и на фронте. Независимо от реального вклада лично Сталина в дело победы (хотя, мне кажется, что и этот вклад не пренебрежим), нельзя забывать про вклад **имени** Сталина в дело победы; а он огромен. Так же, как историю гражданской войны нельзя писать без упоминания имени Троцкого (или только бранясь в адрес Троцкого), так историю второй мировой войны нельзя писать умалчивая о Сталине или при одних ругательствах в его адрес¹. В конце концов, для значительной части населения время войны – глубокое душевное воспоминание, неразрывно связанное с именем Сталина. Старые фронтовики и просто старики и старухи, проработавшие войну в тяжелых условиях, хотели бы иметь право разглядывать свои благодарности военных лет, не стыдясь. А ведь на каждом бланке тогдашних благодарностей и похвальных листов красуется профиль и фас “величайшего вождя и учителя всех времен и народов” И.В.Сталина. Вычеркивая имя Сталина из

¹ Точно так же нельзя писать историю войны, умалчивая про Маленкова.

истории войны, переименовывая Сталинград в Волгоград, власть плевала в чистейшие и святейшие воспоминания, когда делалось великое общее дело. И тут аналогия с ролью Троцкого в годы гражданской войны кончается: ведь Троцкий воевал против большинства населения, гражданская война не была **общим делом**. Разумеется, в реставрации памяти Сталина было также мощное антихрущевское содержание. Нельзя сбрасывать со счетов и того несомненного факта, что находились и влиятельные силы, которые хотели бы вернуться к методам присталинского управления; достаточно назвать имя бывшего при Сталине заместителем министра ГБ нынешнего начальника политуправления армии Епишева¹, стараниями которого журнал “Новый мир” был запрещен к появлению в армейских библиотеках и казармах. Группа москвичей, выходцев из кругов старых большевиков – А.Снегов, П.Якир, П.Литвинов – решила дать бой поползновениям сталинистов, используя в этих целях самиздат.

Некоторое представление о самой поверхности движения в 1967-69 может дать перечень членов “Инициативной группы”, которая в 1968 громогласно заявила о своем существовании и внимании к вопросам о правах человека, вопросам, связанным с репрессиями, и т.п. вопросам, волнующим инакомыслящих. Перечень мы снабдим пометами в скобках о дальнейшей судьбе этих лиц. Не берясь оценивать сравнительный вес называемых лиц, располагаем их в алфавитном порядке. Г.Алтунян (осужден), Вад.Борисов, Т.Великанова, С.Ковалев (осужден), В.Красин (осужден и эмигрировал), А.Краснов-Левитин (осужден и эмигрировал), А.Лавут, Л.Плющ (осужден и эмигрировал), Г.Подъяпольский (умер), Т.Ходорович (эмигрировал), Ю.Штейн (эмигрировал), П.Якир (осужден, раскаялся), А.Якобсон (эмигрировал); из перечисленных одиннадцать человек – москвичи. Алтунян – харьковчанин и член КПСС, который как военный служащий увлекся Якиром и примкнул к остальным. Плющ – киевлянин, выпущен за границу после долгого пребывания в психбольнице на принудительном лечении. Даже во Франции заявил себя сторонником коммунизма, но с человеческим лицом.

¹ Еще в годы войны Епишев был приставлен Маленковым к Хрущеву, поэтому в 1953 Епишев пострадал сначала от Берии, потом – от Хрущева (угнан послом в Румынию) и люто ненавидел Хрущева. Именно поэтому Брежнев оперся на него (1962), подготавливая антихрущевский переворот, а в награду за помощь уже в октябре 1964 произвел Епишева в члены ЦК, не дожидаясь съезда.

В начале 1968 в России стала выходить “Хроника текущих событий. Год прав человека в СССР”¹. Дело в том, что в 1968 в связи с 20-летием принятия ООН “Декларации о правах человека” во всем мире проводился “Год прав человека”. Советское правительство, имея в виду клеймить с ооновских трибун всякие там Южно-Африканские республики да франкистскую Испанию, охотно пошло на провозглашение такого года, не ведая, какой сюрприз готовят ему в Москве его граждане Литвинов и Чалидзе. “Хроника” информировала о фактах судебных и внесудебных репрессий по политическим, идеологическим мотивам. Сначала круг тем, на которые “Хроника” обращала внимание, был крайне узок, но от номера к номеру он расширялся. Первые два номера выпустили Литвинов и Горбаневская; когда тех арестовали, зная подхватили ленинградцы – Л.Квачевский и Гендлер², потом на много номеров монополию издания сосредоточил у себя Якир.

И прежде те или иные оппозиционные организации затевали выпускать информацию о положении дел с преследованием инакомыслящих в СССР. Но это были спорадические попытки, которые довольно быстро иссякали или пресекались. Качественно новым в функционировании “Хроники” явилась систематичность издания, большая распространенность его и высокая доброкачественность публикуемого материала.

Систематичность.

С 1968 по 1973 вышло 27 номеров “Хроники”. За 1968 вышло четыре номера, раз в квартал, потом они выходили чаще, порой с интервалом всего в полтора месяца. Если иметь в виду, что каждая “Хроника” – это не меньше 20 страниц машинописного текста в один интервал, то видно, какой громадный регулярный труд нужен был для ее издания.

Распространенность.

Прежние издания нелегальных групп либо вовсе не имели хождения, либо обращались в пределах самой группы и ее близких знакомых. Был еще один способ обращения: без определенного адресата издание рассылалось “на деревню де-

¹ Все, что сказано тут о “Хронике”, изложено с большими отклонениями от реальности, приблизительно. Если уж созрели времена рассказать о ее истории полностью, точно, то все равно это задача другого произведения.

² Говорят, что это неверно, что ни они, ни кто бы то ни было другой из ленинградцев не имел отношения к изданию “Хроники”. Ведь нельзя же считать таковым простую перепечатку уже готового экземпляра!

душке” по каким-нибудь внешним признакам, скажем, всем профкомам учебных заведений Ленинграда или т.п. Очевидно, что такое распространение было неэффективным. “Хроника” же реально ходила широко и устойчиво в кругах, даже понятия не имевших о Якире-Красине. Позже было налажено транспортирование ее на Запад, где она издавалась типографски по-русски, по-английски, по-немецки; кстати, одним из подписчиков на ее западное издание является КГБ. Хождение типографски переизданной “Хроники” в пределах СССР наблюдалось, но крайне редко; обращалась преимущественно самиздатская, машинописная “Хроника”.

Доброкачественность.

Когда какие-нибудь изолированные группы борцов за права человека затевали издания вроде “Хроники”, сразу возникал вопрос об источнике их информации. Как в стране, где газеты ничего не сообщают об арестах своих граждан, не говоря уже о протестах по поводу этих арестов, наладить сбор безошибочной информации? “Хроника” находилась в исключительно выигрышном положении, ибо А.Снегов ранее занимал пост начальника политуправления ГУЛАГа (ГУМЗ). Да, того самого, который “Архипелаг Гулаг”. В сталинские времена он сидел в этом Гулаге, в хрущевские – ведал политвоспитанием заключенных. Был он также зам. главн. редактора журнала “К новой жизни” – со сменными полосами, для з/к и для охраны. Во всяком случае, из разного рода сводок, информативок он знал все случаи политических репрессий с той же степенью точности, с какой их знало само ГБ. И, слегка подмудив для конспирации, он выдавал этот материал Якиру. Диалектическое отрицание отрицания: на новом уровне возник Клеточников. (Ошибок в “Хронике” не бывало; самое худшее – возникали опечатки при перепечатке¹.)

Появление “Хроники” совпало с чехословацкими событиями, которые потрясли мыслящих людей в СССР. Год 1968 – это год коллективных петиций, протестов, бурления, демонстративных уходов из партии и Союза писателей. Год, когда широко, применительно к Москве можно даже сказать “массово”, пробудилась общественная совесть, сознание своей ответственности за политику управляющего в стране правительства. Нежелание делить ее в таких бесчестных случаях.

¹ Говорят, что это совершенно неверно. “Хроника” была безошибочной исключительно за счет широкого участия общественности, без всяких “клеточниковых”.

Первая с 1927 года демонстрация протеста на Красной площади имела место 25 августа 1968, в первое же воскресенье после ввода 21 августа советских войск в Прагу, в тот самый день, когда рядом в Кремле велись переговоры между пленным чехословацким правительством и пленившим советским. И не исключено, что какой-то каплей демонстрация Бабицкого, Богораз, Горбаневской, Делоне, Дремлюги, Литвинова, Файнберга повлияла на ход переговоров, на освобождение пленников и временное признание Советским Союзом этого правительства.

В том же 1968 движение обогатилось присоединением к нему генерала Григоренко; это повлекло распространение идей движения в военных школах и т.п. кругах. С другой стороны, так как по родственным отношениям Григоренко имел касательство к крымским татарам, “Хроника” расширила круг тем, коснувшись национального вопроса. Крымские татары, их проблематика, затем украинские националисты с их проблематикой стали одним из постоянных разделов “Хроники”. Лариса Богораз привлекла к движению Марченко, помогши отредактировать ему книгу “Мои показания”, ярко, хотя и чрезмерно яростно описывающую послесталинские лагеря. В том же году академик Сахаров обратился со своим меморандумом к советскому правительству, причем произошла огласка меморандума, и движение обогатилось некоторыми наивно-либеральными прямодушными суждениями весьма авторитетного человека. На несколько лет вождями движения единодушно считались П.Григоренко, А.Солженицын, П.Якир, А.Сахаров, а также Р.Медведев и Г.Подъяпольский.

В 1970 “Хроника” вступила в контакт с баптистами и рассказала, как их преследуют. В том же году состоялся процесс Р.Пименова – Б.Вайля, на котором удалось присутствовать Сахарову. Его возмущение безосновательностью приговора было столь велико, что меньше чем через две недели после вынесения осуждающего приговора¹ он совместно с Чалидзе, Шафаревичем и Твердохлебовым создал “Комитет по правам человека в СССР”, который довольно энергично функционировал до эмиграции Чалидзе в 1972 году. Сахаров же все больше эволюционировал из размышляющего ученого в активного борца-протестанта.

¹ К слову сказать, довольно мягкого, но ни Сахаров, ни другие диссиденты этого снова не захотели заметить.

В это время власти, судя по многим признакам, не хотели расширения репрессий. В том же 1970 кое-то из арестованных в Москве был помилован до суда или освобожден иначе. Имели место попытки вступить в переговоры с некоторыми влиятельными в движении лицами. Но и попытки эти делались вяло, без признания ответственности за делаемые обещания, и настроение у борцов: помещение Григоренко в сумасшедший дом, процесс Амальрика, украинские репрессии, нахождение в ссылке и лагерях многих персонально известных деятелей движения – все это накладывалось на безусловно недоверчивое и болезненно враждебное отношение Снегова, Якира, Красина к нынешнему правительству. Переговоры сорвались. Тем не менее, фактически став на путь царского правительства в 1908-12 годах, власть предпочитала не арестовывать диссидентов, а выталкивать их из Советского Союза в эмиграцию. Впервые за сорок лет было частично признано право граждан эмигрировать, хотя бы в форме выезда в Израиль (на это решение, безусловно, оказал влияние “самолетный процесс” того же 1970 года в Ленинграде). И всеми правдами и неправдами власть стала выпихивать из СССР тех лиц, которые здесь ей были неудобны, но арестовывать которых по ряду причин ей не хотелось. Конечно, этим воспользовалось и ГБ, заслав под маской антисоветчиков за границу ряд своих шпионов, но это выходит за рамки моего повествования.

В 1971 умер Снегов. Умерла мать Якира. Через несколько дней (в начале 1972) у Якира был первый обыск, а через полгода он был арестован. Впрочем, уже за год до того Якир перестал играть значимую роль в “Хронике”. Заменивший его было на выпуске “Хроники” Любарский был арестован уже в январе 1972, за ним последовал Шиханович – осенью 1972.

К этому времени ГБ несколько обучилось розыскному искусству, его чисто сыскная квалификация возросла. Еще более ГБ усовершенствовало психологию допросов (до 1953 в этом оно не нуждалось, пользуясь пытками)... Пользуясь тем, что Якир – хронический алкоголик, а Красин¹ целиком находился под влиянием Якира, ГБ сумело полностью расколоть и Якира, и Красина, получить от них все признания (здесь не было инсценировок или подтасовки фактов), уговорить их покаяться. Публично, под телевидение судимые Якир и Красин рассказали, наговорили обличительных небылиц на заграницу,

¹ Личность очень несамостоятельная и склонная в подражании доходить до предела абсурда.

рассказали все о своей деятельности (в тоне ее осуждения) и были приговорены к смехотворно низким срокам ссылки; даже не отбыв ее, Красин получил разрешение на выезд за границу, и сейчас он уже эмигрировал. Частично психологический трюк ГБ прошел и с Любарским: на каком-то этапе следствия он (а позже Суперфин) ошибся и наговорил много лишнего. Но он не каялся и не собирался каяться; элемента предательства тут не было, был просчет. Совершенно героически держался Буковский, осужденный в 1973 за публикацию материалов о насильственном помещении инакомыслящих в сумасшедшие дома.

Юридический аспект нынешних процессов по делам убеждений весьма своеобразен. Как правило, в них не бывает подтасовок, практически исчезли какие бы то ни были подлоги со стороны следствия или суда, исчезли инсценировки, фальшивые обвинения, а тем более признания подсудимых в несовершенных ими преступлениях. Как правило, сейчас все те **факты**, которые инкриминируются подсудимому, имели место на самом деле. Обвиняемые обычно **делали** то, в чем их обвиняют: встречался с теми, встреча с кем ему инкриминируется обвинительным заключением или приговором; передавал такому-то там-то такую-то машинопись-книгу-фотопленку; писал сам то-то и то-то; разговаривали друг с другом о том-то и том-то. (Разумеется, бывают отдельные ошибки, случайные или по личному злему умыслу-недобросовестности, но я говорю про основную закономерность.)

Однако, есть два **“но”**, которые ставят под сомнение обоснованность судебной репрессии во всем ее объеме.

Во-первых, **никогда** (за редчайшими исключениями, о двух из которых будет сказано ниже) ни следствие, ни прокурор, ни суд в приговоре **не доказывают** и не ищут доказать, что “то-то” (т.е. содержание статьи, книги, разговора) является **ложным**. Между тем, юридически необходимо, **прежде чем возбуждать** дело по статьям 70 или 190-1 УК, установить наличие **ложности**. Ведь эти статьи предусматривают криминалами распространение “клеветнических” утверждений (при некоторых дополнительных квалификаторах), как-выми и по грамматике, и по толковым словарям, и по юридическим учебникам могут являться **только** ложные утверждения (но не всякие ложные). Ситуация юридически приблизительно такая, как если бы человека судили по обвинению в фальшивомонетничестве, в качестве доказательств приводя

факты покупки им в таком-то и таком-то магазине таких-то и таких-то товаров у таких-то и таких-то лиц; все факты истинны, но только никто не посылал на экспертизу денег, которыми расплачивался обвиняемый, и не установил факта их фальшивости. И уж, конечно, никто не принимает во внимание субъективную уверенность обвиняемого в законности использования инкриминируемых денег¹!

Мне известны два суда, которые в таком деле рассмотрели вопрос по существу: Краснодарский суд, который осенью 1970 отказался принять к рассмотрению дело Краснова-Левитина по тем мотивам, что обвинительное заключение **не** формулирует тех конкретных высказываний в сочинениях Краснова-Левитина, которые считает клеветническими, а потому дело нуждается в доследовании, судом к производству не принимается². Другой суд – Верховный Суд Литовской ССР – в декабре 1975, рассматривая дело С.Ковалева, утрудился вызовом свидетелей, которые по существу опровергали утверждения, содержащиеся в документах, распространявшихся Ковалевым. То обстоятельство, что Ковалев не соглашался с показаниями этих свидетелей, нисколько не влияет на юридическую оценку поведения литовского суда как высококультурного. По-видимому, в данном случае эта высокая юридическая грамотность связана с тем, что суд – Верховный Республики. За изъятием же этих двух исключений получается, что строго говоря, приговоры по почти всем делам по ст.70 и 190-1 являются недоказанными; в частности, именно это, как говорилось выше, возмутило Сахарова и Твердохлебова.

Во-вторых, низкая юридическая культура следователей и судей (результат затурканности адвокатов, ибо культуру может повысить только оппонент, и более въедливый – лучше повысит) не позволяет им грамотно и во всем объеме воспользоваться всеми наличными данными следствия, даже когда их с лихвой хватает для обвинительного приговора. А когда че-

¹ И в данном примере, и в судопроизводстве по политическим делам нельзя было бы отказаться от экспертизы, положившись на “непосредственное заключение суда, что ассигнация – фальшивая”. Ведь тогда встал бы вопрос, нуждающийся в судебном выяснении: если ассигнация **явно** фальшивая, то почему же кассир принял ее?!

² Следствие предпочло освободить Краснова-Левитина и прекратить дело, нежели уточнить состав криминала. Отчасти это может быть связано с настроением властей осенью 1970, а может объясняться готовностью осудить его по другому делу.

ловек ощущает, что “по существу” дело “на приговор тянет”, но не владеет формой юридических умозаключений, сам не помнит процессуальных норм, он склоняется прибегать к передержкам, натяжкам, изредка – к подлогам. Этим опять же обесценивается доказательная (и, следовательно, воспитательная) сила приговоров.

Словом, ситуация весьма близка к описанной в §4 кн. 1 в связи с процессом над Чернышевским.

Какой-то период после якировского погрома “Хроника” не выходила, в 1974 она возобновила свое издание. Но это уже другая тема, писать о которой преждевременно.

В 1974 возникла “Группа-74” в составе: Альбрехт, Архангельский, Корнеев, Твердохлебов. Последний был арестован примерно через год, приговорен к ссылке.

В 1976 возникла “Группа Хельсинки” – по общественному контролю за соблюдением советским правительством Хельсинкских соглашений. Так как эти соглашения в значительной мере касаются вопросов разоружения, т.е. военного ведомства, то такой контроль – дело щепетильное. Некоторые из этой группы были обвинены в шпионаже: это первый случай, когда к инакомыслящим после 1953 применена такая квалификация, и выглядит пугающе, как возврат к сталинским методам. Вот состав группы: Л.Алексеева (эмигр.), Е.Боннэр, А.Гинзбург (арест), С.Желудков, В.Корнилов, М.Ланда (ссылка), А.Марченко (ссылка), Н.Мейман, Ю.Мнюх (эмигр.), Ю.Орлов (арест), В.Рубин (эмигр.), В.Слепак, А.Щаранский (арест).

В период 1968-74 совершенно изменился смысл термина “самиздат”. Теперь так именуется не просто самочинно перепечатываемый текст, художественный, поэтический, философский, мемуарный, а непременно обличительный, публицистический материал, как правило акцентирующий внимание на незаконных репрессиях нашего времени. Более того, по видимому, и в самом деле в пылу борьбы уменьшилось число работ, осмысливающих эту самую борьбу, ее цели, смысл и соотносённость с жизнью. После разгрома якиро-красинской “Хроники” общество вернулось к осмысливанию, свидетельством чего служит, например, сборник “Из-под глыб”, дискуссия о “Письме вождям”, полемика вокруг патриарха, работы Ситникова, Буржуадемова, Янова, Сахарова, романы Максимова.

Гражданский уровень общества значительно вырос. Я имею в виду в первую очередь Москву. Исчезла забитость, вера во всемогущество “органов”, безвольное сотрудничество с ни-

ми. Конечно, отклонения всегда бывают, но в среднем, в массе, настроение москвичей переменялось. Один из признаков: поведение свидетелей на политических процессах. Теперь свидетели недвусмысленно демонстрируют свое сочувствие обвиняемым, неприязнь к прокурору, знают свои процессуальные права, пользуются ими, порой даже вынуждают суд снять те или иные обвинения. Пусть не обижаются другие города, но “московское” поведение свидетелей в других местах случается реже (хотя имеется яркий пример исключения: свидетель Орловский из Ленинграда, про которого говорят, что его на все политические процессы подсудимые вызывают свидетелем защиты и он всем помогает). Москва вообще во многих отношениях особый город, как шутят некоторые – особое государство, попасть в которое на постоянное жительство становится труднее, нежели в Израиль. В Москве, например, ежегодно с 1967 устраивается 5 декабря демонстрация в честь Конституции “Помните и уважайте свою конституцию!” (ср. оценку ее в §4). И хотя инициаторы этого “конституционного” оформления борьбы за человеческие права Есенин-Вольпин и Чалидзе уже эмигрировали, тем не менее демонстрации на Пушкинской площади не отменяются, и даже в последние разы власть перестала разгонять эти демонстрации!

До какой степени прежде люди были лишены всякой самостоятельности, видно из двух невероятных примеров. Известно, что с самого почти начала своего существования советская власть настаивала на государственной монополии внешней торговли. Никакой частной, акционерной, фирменной самостоятельности в деле валютных сношений с заграницей! И граждане СССР были напрочь отстранены от прямых торговых контактов с иностранными фирмами. Так длилось десятилетия; торговля велась только государственными органами. Но потом по тонким дипломатическим мотивам оказалось неудобным, что валютные сношения, торговлю ведет непосредственно государство. Тогда придумали нечто, по смелости замысла напоминающее сталинскую конституцию: создали **акционерное общество** Внешторгбанк и **акционерное, частное общество** Внешпосылторг. За долги этих организаций, как сказано в их уставах, государство ответственности не несет, т.е. по видимости пошли на отмену монополии внешней торговли, вроде как в конституции даровали самые демократические права. И каждый год газета “Известия” публикует извещение, что там-то состоялось, де, общегосударственное

заседание акционеров Внешторгбанка, поделили, дескать, дивиденды. На деле каждый советский человек понимает, как строго подбираются кадры этих “акционеров”, как не пробиться туда никому “с улицы”. Тот факт, что власть позволяет себе декларировать такие свободы, как в конституции, позволяет себе создавать такие акционерные общества, как Внешпосылторг, ярче всего свидетельствует о том, насколько она крепка, какой всесильной она сама себя сознает. Никому из советских граждан и в голову не придет попробовать стать пайщиком Внешторгбанка. А тому, кому власть поручила числиться пайщиком, в голову не придет проводить самостоятельную линию. Это – вроде “буферных республик” (§15 кн. 3). Такой же “буферной” организацией является Агентство Печати “Новости” (АПН) или Ассоциация Содействия ООН.

Но вот в Москве стали возникать самостоятельные, самочинные организации. Дабы ГБ не имело оснований сразу хватать их, Чалидзе и другие юридически-мыслящие деятели подчеркнуто провозглашали отсутствие политических устремлений у этих “комитетов”, “групп”, “изданий”. Правда, именно в результате огромной озабоченности в названном направлении, соответствующие издания получались стерильными, вроде чалидзевского сборника “Общественные проблемы”, который из-за перегруженности юридической терминологией почти не пользовался успехом в перепечатках; и то сказать, что по времени ему приходилось конкурировать с эмоционально составленной “Хроникой”, интересным по направленности “Вечем” и “Украинским вестником”. Но были и “Комитет по правам человека в СССР”, и “Группа-74”, и “Ре-Патрия” (орган немцев, добивающихся репатриации), и “Международная амнистия” (московская секция, иначе именуемая “Советская группа”), и ряд христианских изданий, и еще чаще единоличные систематические письма-проекты, в которых указывался обратный адрес и телефон, и тем гарантировался сочувственный отклик. Про все названные организации власть узнавала непосредственно от самих инициаторов этих организаций; например, Твердохлебов обратился в финансовые органы с предложением провести ревизию отчетности его группы, оказывающей материальную помощь ссыльным и заключенным, на предмет установления налоговой ставки на денежный оборот.

Кстати, еще новое и важное явление. Стало нормальным, что семье арестованного помогают материально. Если в годы

Сталина от семей арестованных отшатывались как от зачумленных, если в первые годы Хрущева от семей не отшатывались, но и помощи, как правило, не оказывали, то теперь редкая такая семья не получает значительной материальной поддержки. Самим заключенным в тюрьмах и лагерях по условиям их содержания практически помочь очень трудно, но и тут делается все возможное, хотя с низким коэффициентом полезного действия. Ссылных же, изгнанных с работы, семьи заключенных – этих обеспечивают и одеждой, и пищевыми посылками, и деньгами в пределах зарплаты до момента репрессии, и моральным сочувствием.

Источники? В значительной мере – добровольные взносы всех слоев общества. Ведь общество уже понимает (хотя и не все, и в разной мере), что те, кто борется за человеческие права, помогают обществу жить. Костями своими эти борцы выстелили путь и к праву на эмиграцию, и к возможности сейчас рассказывать на работе анекдоты, и к праву отдельных лиц думать и излагать свои мысли. Конечно, как и всякая борьба за свободу в условиях самодержавного управления, нынешнее движение не свободно от угрозы “профессиональных заболеваний”: бесовщины, страсти к героизму¹ и т.п. (ср. §3 кн. 2 о “Вехах”). Но в целом, в наше время движение за права человека социально полезно, оздоравливает атмосферу и может послужить делу материально-нравственного улучшения жизни в России. Общество – опять-таки в целом – это сознает и помогает, сколько может.

Разумеется, при той небогатой жизни, которая характерна для горожан (я еще вернусь к вопросу о роли города), добровольных сборов не достало бы. Но, например, А.Гинзбург после высылки Солженицына предал огласке то обстоятельство, что Солженицын уделял щедрой рукой деньги от своих зарубежных публикаций на помощь жертвам репрессий; Гинзбург сообщил об этом в связи с тем, что Солженицын после своей

¹ До какой степени распространено “профессиональное заболевание” героизмом, видно на примере таких антиреволюционно настроенных писателей, как Солженицын и Шафаревич в “Из-под глыб”. Они своими призывами толкают людей на массовый и перманентный героизм: жить не по лжи, отказываться от получения высшего образования, уходить из кинотеатров и т.п. Но профессиональные революционеры чаще всего вырабатываются как раз из лиц, жертвенно шагнувших в героизм, а потом лишившихся из-за этого возможности нормально жить в обществе, нормально зарабатывать, нормально растить детей, нормально ссориться с женой.

высылки уполномочил именно Гинзбурга распределять этот фонд. Есть и другие источники “Краснокрестного финансирования”. Международная организация (центр – в Лондоне) “Международная амнистия” постоянно шефствует над многими советскими политзаключенными, ссыльными и т.п.

Разумеется, когда речь идет о распределении денег (или о сборах), возникает уйма недоразумений и порой грязи. Например, деньги обладают способностью прилипать к рукам – общечеловеческий порок. Будь у нас несколько больше культуры социального общения, мы бы сознавали, что за посредничество в передаче (порой полулегальной или вовсе нелегальной) денег желаемому нами адресату – надо платить передающему за труд и риск. Мы этого не ощущаем, апеллируем к бескорыстному героизму, передающий стесняется попросить-потребовать-намекнуть, а потому, оставленный наедине с собой и деньгами, хапает больше того, чем удовлетворился бы при гласном обсуждении.

Вот пример, к чему приводит иногда принципиальная чистота. В §6 кн. 1 упоминался помещик-народник Д.Лизогуб, который вознамерился передать все свое миллионное состояние революционерам-землевольцам. Он попал в тюрьму – под следствие, еще не лишенный никаких имущественных прав – до того, как реализовал недвижимость. Он поручил своему управляющему Дриго поскорее завершить продажу и **все** деньги передать А.Михайлову – “дворнику”. Дриго возжелал нажиться на этом деле и, пользуясь тем, что такое хозяйственное распоряжение явно противозаконно (деньги отдаются на антиправительственные цели лицу, проживающему по подложному документу), а потому не может быть сформулировано в письменном виде, начал торговаться с Михайловым: дескать, процентов 40-60 я вам дам, а прочее себе заберу. Бескорыстный Михайлов, в жизни не потративший на себя лично полушкой больше, нежели было необходимо для нищенского пропитания, возмутился жадностью, моральной нечистоплотностью и прочими пороками управляющего. Ультимативно потребовал соблюдать волю владельца, тем более священную, что тот находится в тюрьме и пользоваться его беспомощностью было бы низостью. Разговор с Дриго прекратился. Дриго для упрочения своего положения сочинил ложный донос на Лизогуба, усугубивший уголовное положение того (кончилось Лизогубу виселицей). Землевольцы не сумели получить ни копейки.

Сейчас не такие крайности: не о миллионах рублей идет речь, и не лишают жизни. Но не один раз диссиденты стоят перед нравственным выбором Михайлова, беседующего с Дриго. И редко помнят про уроки истории, не хотят платить дань мздоимцу.

Другой исток конфликтов: обиды, почему такому-то помогли сильнее, нежели такому-то?! Третий: некоторые матери (с женами это бывает реже, но матери выросли еще при Сталине) опасаются, отказываются брать помощь, боясь, что за это либо их засудят, либо ухудшат режим содержания их осужденному сыну. Как и во всяком живом деле, тут много нерешенных вопросов, конфликтных ситуаций, препятствий и грязи. Тем не менее, помощь ширится, участие всех слоев населения увеличивается.

В том, что я назвал “поплавком” – поверхностным, создающим себя движением за права человека – принимают участие почти исключительно горожане. В деревне нет того комфорта, который требуется, чтобы осознавать свое поведение. Для деревни еще действует фактор климата. Однако для большей части страны этот фактор перестал действовать: в городах отсутствие Гольфстрима возмещено паровым отоплением¹. А в городах проживает уже существенное большинство страны. И наиболее значимый для судеб России город – Москва – живет в исключительно комфортных условиях. Почти ни один из постоянно действовавших в России факторов не применим к современной Москве (кроме “неэффективности форм социального общения” и “жажды справедливости”). Какие именно закономерности сработают в ней, дело будущего. Я не пророк, и не берусь поучать, “как надо”.

Я могу лишь осветить некоторые возможности будущего развития, но не хочу делать это с той категоричностью, с какой Амальрик предсказывал крах СССР к 1984. Ведь очень многих современных факторов я не знаю, возможно, решающих.

Возможно, развитие пойдет по пути эскалации напряженности противостояния между властью и политической частью движения за права человека. Возможно, что власть сумеет найти способ совместно с движением за права человека эф-

¹ На первый взгляд, смехотворное утверждение. Однако, действительно, благодаря паровому отоплению, газу и метро москвич может круглый год не нуждаться в шубе, валенках, рукавицах, не думать о дровах, вообще, жить на парижский манер, а не на манер наших предков сто пятьдесят лет назад. Он может игнорировать климат.

фективно поднять материально-культурный уровень жизни в стране. Это – основные альтернативы, ибо движение, как трава, неистребимо; его можно лишь на какое-то время загнать под асфальт, расходуя на удержание его там все силы, энергию, все народное богатство. И власть неустранима. Никаких преобразований в нашей стране минуя власть быть не может. Покамест участники движения не осознают, не проникнутся мыслью, что при всей ошибочности и античеловечности тех или иных поступков управляющих те имеют такое же право на свои формы “поисков счастья”, как и Якир, Солженицын, Сахаров, – до тех пор движению будет угрожать опасность выродиться в нечто социально-опасное.

Итак, первая возможность. Весьма правдоподобно, что никакого диалога между властью и политически-сознающими себя деятелями движения не получится. Не получилось у Якира, потому что он желал убрать правительство, а не разговаривать с ним. Не получилось у Сахарова, которому правительство ничего не стало отвечать. Не получилось у Солженицына, который желал не столько разговаривать, сколько поучать и обличать. Растет взаимное раздражение и ожесточение. Память об умершем в лагере Галанскове, возмущение высылкой Солженицына – гордости русской литературы – делает несговорчивой одну сторону. К тому же правительство по совершенно загадочным для меня причинам упорно не желает провести политической амнистии, старательно исключая из всех амнистий с 1957 года как 58-10, так и 190-1. С другой стороны, правительство раздражается тем, что диссиденты сумели приковать к себе внимание мирового общественного мнения и сплошь да рядом срывают иногда даже очень важные дипломатически-торговые замыслы правительства. Кроме того, как и всякий военный начальник, правительство раздражается самим фактом “непослушания”. Это раздражение искусно подогревается ведомственными интригами ГБ, не желающего подвергнуться сокращению штатов.

Зловещим рисуется мне упрощение идеологической картины, произошедшее за последнее десятилетие. Прежде картина была, как минимум, трехкрасочная: “там”, по ту сторону рубежа сидят и лают на прекрасную советскую действительность монархисты, гестаповцы и прочие эмигранты. Здесь есть как сторонники жесткого курса, репрессий, зажимания гаек, так и либерально мыслящие наши товарищи, полагающие дать больше свободы и самостоятельности обществу –

Б.Балтер, В.Войнович, А.Галич, А.Гладилин, В.Гроссман, Ю.Домбровский, А.Зиновьев, Ю.Карасик, Л.Копелев, Н.Коржавин, А.Костерин, В.Максимов, В.Некрасов, А.Некрич, М.Поповский, А.Синявский, Г.Свирский, А.Твардовский, Хейфиц, Е.Эткинд, А.Янов и десятки других, преимущественно членов КПСС. Теперь картина сводится к двум цветам: к шавкам из эмигрантской подворотни присоединилось большинство из названных, тем самым наглядно подтвердив правоту тех товарищей, которые еще 10-15 лет назад возмущенно указывали на вредоносность их ревизионистских выходов.

Из набора культурных факторов, образующих ум и душу новых поколений, старательно изъяты все имена и труды эмигрировавших – их как не было. Новым поколениям опять начинать почти с нуля, без подспорья тех нравственных открытий, которые совершили и Балтер, и Гладилин, и Поповский...

Еще более роковую силу представляют все эти давно исписавшиеся, пропившие свой талант федины, шолоховы, холоповы. Они-то лучше всех понимают, что при малейшей свободе в литературной жизни при условиях, когда печатать не произведение решалось бы по признакам художественного мастерства, – им придется уйти от кормушки. Сейчас средний молодой автор владеет фразой в сотни раз лучше этих бывших. Потому-то бывшие легли у новых авторов на пути трупом. Потому-то они затравили лучших писателей (Грачев, Максимов, Солженицын). Как опытные демагоги, они понимают, что травить надо, отталкиваясь от обвинений в “идейной ущербности”, и режут литературу под корень. Поэтому Россия снова стоит перед угрозой повторения ситуации 1860-х годов: настоящая – та, что остается в веках, – литература может сделаться антиправительственной. Слишком много ее обижают. Слишком мало ей позволяют. А если сознание нации снова делается оппозиционным (а сейчас, в отличие от сталинских времен, пребывание русского писателя на Западе не исключает его из духовного мира советского человека), то возможно повторение рокового хода долгой и изнурительной борьбы правительства и общества. Конечно, те или иные отдельные “поплавки” будут ликвидироваться, политические организации – позже партии – будут сажаться в тюрьмы, но все силы уйдут на это. Правительству не останется возможности и времени на улучшение материального уровня жизни, на усиление обороноспособности страны (к тому же ученые и тех-

ники все весомее отходят от сотрудничества с властью и в этой области), на решение насущных социальных проблем (производительность труда, алкоголизм, хулиганство, наркомания). Собственно, о возможных последствиях эскалации см. §§4-6 кн. 1.

А как хотелось бы гражданского мира! Какое это приятное чувство, когда сотрудничаешь с собственным правительством не вопреки своей совести, когда ни ты в нем, ни оно в тебе не видит врага, когда вы оба друг в друге заинтересованы! И есть, еще не исчезла полностью возможность того, что правительство станет привлекать видных деятелей движения за права человека не к уголовной ответственности, а к участию в управлении страной. “Что, Григоренко и Костерин требуют восстановления прав крымско-татарского населения? Ну, ладно, поручить это дело им, только при условии, чтобы не были нарушены права нынешнего населения Крыма (неповинного в ошибках Сталина) и не была бы нарушена безопасность летнего отдыха туристов и курортников в Крыму, чтобы не произошло восстаний местного населения, как стряслось в Грозном и других местностях Северного Кавказа в 1958, когда туда вернули ранее выселенных чеченцев и ингушей.” И после такого решения вместо нарастания обвинений и раздражающих эмоций те же борцы за права вынуждены были бы искать компромиссов, взаимоприемлемых решений, становиться государственными деятелями, а не обличителями.

Мы живем в одном доме, все мы – и Сахаров, и Брежнев, и нерасчетливо в этом доме никому бить стекла, намереваясь выморозить другого. Ведь могут лопнуть трубы парового отопления, и нам всем придется худо.

И если эта точка зрения окажется реализованной, то тогда, во-первых, большое число умных людей, которые сейчас или сами не работают на власть в полную силу, или им власть не позволяет по идеологическим соображениям, станут помогать власти решать экономические, технические, организационные, финансовые проблемы. Все вместе, может быть, мы и сумеем вытащить Россию из хозяйственного тупика, в который ее загнала история. Во-вторых, власти не пришлось бы тратить энергию на поиски и преследование несогласных. В-третьих, и во всем мире изменилось бы отношение к России.

И некоторые примеры показывают, что такое сотрудничество между правительством и движением возможно. Напри-

мер, на членов Политбюро сплошь да рядом совершаются террористические покушения (на Хрущева – сын прокурора Родоса, пренебрежительно помянутого в докладе на XX съезде; несколько – на Мжаванадзе; известное – на Брежнева; на мурманскую делегацию XXV съезда и др.), но правительство очень разумно не предаст огласке этих актов и не ищет в них политической окраски. Одновременно и движение не берет покушавшихся под свою защиту и не помещает сведений о них в “Хронике”, дабы не стимулировать терроризм.

Конечно, многие посмеются в мой адрес. Я и сам не знаю, остались ли еще возможности выбрать второй путь. Знаю, что без политической амнистии он исключен, но не понимая причин, по которым в ней отказывают, не могу взвесить реалистичности-нереальности такого шага. Я знаю, что сам я никогда не хотел враждовать с властью. И если случалось так, что меня многократно арестовывали, что при обысках гибли и картотеки к этому труду (задуманному три десятка лет назад), и порой мои библиотеки, если при написании этой книги меня неотступно преследовали строки из цветаевского “Андре Шенье”:

... Не разобрать в темноте: руки свои иль чужие?
Мечется в страшной мечте черная Консьержия.
Руки роняют тетрадь, щупают тонкую шею.
Утро крадется, как тать – я дописать не успею! –

то моего в том умысла не было (хотя порой бывала моя вина). И пусть мой труд послужит делу примирения общества и власти. Ибо всякое знание истины служит делу мира.

Понять – значит простить.

ЛИТЕРАТУРА

- А.Амальрик. “Доживет ли СССР до 1984?”, 1968.
Ахматова. “Реквием”, 1940.
Буковский и Глузман. “Инструкция о поведении на психиатрической экспертизе”, 1974.
Буржуадемов. “Антигелбрейт”, 1972.
Владимов. “Верный Руслан”, 1976.
Вольпин. “Юридическая памятка”, 1969.
Гастев. “Дело нищих сибаритов”, 1976.
Гинзбург. (Аксенова) Е. “Крутой маршрут”, 1962.
Гроссман. “Все течет”, 1968.
Гусаров. “Мой папа убил Михоэлса”, 1969.
Даниэль. “Говорит Москва”, 1961.

- Джилас. "Новый класс", 1960.
- Желудков. "Переписка с Любарским о существовании Бога", 1974.
- Житников. "Закат демократического движения", 1973.
- Кузьминский. "Вавилонская башня", 1972.
- Мандельштам (Хазина) Н.Я. "Вторая книга", 1973.
- Максимов В. "Карантин", 1973. "Семь дней творения", 1973.
- Марченко. "Мои показания", 1967.
- "Из-под глыб", сборник, 1975.
- Медведев Ж. "История Лысенко", 1960. "Международные контакты ученых", 1968.
- Медведев Р. "Перед судом истории", 1961.
- Мороз. "Репортаж из заповедника им.Берия", 1967.
- Пастернак. "Доктор Живаго", 1957.
- Пименов. "Один политический процесс", 1968.
- Н.Решетовская. "В споре со временем", АПН, 1974.
- Сахаров. "Размышления о прогрессе", 1968.
- Сахаров, Турчин, Медведев Р. "Письмо Брежневу, Косыгину, Подгорному", 1970.
- Синявский. "Суд идет", 1956. "Любимов", 1960.
- Солженицын. "Один день Ивана Денисовича", 1962. "Раковый корпус", 1965. "В круге первом", 1966. "Письмо вождям", 1973.
- "Хроника текущих событий", №№ 1-31, 1968-1974.
- Чалидзе. "Общественные проблемы", №№ 1-6, 1968-72.
- "Хроника защиты прав в СССР", США, 1973, издаваемая независимо от предыдущей.
- Чуковская. "Софья Петровна", 1939.
- Янов. "Третий путь", 1974.